

1.1

— Лесницкая, я повторяю еще раз — Вы уволены!

Я испуганно сглотнула и вздрогнула от громкого удара ладони Василия Валерьевича о стол. Низенький мужчина, восседающий за заваленным документами рабочим местом, пронзал меня яростным взглядом маленьких прищуренных глаз, едва заметных под низко нависшими веками. Его толстые, словно молочные сосиски, пальцы выстукивали по деревянной поверхности нервный мотивчик, а свободная рука с зажатым в ней платком периодически поднималась к идеально гладкой лысине, дабы стереть с нее блестящие капельки пота.

— Н.но, — хотела возразить я, однако начальник явно не собирался выслушивать справедливые доводы.

— Вон, Лесницкая! — вскочил он со стула, пухлой потной ладошкой ослабляя туго завязанный темно-синий галстук. — И чтобы я тебя больше здесь не видел!

Я зажмурилась и направилась прочь из кабинета, понимая, что спорить с этим свиноподобным созданием абсолютно бесполезно. Обидно было до слез. Моей ошибки в испорченном деле не было, босс собственноручно напортачил с заполнением важных документов, а теперь пытался свалить все на свою работницу.

Маленькая нотариальная контора, где я трудилась помощником нотариуса с момента окончания института, не имела большой клиентской базы. Поэтому, как только в нашем небольшом городишке поселился богатый и довольно известный бизнесмен, и почему-то выбрал именно нашего Василия Валерьевича себе в нотариусы, последний стал лезть из кожи вон, дабы угодить золотой жиле. Вот только в связи с отсутствием нужного опыта, непроходимой ленью и привычкой взваливать важные дела на плечи сотрудников, наш начальник уже на третий месяц работы ошибся в важных бумагах, ставя всю свою контору под удар. Ошибка была быстро найдена, а репутация безнадежно потеряна. Назревал грандиозный скандал, в который босс влезать никак не хотел, вот и пришлось ему выкручиваться и врать клиенту, что это, якобы, целиком и полностью вина его помощницы. То есть — меня. Такой вопиющей несправедливости, честно говоря, не ожидала, учитывая, что исправляла накладку и спасала контору от еще больших потерь именно я. И именно я сейчас мяла в трясущихся пальцах листок с уже подписанным заявлением об увольнении.

— Ну и ладно, — всхлипнула, вылетая из кабинета и оставляя тяжело плюхнувшегося в кресло начальника за громко хлопнувшей дверью. — Вам это еще аукнется!

— Руся! — подбежала ко мне ожидающая у двери подруга. — Ну что?

— Уволил! — пожаловалась, еле сдерживая подступающую истерику.

Слезы обиды душили, а непривычная для меня мысль как-нибудь отомстить зарвавшемуся начальнику все прочнее оседала на задворках сознания. Почему-то в памяти всплыла яркая вывеска «Ведьма София. Приворожу, отворю, порчу наведу», что мозолила глаза каждый день, при выходе из подъезда моего дома. Раньше я только закатывала глаза, наблюдая как в «магический» салон напротив стягиваются люди, зато сейчас мысль обратиться к этой самой Софии и попросить ее навести порчу на недочеловека, именуемого моим начальником, казалась невероятно привлекательной

— Какую порчу? — мгновенно испугалась Света. Видимо, последнюю мысль я озвучила вслух. — Не смей! Тебе же хуже будет!

Девушка всегда верила в магию и приметы и сейчас растерянно смотрела на меня, скорее всего, планируя в случае активных действий нерадивой подруги привязать ее к батарее и не допустить самой роковой ошибки.

— А мне уже все равно! — тем временем отмахнулась я, утирая стекающие слезы и пугая Светочку еще сильнее. — Ты в этом спец, посоветуй, что лучше: чтобы все женщины мира в этом подлеце исключительно предмет мебели видели? Или чтобы наш клиент его все-таки прибил в темной подворотне?

— Русланка, ты серьезно? — Светка в ужасе закрыла ладошками рот, округляя и без того огромные карие глаза и делая шаг назад

— Ты права, — кивнула, открывая сумку и со всхлипом отправляя туда канцелярские принадлежности с теперь уже бывшего рабочего места. — Лучше и то и другое...

Доверчивая девушка в ужасе схватила меня за локоть, начиная умолять не творить глупостей, а я не выдержала и приземлилась на стул, громко и протяжно завывая по поводу несправедливости своей судьбы и жизни вообще в целом.

— За что? — ревела, ударяясь лбом о стол и чувствуя, как место соприкосновения с деревянной поверхностью уже начинает ныть. — Я же ничего плохого не сделала! Я же не виновата! Это же его ошибка!

Светочка растерянно гладила меня по волосам, пытаясь оторвать от стола и убедить не травмировать ни в чем не повинную голову, но мне было все равно.

— Конечно его, Русланочка, — ласково причитала подруга, начиная всхлипывать вместе со мной. — Перестань плакать, пожалуйста! И не бей себя! Так шишка появится!

— Да хоть три! — выла я, царапая короткими ногтями внутренние стороны сжатых в кулаки ладоней. — Света! Какое мне теперь дело?! Я же безработная?!

— Тоже мне, нашла проблему. — фыркнула девушка, продолжая успокаивающе гладить мои волосы. — Ты со своими мозгами запросто куда угодно устроишься!

Я, наконец, прекратила мучить свой пострадавший лоб и подняла на собеседницу заплаканные глаза.

— Ты мне врешь. — жалобно хмыкнула, растирая соленую влагу, перемешанную с косметикой, рукавом светлой блузки. — Если бы у меня и правда были мозги, я бы ни за что на свете не допустила бы подобного!

— Русик, ну ты чего?

Подруга метнулась к своему столу, разгребая там завалы и вытаскивая небольшую пачку влажных салфеток. Удовлетворенно кивнув, она подбежала обратно, протягивая парочку мне и указывая на щеки. Да уж, скорее всего выгляжу сейчас как опухшая с пьянки панда. Ну и ладно! Не перед кем тут красоваться.

— Свет, что мне теперь делать-то? — снова совсем не женственно захныкала, отталкивая ее руку с салфетками.

— Иди домой и успокаивайся! — мудро посоветовала та. — Купи себе любимое мороженое или торт, посмотри телевизор. А завтра со свежими мозгами пойдешь искать новую работу.

— Ага, а эта скотина так и будет спокойно себе сидеть, не испытывая ни малейших угрызений совести, что меня уволил и подставил?

Почему-то этот факт был самый обидный и никак не желал укладываться в голове, а мое обостренное чувство справедливости бесновалось и кричало, что нельзя спускать подобное безобразие с рук.

— Знаешь, что? — последний раз всхлипнув, твердо произнесла я: — а ты права!

Светка радостно закивала, радуясь, что ее отчаявшаяся подруга не побежит творить глупостей. А я сжала кулаки, прибавляя себе решимости подобным жестом, и резво вскочила:

— Это и правда все ерунда!

— Вот именно!

— Неважно, ведь жизнь не кончилась!

— Правильно!

— И все у меня будет хорошо!

— Непременно!

— И я найду новую прекрасную работу!

— Конечно, ты же умница!

— Естественно! Но перед уходом, скажу этому... нехорошему человеку, что я о нем думаю!

Светка осеклась, не сразу осознавая, что я только что сказала, а потом испугалась.

— Стой! — завопила она, резко хватая за локоть, когда я уже направилась в сторону кабинета босса. — Стой! Куда?!

— К нему! — твердо рявкнула, пытаюсь вырвать собственную конечность из цепких пальчиков подруги. — Раз никто больше не может сделать этого, то я выскажу все, что думаю!

— Уж лучше порчу! — отчаянно пискнула девушка, безуспешно пытаюсь удержать меня. — Так меньше шансов, что тебя прибьют!

— А мне бояться нечего! — гордо подняла опухшее от слез лицо к потолку. — Зато совесть чиста будет!

Я ловко дернулась и все-таки вырвалась из захвата Светки, стрелой устремляясь к двери кабинета с надписью «Нотариус Костров В.В.» и чувствуя совсем не свойственную мне, бурлящую в крови ярость...

Вы знаете, что такое волчий билет? Это крайне неприятная штука, когда тебя выпирают с предыдущего места упорного труда на благо Родины, без возможности устроиться на другое ему подобное.

В кабинет к Кострову В.В. я все-таки попала, все, что думаю о нем — высказала, а блестящую от пота лысину даже полила свежесваренным кофе. Дымившаяся в кружке жидкость с шипением расплескалась по макушке босса, оставляя после себя малиновый цвет кожи. Начальнику, видимо, такое сердечное прощание от несправедливо уволенной сотрудницы не понравилось, и он, противно повизгивая и напоминая свинью на заклании, полез драться в ответ. Вот только его пухленькое и низенькое тельце было слишком уж неграциозным, из-за чего Василий Валерьевич и проиграл схватку куда более ловкой мне. Под испуганные причитания влетевшей за мной в кабинет Светланы, я наступала по уже красному темечку босса захваченными с его стола документами и гордо написала ярким синим маркером на недавно поклеенных светло-бежевых обоях обидное — «Лжец!» Нагрянувшая на разборки охрана, немного погоготала над собственным работодателем, лицо которого отливало насыщенным красным цветом, а сам он почти дымился от стыда и ярости, и под белы ручки вышвырнула меня на улицу, похлопав на прощанье по плечу и пожелав удачи.

Закончился этот неприятнейший скандал тем, что Василий Валерьевич погрозился заявить на меня в полицию, но в итоге все же не стал, видимо, стыдясь подробностей данного инцидента. Зато теперь ни одна уважающая себя контора города на пушечный выстрел не подпускала меня к своим обителям, заявляя, что я не компетентна и положительных рекомендаций с прошлой работы не имею.

Как следствие этого, Лесницкая Руслана Анатольевна, я то есть, злая как тысяча чертей, сейчас грузила собственные вещи в старенькие жигули, с гордой надписью «Спасибо, что живой» на заднем стекле. Причиной этому служило никак не жгучее чувство стыда или раскаяния, а вполне весомый аргумент выселение из съемной квартиры. Денег, чтобы оставаться там дальше у меня уже не хватало, а хозяйка, старая злющая старуха, смахивающая на Кикимору, заявила, что нищих в доме не потерпит. Доводы, что я непременно устроюсь на работу, нужно только немного подождать, на нее абсолютно не действовали. В ответ на любые аргументы она презрительно сплевывала из беззубого рта и показывала обидный кукиш, настаивая, чтобы я убиралась.

Убираться мне было особо некуда, кроме родного, но такого далекого Владивостока.

Однако найденное во время сбора вещей завещание, про которое я давно позабыла, подарило мне мизерную надежду, что я все-таки могу не ехать обратно домой на другой конец нашей необъятной страны.

Светочка, которой я утром позвонила в слезах, сетуя на противную старую деву, лишаящую меня жилища, уже спустя час прибежала на зов и сейчас растеряннo металась от подъезда к багажнику, помогая грузить вещи. Любимая подруга от моей идеи была далеко не в восторге и уже битых полчаса пыталась убедить в своей правоте.

— Руслана! Ну куда ты поедешь? — монотонно капал ее звонкий голос мне на мозги. — Ты же не была там сто лет!

— Двенадцать, — поправила девушку. — И это не имеет никакого значения.

— Имеет! — гнула свою линию Света, слезно пронзая меня растерянными взглядами.

Девушка явно пыталась надавить на жалость, но я поддаваться не собиралась, уже все для себя решив.

— Я хочу начать новую жизнь, и это идеальный вариант.

— В лесу?! — в сотый раз ужаснулась подруга. — Среди медведей и волков?!

— Там нет ни тех, ни других, — уверила собеседницу, со стоном запихивая последнюю коробку на заднее сиденье машины. — Пара кабанов, может, бегают, но я к этим животным уже привыкла. Вон, один из их представителей целых пять лет моим боссом был. Ничего выжила.

— Ужас! — испуганно передернулась девушка, хватая меня за рукав. — Русь! Ну останься у нас, пожалуйста! Влад не против, поживи сколько хочешь! Зачем вдаваться в крайности?

Владом звали мужа Светланы — Белого Владислава Александровича. Довольно небедного и успешного предпринимателя, который был старше моей подруги на пять лет и сдувал с нее пылинки с самого института. Девушка тоже безмерно обожала своего драгоценного супруга и теперь результат их любви отчетливо проступал сквозь легкое летнее платьице подруги, указывая на шестой месяц беременности. Именно этот факт и заставил меня почти сразу отбросить вариант проживания у семейства Белых. Подруга дорабатывала в конторе последние деньки, счастливо готовясь к декретному отпуску и появлению на свет ребенка. Сколько продлились бы мои поиски работы я не имела ни малейшего понятия, а сидеть на плечах молодого растущего семейства, болтая ножкам, уж точно не собиралась.

— Даже не обсуждается! — отрезала, захлопывая обшарпанную дверь и надеясь, что напирающие изнутри коробки не вывалятся в процессе моего путешествия.

— Руся!

— Что, Руся?! Я уже двадцать пять лет Руся!

Подруга осеклась и всхлипнула, мгновенно бросаясь мне на шею. Правильно. Спорить со мной бесполезно. Упрямством я немного напоминала свою бабушку, которая за всю свою жизнь имела только два мнения — свое и неправильное.

— Пожалуйста, пообещай, что не пропадешь и будешь звонить! — провила мне на ухо Света, крепко сжимая в объятьях. — Пообещай!

Я грустно вздохнула, обнимая подругу в ответ и клятвенно заверяя, что непременно выполню все ее просьбы. Девушка отстранилась, быстро подошла к подъездной лавочке, поднимая с нее небольшой пакет, и протянула его мне.

— Так и знала, что ты не согласишься и все равно уедешь, — всхлипнула она.

В заботливо собранном Светочкой свертке лежали несколько пластиковых контейнеров с едой, термос с холодным кофе и пару бутылок негазированной воды. Я почувствовала, как к глазам подкатывают слезы, и сама уже бросилась на шею подруге, крепко ее

обнимая. За все это время я ведь даже не вспомнила о необходимости долгого пути и о том, что нужно будет что-то есть. Зато ответственная и заботливая Света, зная меня как облупленную, собрала с собой ужин. Господи, ну и как я без нее буду?

— Береги себя, пожалуйста. — обнимая меня в ответ, заплакала подруга.

— Ты тоже, — всхлипнула я.

— И не забудь, ты будешь крестной для нашего малыша! Так что не пропадай!

Я быстро закивала, отстраняясь и утирая соленую влагу с щек. Как говорит моя мама: долгое прощание — всегда слезы, поэтому уезжать нужно как можно быстрее и не оттягивая неизбежный шаг. Последний раз чмокнув подругу в щеку и пожелав ей как можно больше счастья, я запрыгнула, наконец, в свою машину и, стараясь не смотреть на махающую в след Свету, двинулась к своей новой жизни.

Решение попытаться обустроиться в деревне далось мне совсем не просто. Вот только и возвращаться обратно домой во Владивосток не хотелось совершенно. Родители и куча родственников безмерно гордились умной и способной Русланой, когда я, благодаря собственному упорству, поступила в один из престижных ВУЗов столицы. Когда сразу после выпускного нашла работу по профессии, не мотаясь в подвешенном состоянии, как большинство выпускников, они вообще дружно расплакались и заявили, что я добьюсь в этой жизни самых высоких вершин и сделаю фамилию Лесницких уважаемой. На мои справедливые замечания, что это всего лишь должность помощника нотариуса в маленькой частной конторке в крохотном подмосковном городишке, они отмахивались и говорили, что «еще не вечер». Разочаровывать гордящихся мной родственников я не собиралась, признаваться, что была несправедливо уволена и позорно вышвырнута из конторы — тоже. По крайней мере сейчас. Вот и ехала сейчас в душном салоне старых жигулей на встречу кардинальным изменениям.

Эти самые изменения ждали меня в семистах километрах от нашего города, на самой окраине дикого девственного леса в уютной деревеньке Зорино. Старый домик, доставшийся мне по наследству, я помнила совсем плохо. Последний раз была там, кажется, лет в двенадцать — тринадцать. Бывшими хозяевами участка были моя дальняя родственница Марья Егорьевна и ее муж. Женщина то ли приходилась троюродной сестрой невестке моего прадеда, то ли кем-то еще в подобном роде, точно даже не знаю. Позор мне и грех, но полного состава своего генеалогического древа я так и не выучила, несмотря на уговоры горячо любимой бабушки, знающей, в отличие от нерадивой внучки, каждого родственника четы Лесницких.

Даже не помню, зачем приезжала туда в далеком детстве, если даже почти не общалась с этой семьей. Кажется, родители просто решили, что их дочурка слишком скучно живет и додумались отправить меня на недельку за тысячи километров от дома в разгар летних каникул. Но в общем-то, это совсем не важно. Важно, что три года назад мне неожиданно позвонили и сказали, что Марья Егорьевна умерла, а по причине отсутствия собственных детей, дом и участок в далеком Зорино завещала именно мне. Муж ее, оказывается, погиб уже давно, и баба Марья последние года жила там одна. Отказываться от неожиданно свалившегося на голову наследства я не стала, но и с радостными воплями продавать участок ради выручения сомнительной прибыли тоже не понеслась, поразмышляв и временно оставив все как есть. Видимо, не зря.

Подумав, что в ближайшие дни времени из-за переезда у меня будет не так много, я набрала знакомый номер мамы, вспоминая, что уже давно не звонила домой.

— Да, доченька! — спустя пару гудков донесся до меня счастливый голос родительницы.

— Привет, мам! — отозвалась, чувствуя, что готова вот-вот расплакаться.

Дома не была уже лет пять. Наглый босс первые три года не давал отпусков совсем, а в прошлом году во время заслуженного отдыха послал на недельный тимбилдинг на турбазу в Подмосковье, якобы защищать честь компании и хорошенько набираться сил. Спорить с ним было бесполезно, и домой я так и не попала, а сейчас, когда резко не осталось никаких дел и было время на размышления, я вдруг отчетливо поняла, как сильно скучаю по родным.

— Как вы там? — спросила, стараясь, чтобы слезы не проступили в голосе.

— Да прекрасно, доча! — отозвалась женщина. — Костик вот женился, представляешь? А у Танечки скоро малыш второй родится! Девочка, наверное, будет! Мы с папой недавно на горячие источники ездили, отдохнули! И подлечились и сил набрались! Ты тоже обязательно съезди! У вас же там непременно где-нибудь есть? Бабушка вот требует, чтобы ей пристройку к дому сделали, представляешь? — мама заливисто рассмеялась, а я закусила губу, крепче вцепляясь в руль. — Говорит, что ей стало тесно и раз уж еще один внук скоро будет, то дом должен быть большим, чтобы вся семья влезала! Ой, а я же не говорила еще: дедуля решил на старости лет охотой увлечься! Никогда не интересовался, а тут вдруг ружье охотничье купил и в лес теперь наведывается!

Мама все рассказывала и рассказывала о новостях наших многочисленных родственников, а я беззвучно глотала слезы, мечтая сейчас оказаться в кругу своей огромной дружной семьи. У бабушки было шесть детей, младший из которых — мой папа. И все они сейчас давно обзавелись супругами, родили своих детей, а некоторые уже даже нянчили внуков.

— Ой, доча, что-то я заговорила! — спохватилась женщина на том конце провода. — Ты то как? Как работа? Замуж не собралась?

— Работа отлично, мужья все перевелись, — отозвалась, качая головой. — Нету мам, в наше время, мужчин нормальных. Папа — исключение.

Мама заохала, причитая, что пора бы уже остепениться и что я совсем не думаю о своем будущем. Сама она вышла замуж уже в девятнадцать лет и считала, что в мои двадцать пять оставаться одной — гиблое дело. Даже сетовала как-то, что так и умрет без внуков, если я и дальше буду игнорировать собственную личную жизнь.

— Ладно-ладно, мам! — прервала я поток переживаний, улыбаясь сквозь слезы. — Я буду всенепременно и в максимально короткие сроки искать себе претендента на руку и сердце, честное слово.

— Руслана, я серьезно! — я словно увидела, как мама нахмурилась, привычно сдвигая на лбу тонкие брови. — Нельзя одной оставаться!

— Не буду, — клятвенно заверила ее. — Обещаю. Ладно, мамуль, я тут за рулем. Привет папе передавай и поцелуй его от меня. Я вас очень люблю!

— Господи, Русланка! Да кто ж за рулем-то разговаривает? — встрепелась мама. — Пока, дочка. Будь аккуратней, мы тебя тоже очень любим!

Мама отключилась, а я закинула телефон в бардачок. Ничего. Я обязательно все им расскажу. Вот устроюсь в деревне, жизнь налажу, чтобы они за меня не переживали, и сразу же все расскажу.

Солнце нещадно пекло, заставляя асфальт плавиться под давящими на него шинами. Духота сводила с ума, но легкий ветерок, проникающий в открытое окно, немного освежал раскаленный воздух. Пробки остались позади, и дорога была почти полностью свободной. Лишь изредка мимо проносились встречные машины, поднимая облако пыли с грязных обочин. Я ехала уже часов шесть, иногда останавливаясь по естественной нужде или перекусить. Городской округ закончился примерно через час пути, сменившись на бескрайние поля, леса и частые деревушки. Встречные поселения радовали глаз маленькими уютными домиками, утопающими в зеленых садах и огородах. Милые дворiki и красивая природа вызвали у меня приятные воспоминания о детстве и теплую улыбку и будили оптимизм и надежду.

Не так все и плохо, в конце концов. Ну подумаешь, с работы выгнали — надо радоваться, что за мои выходки начальник не вызвал полицию, хотя должен был это сделать. Сейчас вместо чудесной русской природы наблюдала бы стальные решетки и обшарпанные стены с неприличными надписями. Подумаешь, из квартиры выселили — вполне может быть, что в новом доме, да на новом месте мне понравится куда больше. Как гласит бессменный девиз оптимистов: «на каждое ваше «Увы» у нас всегда найдется свое «Зато».

Настроение стремительно улучшалось, однако уже через полчаса с грохотом упало обратно за отметку минус, а все вокруг снова настойчиво напоминало, какая я все-таки неудачница. Сначала сломалось радио, оставляя меня в полной тишине. Затем неожиданно сел телефон, который, как мне казалось, я зарядила прямо перед выходом. Но даже это было не так обидно, как неожиданно отключившийся навигатор. Прибор решил, что я вполне самостоятельно справлюсь с выбором направления и бессовестно почил в иной мир. Насколько я помню, до заветной деревушки Зорино оставалось всего около часа, но дорогу я, естественно, не запомнила. Бумажная карта, заботливо положенная в бардачок Светой, жутко злила меня и мой процветающий топографический кретинизм.

Солнце уже клонилось к горизонту, а возможность ночевки на дороге совершенно не прельщала, хотя все больше казалась чем-то неизбежным. В очередной раз свернув не туда, я оказалась в уютном селе с говорящим названием «Погорелки». Поселение было довольно большим, и я понадеялась, что здесь-таки найдутся хорошие люди, и кто-нибудь мне поможет.

Проехав пару километров, я тормознула жигули рядом с небольшим магазинчиком, вылезла из машины и направилась к его дверям. Местная торговая точка встретила меня прохладой, источаемой громко гудящим допотопным вентилятором, обшарпанными синими стенами, запахами консервов и жирными мухами, кружащими над тучной продавщицей. Я глубоко вздохнула, нацепила на лицо более-менее приветливую улыбку и направилась к прилавку.

— Здравствуйте! — громко произнесла, подходя вплотную и пугая, видимо, заснувшую женщину.

— И тебе не хворать. — отойдя от первого шока, буркнула та в ответ. — Чегось глотку дерешь?

— Я заблудилась, — растерянно пожала плечами. — Не подскажете, где у вас тут деревня «Зорино» находится?

Женщина недовольно хмыкнула, а затем прищурилась, вставая и опираясь локтями об опасно скрипнувший прилавок.

— А ты чегой-то там забыла? — поинтересовалась она, осматривая меня сверху вниз, — али в гости к кому? Не помню я тебя, милочка.

— Ага, — кивнула, немного отстраняясь и пытаясь сдерживать дыхание.

Продавщица, видимо, собралась травить вампиров, потому что исходящий от нее смрадный запах чеснока мгновенно въелся в мои рецепторы чувств, заставляя их активно противостоять такому издевательству над собой.

— В гости, — добавила сипло, все еще не давая потоку кислорода попасть внутрь.

Женщина недовольно хмыкнула, буркнув что-то про «Понаехали тут», а потом внезапно резко изменилась в лице. Ее губы, напомаженные ярко-алым цветом, растянулись в улыбке, оголяя желтые зубы. Жирно нарисованные брови взлетели на лоб, а пухлая ручка с ободранным зеленым маникюром на пальцах принялась кокетливо поправлять кудрявую шевелюру. Я удивилась такой неожиданной перемене в настроении продавщицы и проследила за ее взглядом.

Как оказалось, внимание женщины привлек только что зашедший в магазин высокий парень примерно моего возраста, может чуть постарше. Новый гость чертовски обаятельно улыбнулся и приветливо кивнул мигом разомлевшей продавщице. Я же в свою очередь заинтересованно наблюдала за молодым человеком, непонятно что забывшем в полуразвалившемся магазинчике села «Погорелки». Одет парень был совершенно не по-деревенски: в довольно дорогие стильные джинсы и белую футболку с логотипом известного бренда. На запястье красовался ремешок с недешевыми часами, а пальцы зажимали ключи от машины со значком марки KIA.

— Здрасти, — жеманно протянула продавщица позади меня.

Она медленно повела плечами, приводя в движение свои достоинства размера этак

шестого, и кокетливо заправила за ухо, оттянутое тяжелой серьгой, прядь крашенных волос.

— Вам как обычно, Максим Иванович?

Я нервно икнула, наблюдая за пугающими действиями дамы и на всякий случай сделала еще шаг от прилавка. Не знаю, как Максиму Ивановичу, которому явно предназначались данные «соблазнительные» действия, а вот мне стало откровенно страшно.

— Как обычно, — словно не обращая внимания на ужасающие заигрывания барышни преклонного возраста, протянул парень.

Он положил на прилавок небольшую сумку и хмыкнул, когда взбудораженная продавщица схватила ее цепкими пухлыми пальцами, начиная нагружать явно знакомым набором продуктов. Посетителя женщина, судя по всему, прекрасно знала и встречалась не раз, коли так шустро мелькала среди полок, сотрясая пол магазинчика и по памяти собирая нужные вещи.

1.2

— Простите, — покашляла, стараясь привлечь внимание бегающей туда-сюда продавщицы. — Так вы мне поможете или нет?

— Уймись окаянная! — шикнула та на меня, разгневанно сведя брови на лбу. — Не видишь, клиенты у меня! Кли-ен-ты! — по слогам добавила она, видимо желая указать на важность сего события.

Я растерянно взъерошила волосы, понимая, что от данной особы ничего не добьюсь, и случайно наткнулась на заинтересованный взгляд парня, который рассматривал меня будто диковинную зверушку в городском зоопарке.

— А что у вас случилось? — вежливо спросил он. — Может быть, я могу чем-то помочь?

— А вы местный? — осторожно поинтересовалась, теребя в руках истрепанную карту.

Парень кивнул, одобряюще улыбаясь и давая понять, что готов выслушать мою проблему.

— Я ищу деревню Зорино, — наконец, произнесла, растерянно пожимая плечами и поднимая путеводитель. — Потерялась, а навигатор сломался.

Станный он. Говорит, что местный, а выглядит как типичный городской, причем довольно небедный. Неужели и правда здесь живет?

— Так давайте я Вас провожу, — тем временем улыбнулся Максим Иванович. — Я как раз туда направляюсь.

— Ого, — удивилась, краем глаза замечая, как ревниво косится на меня продавщица. — А Вам не будет неудобно?

— Да чего тут неудобного, — хмыкнул собеседник. — Я сам из Зорино, и сейчас направляюсь домой.

Так он еще и из Зорино! Неужели мне, наконец, улыбнулась удача, и я все-таки смогу переночевать под крышей и в теплой постельке, а не свернувшись крендельком на заднем сиденье машины?

— Четыреста сорок рублёв! — рявкнула продавщица, бухая перед парнем, не ожидавшим такой звуковой атаки, сумку.

Тот осторожно вытянул руку, с опасением забирая продукты из-под носа женщины и протянул ей пятисотенную купюру. Дамочка было поплевала на палец, собираясь отсчитывать сдачу, но щедрый покупатель широко улыбнулся и сердечно велел купить на остатки шоколада. Продавщица снова перестала злиться и рассыпалась в благодарностях, а Максим направился к выходу.

— Пойдемте, — произнес он, галантно открывая передо мной скрипучую дверь.

Я кивнула и послушно вышла на улицу. Душный воздух мгновенно налип на тело и забился в легкие. Я тяжело вздохнула

— Как Вас зовут? — поинтересовался новый знакомый, подходя к огромному черному внедорожнику и снимая его с сигнализации.

— Руслана, — шокировано отозвалась я, разглядывая машину.

Интересно, у них в Зорино все на таких передвигаются или это уникальный индивид? Насколько я помнила, в деревне не то что дорог, даже тропинок, по которым такая махина проехать сможет, не было и в помине. Это что ж за двенадцать лет все так изменилось? Прекрасно! Тогда, вполне возможно, что там и интернет у кого-нибудь найдется, и не придется тебе, Лесницкая, дичать в полном разъединении с большим миром.

— А я Максим, — протянул мне ладонь новый знакомый, по-прежнему улыбаясь и светя

ямочкой на щеке. — Давай, что ли на «ты» сразу?

— Давай, — согласно кивнула, пожимая большую теплую ладонь. — Приятно познакомиться!

— Так ты к кому все-таки едешь? — поинтересовался Максим, пока открывал багажник и закидывал туда пакет с продуктами. — Деревня маленькая, а я тебя не встречал раньше.

— Жить там буду, — отозвалась, складывая руки на груди и исподтишка разглядывая парня. — От родственницы дальней дом достался.

Нет. Максим Иванович, определенно не местный житель. Фигура как у заядлого спортсмена или постоянного посетителя тренажерного зала, футболка с джинсами стоят две, а то и три моих месячных зарплаты, про автомобиль я вообще молчу. И какого черта он забыл в этой глуши? Может просто в отпуске? Дачник? А что, решил навестить свою бабулю в свободное время и пожить на природе. Чем не вариант?

Я мотнула головой, отгоняя коршунами налетевшие мысли и стушеввалась, замечая, как парень задумчиво рассматривает меня в ответ.

— Может ты хоть адрес точный назовешь? — приподнял он бровь, открывая дверь водителя. — У нас в Зорино всего две улицы, конечно, но длинные. Куда именно тебя проводить?

Я завистливо бросила взгляд внутрь удобного салона, обдуваемого кондиционером и скрытого от палящих лучей солнца тонировкой на стеклах, и со вздохом поплелась к своей машине, чьи внутренности уже готовы были задымиться от жары. Под вечер духота стала совсем невыносимой. Дождь что ли пойти собирается? Этого еще не хватало, если я на своей колыхаге еще и застряну посреди размытой дороги, то официально придется признать эти несколько последних дней — худшими за всю мою жизнь

— Лесная 6, — наконец, ответила, с трудом открывая заедающую дверь. — Да ты не волнуйся. Просто до въезда в деревню проводи, а там уж я сама разберусь.

— Я живу на Лесной 5, — неожиданно помрачнел Максим. — Так что нам в любом случае по пути, соседка.

И что это его так рассердило, интересно? Только что дружелюбно улыбался и был приветлив, а через секунду уже прожигает во мне глазами дыру, словно надеясь, что я вот-вот испарюсь. Я передернула плечами, отгоняя неприятное чувство, и забралась в машину. Парень через пару секунд последовал моему примеру, завел свою махину и первым начал движение.

До Зорино мы доехали примерно за полчаса. Вопреки моим опасениям, дороги там все-таки появились. Конечно, не привычный городскому глазу асфальт, а старая щебенка, но и по ней можно было проехать, не опасаясь застрять в глубокой жоп... кхм яме.

Ехавший впереди джип Максима, минут через десять после въезда тормознул рядом с огромным двухэтажным домом, съезжая на обочину и уступая мне путь. Я с открытым ртом проехала мимо богатого особняка и через пару метров остановилась рядом со своим будущим жилищем.

М-да... Все гораздо хуже, чем я ожидала...

Старая покосившаяся изба, одной стороной смотрящая в темный лес, а другой на двухэтажную соседскую домину, встречала меня злобным поскрипыванием осевших бревен и неприглядным провалившимся крыльцом. Заколоченные окна мрачно поблескивали мутными стеклами, а крыша неприветливо зияла темными дырами на треснувшем шифере. Сад и палисадник, которые в детских воспоминаниях были зелеными, чистыми и приятными для отдыха, сейчас утопали в двухметровой крапиве, что злобно колыхалась на ветру. Забора не было и в помине, хотя валяющиеся на земле штакетники скорее всего ранее служили именно этим.

Я вылезла из автомобиля и с трудом сдержала рвавшийся наружу истеричный всхлип. Идея начать новую жизнь в деревне перестала сиять своей привлекательностью и

жалобно потухла, перерождаясь в новую — уехать отсюда поскорее и, переборов гордость, явиться-таки к родителям на поклон в родной Владивосток.

— Вы уверены, что будете там жить? — раздался слева от меня заискивающий вопрос.

Тон соседа мне совсем не понравился. Хотя Максим и улыбался, еле заметная угроза, проскользнувшая в его голосе, заставила меня удивленно вздернуть брови. Что это? Его не устраивает подобное соседство, или это у меня паранойя, развившаяся на фоне рухнувших надежд?

Впрочем, неважно. Хватит впадать в депрессию и обращать внимания на всяких там недовольных соседей! Я — Руслана Лесницкая! Благодаря собственному упорству, окончившая школу с золотой медалью, самостоятельно поступившая в престижный ВУЗ, получившая красный диплом и всегда живущая с гордо поднятой головой! Мне все по плечу!

Внутренний голос мерзко захихикал на такое громкое заявление, а я мотнула головой, отгоняя вредину куда подальше.

— Конечно! — уверила фыркнувшего Максима. — Теперь официально будем соседями!

— Будем, — мрачно кивнул тот. — Заходите, если что. Я тут живу и могу помочь. Пососедски.

Он развернулся и открыл калитку, исчезая в собственном жилище, а я присвистнула. Ничего себе! Так все-таки живет! Интересно на какие такие шиши он живет именно «так»?! Сомневаюсь, что в местном колхозе платят большие деньги. Может быть, в городе работает? Хотя тоже вряд ли. До ближайшего райцентра километров двести, да и то, самому богатому человеку, проживающему там, скорее всего придется всю жизнь питаться хлебом и водой, дабы позволить себе к глубокой старости отстроить такой дом.

Ладно, прочь из мыслей странного соседа и вперед обживать новое гнездышко. Я решительно выдохнула, крепко сжала кулаки и, достав из бардачка ключ, переданный мне нотариусом, оформлявшим завещание, направилась к крыльцу. Ну здравствуй, милый дом.

Милый дом отвечать не спешил, все мрачнее поскрипывая старыми бревнами. Я слотнула и мысленно постаралась уверить себя, что мое новое жилище совсем не напоминает мне избу с привидениями из недавно просмотренного ужастика. Однако густые заросли по бокам от крыльца, темный лес справа, за верхушки деревьев которого уже закатилось солнце, и этот пробирающий до мурашек скрип решительно убеждали меня в обратном.

— Мапочка, — пискнула, на дрожащих ногах подходя к крыльцу и начиная медленно подниматься, переступая проваленные ступеньки.

Рядом с осевшей деревянной дверью страх накатил еще сильнее. Мозг пронзила паническая игла, а внутренний голос на пару с интуицией молили убираться отсюда куда подальше и никогда больше не возвращаться. Может, переночевать в машине? Да ну нет! Соберись, Лесницкая, это просто дом, ничего страшного! Постаравшись уверить себя в этом, я стерла со лба выступившую испарину и дрожащими руками взялась за замок. Ледяная сталь противно холодила кожу, а пальцы захотелось отдернуть, однако я все-таки поднесла ржавый ключ к не менее ржавому замку. С трудом сделав пару поворотов, я сняла тяжелый замок и нерешительно взялась за ручку. Сердце застучало где-то в ушах, а разум накрыла паника, увеличивающаяся с неожиданно быстро стусившимися сумерками. Соседский дом светил неярким фонарем во дворе и окнами, и мое новое темное пристанище из-за этого казалось еще более зловещим и жутким.

Как же я хотела сейчас оказаться у себя в квартирке. Укутаться в теплый плед, усесться на старый кожаный диван, попивать горячий шоколад и утирать платочком слезы при просмотре очередной мелодрамы. Однако моя реальность стояла передо мной и пугала зияющими темными окнами, дырявой крышей и пробирающими до косточек скрипами.

Давай, Руслана, не будь трусихой!

Глубоко выдохнув и крепко зажмурившись, я таки решилась и потянула на себя дверь,

которая мгновенно огласила притихшую округу лязгающим скрипом несмазанных петель. Звук противно врезался в уши, из-за чего у меня свело челюсть, мышцы одеревенели а ноги приросли к полу.

Резко открыла глаза и замерла, чувствуя, как перехватило дыхание, Сердце пропустило очередной удар, воздух выбило из легких, и я в ужасе уставилась на две светящиеся в темноте желтые точки. Точки с черными зрачками. Это были чьи-то огромные глаза.

Глаза!

— М...ма...м...ма... — выдохнула, не в силах даже пошевелиться.

Глаза моргнули, а мой мозг мгновенно распознал это как решающий сигнал к действию.

Громкий визг, пронзивший утопающую в сумерках деревню Зорино, принадлежал мне — Лесницкой Руслане, деловой и уважающей себя девушке с высшим образованием и красным дипломом. Правда сейчас, когда я улепетывала от страшного дома, издавая такие фальцеты, что мне мог позавидовать любой оперный певец, от моей деловитости мало что осталось. Я все еще кричала, пугая местных собак и заставляя их подвывать мне в ответ, когда, непонятно как перепрыгнув забор соседского дома, подскочила к входной двери и заколотила в нее кулаками.

— Откройте, — орала, отбивая себе руки о деревянную поверхность и от ужаса помогая себе еще и ногами. — Пожалуйста!

Оглядываться назад не хотелось. Почему-то казалось, что обитающее в доме чудовище непременно последовало за мной и уже сейчас дышит в пятки, капая на них своей чудовищной слюной.

— Пустите! — продолжала бесноваться, истерически взвизгивая. — Пустите меня! Пуст...

— Ты чего орешь?! — дверь резко отворилась и на пороге нарисовался встрепанный и крайне удивленный сосед, в ужасе осматривающий округу за спиной и готовясь, судя по выражению лица, как минимум, к нападению инопланетян.

— Там чудовище! — заорала, указывая на свой дом и не имея ни малейшего желания поворачиваться назад. — У тебя есть ружье?! Пусти!

Особо не заморачиваясь, я скользнула за опешившего Максима, скрываясь внутри теплого дома и плавно стекая по стеночке за дверь. Тело била крупная дрожь, и идти никуда категорически не хотелось. Мне и здесь, на полу рядом с ковриком в просторном коридорчике прекрасно!

Все. Решено — остаюсь!

Однако у хозяина явно были другие планы, чтоб ему икалось.

— Какое чудовище? Какое ружье?! Ты — чокнутая?! — взревел сосед, грозно нависая надо мной.

Проняло. Вот до косточек просто проняло, и чего он только такой громкий?

— Я не чокнутая! — ответила сначала, как мне показалось, на самый важный вопрос из перечисленных. — И у меня дома кто-то есть! Я не знаю, волк может быть или медведь!

— У тебя, — сложив руки на груди и скептически прищурившись, вопрошал Максим. — В заколоченном доме, в который даже человеческая нога не ступала уже года три?

— А ты откуда знаешь? — мгновенно прищурилась я.

Парень приподнял брови, давая мне самой волю для мыслительной деятельности. Я покашляла, осознавая всю тупость собственного вопроса, и медленно встала на негнущиеся ноги.

— Если не веришь, иди и посмотри! — произнесла, сложив руки на груди и постаравшись скопировать рассерженную позу собеседника. — Он был там, я видела его глаза! Они

светились!

От ужаса меня все еще потряхивало, и слова прерывались стуком моих же собственных зубов. Я как будто по-прежнему видела две страшные желтые точки прямо перед собой и чувствовала смрадное дыхание чудовища. Хотя, про дыхание, кажется, уже додумал мой паникующий разум. Воображение после пережитого страха разыгралось не на шутку, и мне даже показалось, что я услышала доносящийся из леса вой.

— Хорошо, — неожиданно согласился сосед, хватая с вешалки куртку и набрасывая ее себе на плечи. — Пойдем и посмотрим.

Он развернулся и вышел, открывая входную дверь и ожидая, когда я последую за ним.

Ага, сейчас. Бегу и волосы назад.

— Мне страшно, — прошептала, даже не думая двигаться с места. — Иди и смотри, если не веришь. Только учти, спасти не стану, даже если будешь очень громко кричать о помощи, когда это чудовище начнет тебя есть!

Максим разозлился. Натурально разозлился, испугав меня до чертиков. Он дернулся вперед, хватая меня за локоть, вытаскивая из собственного жилища и буксуя дальше к калитке.

— Не пойду! — мгновенно заверещала, хватаясь за перила на крыльце в безуспешной попытке удержаться. — Я не хочу стать чьим-то ужином!

— Я сейчас сам из тебя ужин сделаю! — рыкнул сосед, разжимая мои пальцы и продолжая тащить прочь. — Свалилась на мою голову, блин!

Он все-таки вытолкнул меня за пределы своей территории, первым следуя к моему новому жилищу и не отпуская из мертвой хватки. Я бросила всего один глаз в сторону все такого же мрачного дома, откуда сбежала и случайно истерично всхлипнула.

— Отпусти, пожалуйста, — взмолилась, вцепляясь в рукав парня. — Мне правда страшно!

— А я спать хочу, — ничуть не проникся моим жалобным голосом Максим. — Но из-за одной идиотки вынужден лазить по развалинам.

— Во-первых, я не идиотка, — буркнула, крепко зажмуривая глаза и вцепляясь в руку соседа, правда на этот раз в целях самосохранения. Он впереди идет, значит, если что, его съедят первым, а я успею убежать под шумок. — Во-вторых, это не развалины, а мой будущий дом.

На последнем слове я немного стушеввалась, откровенно сомневаясь, что завтра утром не уеду прочь из этой чертовой деревни. Максим, видимо, тоже так подумал, раз обдал меня колючим презрительным взглядом и раздраженно закатил глаза. Вырвав руку из хватки, парень достал телефон и включил на нем фонарик, чтобы осветить себе путь. Потеряв опору, я, недолго думая, схватилась за его куртку.

Изба почти полностью потерялась в темноте, и лишь все тот же странный скрип доносился до ушей, сводя зубы и поднимая стадо мурашек. Я судорожно сглотнула, на всякий случай оглядываясь и проверяя, не наблюдают ли те страшные желтые глаза за нами сзади. Ф-фух. Нет вроде никого. Идущий впереди Максим постарался сбросить мою руку с собственной кожанки, но потерпел крах.

По крыльцу поднимались гуськом, по очереди перепрыгивая проемы в лестнице. Парень, похоже, на самом деле ни капли мне не верил, уверенно продолжая переть вперед, словно скала. Эх, не был бы таким засранцем, цены бы не было, честное слово! Нет бы, как настоящему рыцарю, сначала утешить испуганную даму, накормить, напоить, а потом идти в одиночку изгонять из ее терема посилившихся там нехороших личностей. Но нет, этот крайне злобный индивид решил обозвать даму чокнутой и тащить ее в место позорного побега. Пф-ф, подлец.

Ничуть не задумываясь, Максим резко дернул на себе дверь, заходя внутрь и затаскивая меня следом. От неожиданности я опять заверещала, но тут же почувствовала, как большая теплая ладонь закрывает мне рот, прерывая поток воплей.

— Чего орешь?! — «ласково» поинтересовался парень, видимо, еле сдерживаясь, дабы не настучать нерадивой соседке по маковке. — Нет тут никого. Сама смотри, и не визжи.

Он убрал руку, показательно брезгливо вытер ее о штаны и сделал шаг назад. Я испуганно икнула и оглянулась, разглядывая еле заметную в свете телефонного фонарика комнату. Здесь что, баба-яга что ли жила?

Я с ужасом рассматривала единственную комнатуху, служившую моей родственнице и кухней, и спальней, и коридором. Довольно просторное помещение пугало свисающей со всех углов паутиной и десятисантиметровой пылью, по которой лениво передвигались паучки разных размеров. В дальнем углу находилась русская печка, сверху на ней было устелено клетчатое одеяло, которое доставало бахромой почти до пола. В центре стоял огромный дубовый стол с парой толстенных книг в кожаном переплете, у окна примостился сундук, а у противоположной стены гордо возвышался резной комод. Но самым интересным предметом местного интерьера была откуда-то взявшаяся у входа ступа (ей богу ступа, не вру!). Я еще раз оглядела комнату и перевела жалобный взгляд на прожигающего меня гневным взглядом соседа.

— Он правда здесь был! — всхлипнула в попытках уверить недоверчивого парня в своей правоте. — Я видела эти желтые глаза!

— Послушай, — устало потер переносицу Максим. — Ты писательница?

— Нет, — мотнула головой, еще раз оглядываясь и закусывая губу. — Я — нотариус, — подумала и добавила: — ну раньше была...

Парень тяжело вздохнул и направился к выходу, разворачивая от меня фонарик, из-за чего комната снова погрузилась в пугающий мрак. Ой, мамочки...

— Ты куда? — мгновенно рванула за ним, хватая за многострадальную куртку.

— Домой, — устало отозвался сосед. — И отцепись от меня!

— А как же я? — всхлипнула, так и не разжимая пальцев. — Ты правда предлагаешь мне оставаться здесь?!

— А скажи ко мне, родная, — развернулся парень, хватая меня за плечи. Ого. какие у него глаза красивые. Голубые, с резными серыми прожилками и ярким ободком вокруг зрачка. Никогда таких необычных не видела. — Каким местом ты думала, когда приезжала в новый дом, который пустовал уже больше года, ночью? Каким местом ты думала, когда вообще решила сюда переехать?!

Ну вот опять. Что-то явно не так. Не нравится Максиму Ивановичу мое присутствие здесь в качестве постоянно жительницы. И чем, интересно, я умудрилась насолить соседу, с которым познакомилась два часа назад? Хотел расширить территорию и надеялся, что на эту развалюху хозяев не найдется, и он быстренько приберет ее к рукам?

Говорить все свои предположения вслух я не стала. Решила изображать пока из себя глупую непонимающую дуру, авось все-таки не оставит погибать на улице.

— У меня нет больше знакомых тут, — произнесла жалобно. — Можно я сегодня у тебя переночую? Пожалуйста! Завтра утром уйду, честное слово!

Сосед подавился и закашлялся, а я, как предельно добрая и отзывчивая девушка, услужливо постучала беднягу по спине.

— А ты не боишься? — неожиданно прищурился Максим, восстановив, наконец, дыхание. — В доме незнакомого мужчины. Одна. А вдруг я — маньяк, и у меня в подвале куча измученных трупов.

Я передернулась, представляя себе эту картину. Медленно завела руку за спину и нащупала в заднем кармане брюк электрошокер. Немного подумала и все-таки выставила его вперед, гордо поднимая голову и заключая:

— Не боюсь!

Парень окинул меня подозрительным взглядом и осторожно отвел подальше от своего носа средство самообороны.

— Ладно, пойдем, — устало произнес он, проигрывая нашу игру в гляделки.

Я облегченно выдохнула и почти бегом устремилаь прочь из мрачного дома, оставляя на соседе заботы по запираению дверей.

2.1

Мне снился приятный сон. Ярко зеленая полянка, пестрые цветочки, солнышко и светлый березовый лес, из которого выбегало множество милых ежей. Один из них все ластился мне под ноги, умиленно поглядывая своими, почему-то, ярко желтыми глазками. Я уже было нагнулась, дабы потрепать очаровашку за нос-пимпочку, когда его глаза резко сменили свой цвет на пронзительно голубой с серыми прожилками. Затем ежик вообще презрительно сплюнул и грубым голосом обидно обозвал меня чокнутой, быстро сворачиваясь в клубок и укатываясь в лес. В этот момент я резко распахнула глаза и сонно почесала лоб, переворачиваясь на другой бок. Приснится же...

Комната, где я находилась, все еще утопала в темноте, видимо, поспать удалось не больше часа. В окно светила выглянувшая из-за туч луна, и я заворожено уставилась на нее, пытаюсь понять, а это нормально, что она красная? Выглядела алая луна очень пугающе и в то же время невероятно красиво. Темные кратеры переливались серебряным цветом, а яркий цвет придавал небу вокруг жуткий кровавый ореол. Наверное, какая-то оптическая иллюзия, не больше.

— Красиво, докажите, милая леди? — неожиданно раздалось у меня над ухом.

Я резко обернулась, хлопнула глазами и завизжала, отпрянув назад и упав с невысокой кровати. Пятая точка больно поцеловалась с паркетом, а воздух выбило из легких из-за сильного удара. Мозг судорожно пытался вспомнить хоть одну молитву, но ничего кроме «Чур, меня!» на задворках разума не находилось. Ехидный внутренний голос посетовал на мое окончательное и бесповоротное сумасшествие и тоже скрылся в туман, оставляя наедине с собственным кошмаром больного подсознания.

— Ну-ну, — поморщился полупрозрачный старик (полупрозрачный старик!), почесывая длинную седую бороду. — Что же Вы кричите, милая? Не ударились?

Дедуля взмыл в воздух и навис надо мной, протягивая иссушенную руку. Длинные паучьи пальцы едва заметно подрагивали и светились в темноте. Я же в свою очередь как немая рыба открывала и закрывала рот, задумавшись над важным вопросом: упасть в обморок прямо сейчас или пока повременить с этим моментом.

— Ну, милая леди, — даже обиделся на такую реакцию старичок. — Я же не кусаюсь. Чего вы так испугались?

— С-сон-н, — заикаясь, решила я вслух. — Все просто. Ты спишь, Лесницкая.

— Ну вот, — расстроился призрак. Он отлетел и уселся на краешек кровати с другой стороны, печально подперев подбородок кулаком. — Только понадеялся на новое интересное знакомство, и опять впустую. А ведь вы мне сначала понравились, милая леди.

Мысленно повторяя себе, что я просто сплю и это все чудится моему уставшему за насыщенный день разуму, я медленно подползла к кровати и залезла на нее. Укуталась в теплое одеяло и во все глаза разглядывала неожиданного гостя собственного сна. Жутковатый он, если честно. Даже милашка-ёжик из сна с плохими манерами и грубым голосом был куда приятнее.

— А Вы кто? — наконец осторожно подала голос.

Обрадованный призрак взмыл в воздух, а я сглотнула.

— Я — Кентервильское привидение! — гордо выпятив грудь, заявил дедуля.

Я икнула, прижимая ближе к груди одеяло и пытаюсь выдавить из себя улыбку. Кажется, в далеком детстве я читала сказку про Кентервильское привидение, но что-то не помню, чтобы по сюжету оно жило в деревенском доме рядом с лесом. По-моему, действие проходило где-то в Англии или Ирландии? С чего вообще дедуля появился в моем сне?

— А что вы здесь делаете? — искренне удивилась я

— Живу, — пожал плечами призрак. — Помогаю Максиму.

— Так он в курсе, что вы здесь живете? — воскликнула поражено. От моего громкого голоса дедушка поморщился.

— Конечно, — фыркнул он, закладывая руки под голову, — у нас взаимовыгодный договор.

Я сделала вид, что понимающе кивнула, хотя совершенно ничего не понимала. Ну и ладно. В конце концов, это просто сон, а тут положено твориться всякому абсурду. Кентервильское привидение рассказывало мне всякие страшные сказки, а я прямо сидя засыпала под его чуть скрипучий голос, давно перестав улавливать смысл историй. Последнее, что я запомнила перед тем, как провалиться в сон, это наставительное:

— Не рассказывайте Максиму, что я к вам приходил. Он запрещает мне общаться с гостями.

Я мысленно представила себе реакцию хозяина дома на мой рассказ о ночном визитере и сквозь сон ухмыльнулась. Скорее всего, Максим понимающе улыбнется, запрет меня в подвале и вызовет на подмогу врачей со смиренными рубашками, приговаривая что-то вроде «И тебя вылечат, и меня вылечат...» После этого голос бабушки из моего сна исчез, и я всю ночь провела в блаженной темноте и тишине.

Утром, вопреки моим опасениям, Максим не выгнал меня на улицу с первыми петухами. Более того, когда я около половины восьмого спустилась с услужливо выделенной мне на ночь комнаты на втором этаже, парень уже сидел внизу в столовой, уплетая завтрак. Никак не отреагировав на мое «Доброе утро!», он указал на вторую тарелку. Я пожала плечами и благодарно кивнула, принимаясь за холостяцкий омлет. Нужно заметить, очень вкусный и сытный. Или это мне с голода так показалось?

Сосед выглядел спокойным и в его глазах уже не искрились вчерашние раздраженность и злость. Он вообще, казалось, меня не замечал, медленно поглощая содержимое тарелки и рассматривая что-то в своем планшете.

— У тебя и интернет есть? — нарушила я тишину, казавшуюся мне слишком напряженной.

Парень кивнул, но голову так и не поднял, заставляя меня обиженно фыркнуть. Ну ничего себе, вежливость. Решил в негостеприимного хозяина поиграть? Ну-ну.

— Максим, а у тебя дома живут приведения? — вспоминая давешний сон, прямо в лоб выдала подавившемуся от удивления соседу.

Шоковая терапия прошла на ура. Теперь Максим Иванович больше не пытался игнорировать мое присутствие, и смотрел на меня то ли злым, то ли растерянным взглядом, видимо, едва сдерживаясь, дабы не покрутить пальцем у виска.

— Какие приведения? — наконец подал он голос.

— Кентервильское, например, — пожала плечами, доедая последний кусочек своей порции омлета.

— А ты его видела? — неожиданно спокойно поинтересовался собеседник, чем поверг меня в состояние простратии.

Так, что-то явно идет не по плану. Я почему-то думала, что парень тактично посоветует мне навестить узкий круг специалистов, лечащих мозги, а никак не поддержит шизофреническую беседу.

— Более того, — заговорщицки поведала ему. — Я с ним даже разговаривала!

Дальнейшие слова соседа окончательно меня изумили, и где-то на периферии сознания появилась мысль, что это мне пора советовать бедняге навестить психолога:

— Вот болтун, — фыркнул Максим, снова приступая к еде. — Запретил же ему к гостям подходить.

Вилка выпала из рук, со звоном ударяясь о пол, но мне было как-то не до упавшего

столового предмета. В голове мгновенно всплыли слова призрака из сна (из сна ли?) о том, что хозяин, якобы, не разрешал ему общаться со мной. Так, стоп, Лесницкая. Прочь кашу из мозгов и включай уже свое серое вещество в активную работу! Парень просто шутит над тобой, а ты, между прочим, первая начала.

Под насмешливым взглядом соседа, я мотнула головой, прогоняя прочь глупые мысли и подозрения, и встала.

— Спасибо за завтрак и ночлег, — вежливо произнесла, оглядываясь на входную дверь. — Если что-то случится, сразу заходи, помогу по-соседски и оплачу добро добром.

Не смей, мажор лесной. Прочитай в моих глазах, что это просто вежливость, а не в коем случае не приглашение из-за любых проблем бежать ко мне (хотя, это работает, скорее в обратную сторону и пока что только я достаю соседа собственными проблемами). Однако Максим идиотом не был и, судя по ехидной ухмылке, всё, что я пыталась передать взглядом, понял.

— Я созвонился со старостой деревни, он тебе к обеду рабочую силу подгонит, — хмыкнул, складывая на груди руки. — Доброго дня, соседка.

Я еще раз поблагодарила парня, на этот раз на самом деле искренне, и вышла из его дома. Обогнув по-прежнему стоящие на обочине жигули, тряхнула головой и смело направилась к своей избушке, что так сильно напугала меня вчера. Сейчас все произошедшее казалось глупым сном и воспалением больной фантазии. Ну действительно, как зверь мог попасть внутрь? Окна заколочены, а на двери амбарный замок. Через единственное отверстие в доме — дырки на крыше, в комнату могла просочиться разве что белка больная дистрофией. И вообще, в лучах утреннего солнца, дом казался обычным и лишь немного загадочным, но никак не призрачно-мрачным. Стало немного стыдно за свое вчерашнее поведение перед соседом. Еще бы он не взъелся на меня — вела себя как последняя истеричка.

Дверь скрипнула, пропуская меня внутрь жилища, и я снова оказалась в избушке бабы-яги. Сейчас, сквозь сколоченные доски на грязных окнах, просачивались спокойные солнечные лучи, освещающие убранство куда лучше, чем вчерашний свет фонарика. Я смело шагнула дальше, подходя к большому зеркалу рядом с комодом, которое вчера на заметила, и сдернула с него черное покрывало. Поднявшееся облако пыли забило нос и глаза. Пару раз чихнув и подождав, пока видимость снова станет нормальной, я восхищенно уставилась на огромное зеркало с тяжелой дорогой рамой, радующей глаз резными рисунками. Присмотрелась поближе, осторожно проводя кончиками пальцев по выступающей резьбе. Чего здесь только не было: и сидящая на ветвях чудесного дерева русалка, кокетливо расчесывающая свои длинные волосы; и трехглавый Змей-Горыныч, изрыгающий пламя на крошечные домики; и злобный Черномор, летящий в небе и отбивающийся от повисшего на его бороде Руслана; и волк, стоящий на двух ногах и что-то говорящий маленькой девочке в чепчике (видимо, Красной шапочке); и лежащий на печи Илья Муромец; и выглядывающая из проруби щука — в общем, целый набор сказочных персонажей довольно искусно вырезанных из дерева. Восхищенно цокнув, я покачала головой и шагнула к столу. Две толстые книги в кожаных переплетах с ремешками привлекли мое внимание еще вчера. Осторожно стряхнув с них пыль, я щелкнула кнопкой, отпирая первую и аккуратно открыла.

— Сказки? — вслух удивилась, продолжая листать старинный фолиант.

Внутри и правда были самые обычные, известные каждому ребенку, сказки с красочными иллюстрациями и резным текстом, как будто бы вручную написанным ровным и красивым почерком на чуть пожелтевших от времени страницах. Выглядело впечатляюще и дико дорого. Наверное, какой-то ценный антиквариат. Я помотала головой и открыла вторую книгу, которая, впрочем, так же была наполнена волшебными историями от корки до корки.

И что это значит? Родственница на старости лет решила удариться в детство? Сказочная рама, теперь еще и эти, старые и не дешевые, книги, да и вообще весь вид жилища, которое я уже сто раз окрестила избушкой бабы-яги...

— Хозяйка! — донесся громкий голос с улицы, вырвав меня из раздумий.

Ладно, у каждого свои причуды — решила, захлопывая тяжелую обложку и устремляясь на выход. У крыльца меня уже встречал невысокий улыбающийся старичок, ведущий за собой трех мужиков, что дружно смотрели на меня жалостливыми взглядами.

— Работать пришли, — сообщил мне староста деревни, — Вона эти молодцы, — кивнул на горестно вздыхающих мужиков за спиной. — крышу тебе подлатают, окна, да электричество проведут. Пустишь, хозяйка?

— Здравствуйте. Конечно, — пожала плечами, спускаясь с дырявого крыльца и уже привычно перепрыгивая дырки. — Мне может помочь чем?

— Нету, что ты, — замахал руками дедушка. — Мы для наследницы Марьи Егорьевны все и сами сделаем! Уважали ее тут все шибко. Жалко бабу, — вздохнул, снимая старую шляпу и платочком промокая пот на блестящей лысине. — Ты уж только не зажимись, пару бутылок этим иродам купи к окончанию работы-то, они тебе так в три раза лучше все сделают.

«Ироды» согласно закивали, одновременно растягиваясь в беззубых улыбках. Я пожала плечами и заверила работничков, что к вечеру будет им пара бутылок. Мужички довольно переглянулись и метнулись к только что подъехавшему трактору, начиная сгружать с него штакетники и доски.

— А что, деньгами не надо совсем? — шепотом спросила у старосты, что в работе не почувствовал, но внимательно следил за действиями своих подопечных.

— Нет, что ты! — замотал головой мужчина. — Говорю же, уважали мы очень Марью Егорьевну. Ты уж просто проследи за хозяйством-то ее и не дай ему сгинуть, вот и вся благодарность!

Я согласно кивнула, в душе радуясь, что не придется раскошеливаться на гонорар работникам. Последней зарплаты и тщательно оберегаемой заначки оставалось не так много, и, сейчас стоило поэкономить и задуматься о пополнении собственного денежного капитала.

Я мотнула головой, пообещав себе непременно поразмышлять над этим важным вопросом завтра, а пока просто решить, куда сходить на время ремонта. Тут я явно буду мешаться, а больше идти и некуда. Съездить что ли пока за обещанной водкой в уже знакомые «Погорелки»?

Решив так и сделать, я со вздохом залезла в салон старенькой машинки. Уже потянула руку к рулю, но замерла, замечая выходящего из соседнего дома Максима. В руках соседа была большая спортивная сумка, но вот к джипу он, почему-то, не пошел. Вместо этого, осторожно озираясь, парень направился напрямик в лес.

Ну и что это значит? Вчера не соврал: на самом деле маньяк, а сейчас вытаскивает останки своих жертв? Какого черта он забыл в лесу в совсем не рабочей одежде и с такой сумищей?

Я пригнулась, прячась за рулем, когда парень проходил мимо моей машины, и закусила губу, пытаясь придумать, что делать дальше. Скука и любопытство победили и, подождав, пока Максим скроется за деревьями, я выскочила на улицу. Следуя по пятам за соседом, я клятвенно пообещала себе, что ни в коем случае не иду подсматривать. Просто прогуляюсь, быстренько вернусь и сразу же отправлюсь в Погорелки...

Ага, конечно, быстренько. Лесницкая, когда ты научишься сначала думать и только потом делать?! Куда ты пошла «прогуляться» в незнакомый лес со своим топографическим кретинизмом?! На что вообще надеялась?!

Конечно же, Максима я так и не догнала, а тропинку спустя всего несколько минут потеряла. В руках ни телефона, который разрядился еще вчера в пути, ни даже бумажной карты, оставшейся в бардачке моей ласточки, не было. Сколько я бродила, понятия не имея, куда меня ведут собственные конечности, не знаю. Просто редкий по началу лес неожиданно сгустился и стал почти непроходимым. Солнце с трудом освещало путь сквозь высокие кроны деревьев, а я уже предчувствовала истерику.

Здесь же на самом деле наверняка водятся волки или медведи! Сейчас вот наткнулся на кого-нибудь из них и все. Было и нет Русланы Лесницкой двадцати пяти лет от роду. А я ведь даже замужем еще не была! Не познала радости и горести счастливой семейной жизни, детишек не родила! В Испанию не съездила, а ведь так мечтала!

Тряхнув волосами, я села прямо на поваленное дерево и натурально заревела, сетуя на свой идиотизм и горькую судьбу. Нет, ну правда. Что я такого сделала, чтобы вот так жестоко и бесславно умереть? С детства была паинькой. В школе носила очки, брекеты и исключительно пятерки в аккуратном дневнике, радуя родителей. Самостоятельно поступила в престижный институт в Москве, окончила его и по распределению попала в небольшой городок в Подмоскowie, где и осела. Разгульный образ жизни не вела, половину зарплаты стабильно перечисляла во Владивосток семье, и каждый день в двенадцать часов ночи по расписанию видела яркие сны, чтобы в семь уже встать на работу...

Вспоминая прошлое, я даже плакать неожиданно перестала. Жизнь моя внезапно оказалась настолько бесполезной и скучной, что даже ярких воспоминаний не оказалось. И что, спрашивается, у меня перед глазами должно проноситься в последнюю секунду жизни? Осознав эту истину, мне стало еще грустнее умирать вот так глупо и некрасиво. Я снова всхлипнула, собираясь окончательно впасть в уныние, но меня отвлек странный крик, послышавшийся издалека.

Резко вздернула голову, прислушиваясь и молясь, чтобы это были не глюки. Повторившийся визг уведомил меня, что окончательно шарики за ролики еще не заехали, и я все еще пребываю в относительно здоровом уме. Вскочила с дерева и со всех ног бросилась на звук, защищая лицо от ранивших встречных веток.

Крик повторился, и на этот раз я даже разобрала, что кричали.

— Отпусти меня, ирод несчастный, — верещал женский голос. — Ух я тебе, супостату, рога-то вправлю!

Я сглотнула, почему-то очень не вовремя понимая, что вообще-то не стоит влезать в подобные разборки, тем более в глубокой чаще незнакомого и темного леса, но ноги уже сами вынесли на круглую поляну, на которой и собрались участники громкого скандала.

Высокий сухонький старичок тянул за собой молодую девушку в странноватом сарафане в пол, стилизованном под старый русский наряд. У девушки были связаны руки, но она отчаянно брыкалась, пытаясь доказать собственному похитителю, что он не прав. Старичок же (и откуда в нем только силы столько, на вид дунешь — развалится) игнорировал фальцеты барышни, продолжая тащить ее за собой в чащу. Во мне, при виде всей этой картины, мгновенно проснулся защитник слабых и невинных (близкий друг идиотизма), и я, недолго думая, понеслась к странной процессии.

— А ну стоять, — рявкнула, до чертиков пугая и дедушку, и барышню, синхронно обернувшихся, и, собственно, саму себя. — Отпустил девушку сейчас же!

— Вот именно! — мгновенно поддержала меня похищаемая. — Быстро! Я все Кощеюшке расскажу! Уж он то с тобой разберется!

— Ты еще кто такая? — по-прежнему игнорируя связанную, просипел старичок, осматривая меня сверху вниз. — Я тебя ишмо не встречал! Откуда будешь?

— Из Гринписа, — выдала первое, что пришло в голову, направляясь ближе и поднимая с земли толстый сучок.

Нет, драться с дедушкой я ни в коем случае не собиралась (хотя, судя по всему, извращенец он еще тот), но припугнуть стоило. Вдруг старческий мозг решит, что я не слишком весомый противник и не захочет отпускать пленницу.

— Откуда-откуда? — прищурился дедуля, то ли не расслышав, что я сказала, то ли не поняв.

Впрочем, объяснить дремучему назначение этой чрезвычайно важной организации я не успела. Находчивая барышня, резко замотала головой в разные стороны, разгоняя спокойно лежащую до этого на груди толстенную косу и пуская ее в полет. Дедулина

голова встречи с женской гордостью не выдержала. Отвлекшийся на меня старичок не успел увернуться и был отправлен в полет этим, несомненно, грозным оружием, подаренным самой природой. Девушка же, поняв, что ее больше ничего не держит, кинулась ко мне, прячась за спиной и крепко вцепляясь связанными в запястьях руками в мое плечо. Ух, силачка, наверняка синяки останутся!

Дедуля тем временем, кряхтя поднялся, смотря на нас рассерженным взглядом и упирая костлявые руки в бока, обтянутые лохмотьями.

— А ну, вернись! — приказал он беглянке, сдвинув густые брови. — Все равно поймаю!

— Не дожدهшься, — фыркнула та, все еще прячась за моими плечами.

— А ну-ка! — старичок было метнулся к нам, но я вовремя выставила перед собой палку, мысленно прося у пожилого человека прощения.

— Я владею ушу и каратэ, — осведомила растерянно моргнувшего противника. Знаю, что врать плохо, но вдруг испугается. — Имею черный пояс по тхэквондо, — добавила, замечая, как задумывается дедуля, хмурия и без того морщинистый лоб.

— А чтой это? — так и не вырвав из собственного разума никакой информации по поводу данных слов, наконец, сдался собеседник, почесывая лысеющую макушку.

— Колдовство! — сглотив, соврала я, надеясь на темноту и пугливость местных жителей. — Особенное!

Дедуля меня не подвел и испуганно попятился, а девушка позади захихикала.

— Леший с вами, — сплюнул он, — но я ишмо вернусь! И тебя я запомнил!

Он ткнул в меня корявым пальцем и шмыгнул в кусты. Я удивленно проводила взглядом больно шустрого пожилого человека и развернулась к блондинке, все еще стоявшей за моей спиной.

— С тобой все в порядке? — обеспокоенно спросила, начиная развязывать запястье бедняжки.

— Ага-ага, — неожиданно весело отозвалась та. — Экмо ты его ушибла то! Поделом, ироду окаянному!

Я осторожно перевела взгляд на чересчур радостную девицу и выдавила из себя улыбку, окончательно освобождая ей руки. Как только дело было сделано, она мгновенно бросилась мне на шею, обнимая так крепко, что у меня быстро закончился кислород.

— Спасибо тебе! — благодарно выдохнула она, наконец, отпуская и позволяя наполнить опустошенные легкие. — Век не забуду!

— Да ничего страшного! — хрипя, подняла я руку, кашляя и стараясь не подпускать к себе любвеобильную особу ближе. — Пустяки!

— Я — Вася, — протянула мне руку девушка, дружелюбно улыбаясь.

— Руся, — отозвалась, пожимая ладонь в ответ.

2.2

— А что это за тип?

— Да Кикимор местный, — отмахнулась Вася, поправляя растрепанную косу. — Хозяин его — Ванька жениться на мне хочет, а я вот, — сунула она мне под нос растопыренную ладонь. — Окольцована! Кощеюшку своего до смерти люблю и верна ему!

Я сглотнула, мысленно надеясь, что Кощеюшка и Кикимор — это всего лишь прозвища, а не бред сумасшедшей. Все-таки девушка выглядела довольно адекватно.

— А ты сама-то кто такая будешь, Руся? — поинтересовалась она, заглядывая своими большими васильковыми глазами в мои. — Я не знаю тебя, а это очень странно!

— Из Зорино я, — отозвалась, вспоминая о своей проблеме. — Заблудилась! Не сможешь мне к деревне выйти? Ты же тоже оттуда, наверное?

— Да нет, — звонко засмеялась собеседница. — Мы с любимым в лесу в замке его живем! А до Зорино далеке, до заката не успеешь уже...

Я ужаснулась и прикусила губу. Вот черт! В темноте я точно одна в лесу пропаду, и что теперь делать?

— Да не кручинься ты, Руся, — ласково улыбнулась девушка. Она цепко схватила меня за локоть и потащила за собой. — Переночуешь у нас, муж против не будет, отблагодарит тебя даже за спасение мое!

Идти в «замок» этой странной парочки не очень хотелось, однако этот вариант было куда лучше ночевки в лесу в гордом одиночестве. Что-то ты зачастила, Лесницкая, у чужих ночевать, не привыкнуть бы.

Мы шли уже минут двадцать. Вася не чувствовала ни капли смущения и напевала себе что-то под нос, а вот на меня молчание давило. Сразу начинали лезть всякие страшные мысли, поэтому я все-таки поспешила нарушить тишину:

— А не скучно тебе в лесу одной жить?

— Что? — моя спутница так глубоко задумалась о своем, что не услышала мой вопрос. Я терпеливо повторила, а Вася, неожиданно, остановилась и прищурилась, серьезным взглядом осматривая меня с ног до головы:

— А ты, Руслана, первый раз у нас? — поинтересовалась она.

Я кивнула, не понимая, почему у собеседницы так внезапно изменилось настроение.

— А к кому в Зорино приехала? — продолжала допрос Вася. Она схватила меня за руку, и мы опять двинулись вперед, ловко лавируя между деревьями и кустами. Когда девушка находила незаметные тропинки в, казалось бы, непроходимых местах, становилось очевидно, что она действительно тут живет. Местность была знакома ей вплоть до маленьких кустиков и цветочков, по которым моя спутница ориентировалась за секунды.

— Эм-м-м, — я замялась, но все же продолжила: — мне дом в наследство от родственницы достался. Я жить приехала. Марья Егорьевна ее звали, может слышала? Ее тут многие знали.

Девушка неожиданно закашлялась и снова застыла на месте, разворачиваясь ко мне. Её и без того огромные глаза светло-василькового цвета еще сильнее расширились от изумления.

— Дык ты бабы Марьи что ли внучка? — горячо воскликнула она, всплескивая руками.

Чтобы Вася в порыве оригинального проявления своих чувств меня не задела, мне пришлось от нее отшатнуться. И чего это она так всполошилась?

— Не внучка, — поправила я. — Дальняя родственница.

— И она тебе дом завещала?!

— Ну да...

— Ой, радость-то какая, дождались! — непонятно чему обрадовалась Вася и снова попыталась кинуться мне на шею, но я, наученная горьким опытом, вовремя отступила.

— Эм... А вы ждали? — осторожно поинтересовалась, испуганно сглатывая. Совершенно не вовремя подумалось, что мне некуда будет сбежать, если спутница окажется сумасшедшей и вдруг на меня накинется. Да что с ней происходит вообще?

— Конечно! — уверяла меня собеседница. Она снова потащила меня за собой, на этот раз ускоряя свой шаг в несколько раз. — Ой, Кощеюшка обрадуется! Надо срочно Вас познакомить!

Я сглотнула и мысленно помолилась всем известным мне Богам, чтобы этот Кощеюшка оказался адекватным мужиком, а не таким же психом как его жена. Хотя верилось в это, конечно, с трудом.

— Руся, а ты в сказки веришь? Или в волшебство? — неожиданно спросила меня Вася, огибая куст черники с аппетитно переливающимися синевой ягодами. Один только их вид заставил мой голодный желудок оглушительно заурчать, и я собиралась уже остановиться, чтобы полакомиться лесными деликатесами, но странный вопрос девушки ввел меня в ступор.

— Ну... — протянула, пытаюсь что-нибудь придумать, чтобы не расстроить ожидающую положительного ответа собеседницу, подняла на нее голову и пораженно прошептала: — Теперь, кажется, да.

Челюсть сама по себе отвисла, а я так и не нашла в себе силы вернуть ее на место. Прямо за спиной Васи, на высоком холме возвышался самый настоящий замок! Огромный, с зубчатой крепостной стеной и дубовыми воротами в ее центре, с кучей высоких башен и смотровых площадок, словно вылепленных из черной глины. Даже глубокий ров вокруг стены, наполненный грязной водой, имелся, а там еще, кажется, и плескался кто-то. Сам замок был полностью выстроен из черного камня, а архитектор подражал суровому готическому стилю. Довольно высокие и рваные шпили и острые украшения на стенах производили ошеломляющее впечатление, и мне казалось, что я смотрю кадр из фантастического фильма. Вокруг, завершая и без того пугающую картину, громко каркали вороны, что кружили над территорией этой махины будто пчелы над ульем.

— Ма-ма, — пискнула я, протирая глаза и надеясь, что глюк уйдет сам по себе.

— Мрачновато чуть-чуть, — грустно вздохнула Вася рядом. — Но я привыкла уже, да и с милым рай и в шалаше ведь, верно?

Я еще раз осмотрела этот «шалаш» и попятилась прочь. Слышала раньше, что шизофрения заразна. Вот, видимо, где-то успела подхватить, не просто так слишком много чудиков вокруг в последнее время крутилось.

— Куда ты? — удивилась девушка, перехватывая меня за руку. — Сейчас солнце уже зайдет, пойдем, переночуешь у нас!

— Да я лучше в лесочке, — выдавив из себя улыбку, вежливо произнесла, пытаюсь освободить конечность. — Под деревцем. Сон на свежем воздухе полезен для здоровья.

— Не глупи, Руслана, — нахмурилась Вася. — Пойдем, Кощеюшка уж с ног сбился, наверное, меня разыскивая!

Она снова дернула меня за руку и потащила за собой. Боже, и откуда только в ней столько силы? Нужно срочно записываться на приемы самообороны, сейчас знания оттуда мне бы не помешали.

Территория замка встретила нас не менее мрачной картиной феодального времени. Кое-где сновали люди в странных одеждах, при встрече с нами они вежливо кланялись моей сопровождающей и снова спешили по своим делам. Стояли телеги, нагруженные сеном,

а из постройки, что, судя по всему, служила конюшней, доносилось лошадиное ржание. Высокие шпили башен будто бы царапали небо и тормозили плывущие по своим делам облака. Вся небольшая площадь от центральных ворот до входа в замок была вымощена гладкими камнями и щебенкой, по которой громко стучали Васины сапожки на небольшом каблуке. Я словно очутилась внутри просмотренного недавно старого фильма о средневековье.

Так, Лесницкая, стоп. Чего ты испугалась то? Подумаешь, замок, подумаешь в лесу, подумаешь стилизованные костюмы! У богатых свои причуды, в конце концов! Постаравшись успокоить себя подобными мыслями, я по пятам следовала за девушкой ко входу в этот удивительный «дом».

Челюсть снова поползла вниз, когда мы зашли внутрь. Огромный холл с богато расшитыми коврами на полу и винтовыми лестницами, что уводили на разные этажи замка, произвел на меня невероятное впечатление. На каменных стенах горели самые настоящие факелы. Они потрескивали, довольно ярко освещая помещение и отбрасывая мрачные тени на серые стены. Мебели здесь не было, зато прямо возле входа гордо стояли два муляжа с доспехами, блестящими в странновато-жутком свете. Я не выдержала и подошла к одному из них, осторожно постукивая по металлу.

С ума сойти! Настоящие!

— Кхм, Руся, — донеслось до меня покашливание. — Там человек...

— Что? — не поняла, оборачиваясь и в это время прямо над моим ухом мягко раздалось:

— Добрый день.

Я резко завизжала и отпрыгнула, прячась за Васю.

— Что это? — пискнула, крепко вцепляясь в руки девушки и не собираясь выходить из-за ее спины.

— Простите, что напугал Вас, — продолжил разговаривать доспех. — Я не в коем случае не желал этого.

Не желал? Да у меня чуть не остановилось сердце от страха! Господи, ну куда я вообще попала?!

— Василиса, душа моя! — раздался еще один голос, снова пугая меня до чертиков.

Когда же уже кончатся эти потрясения на одну мою бедную голову?! Боже, я никогда больше не буду отходить никуда дальше собственной калитки, честное слово! Помогите только выбраться из этого дурдома, пожалуйста!

Стоящая передо мной Вася взвизгнула (вот честное слово, еще один неожиданный звук, и я точно кого-нибудь прикончу или сама умру от страха!) и побежала в сторону лестницы. Оттуда уже спускался высокий статный мужчина в длинном плаще. Я во все глаза наблюдала за ним, понимая, что похож он на... Кошей Бессмертного! Только в сказках он обычно представал стариком, а тут был молодой мужчина. Высокий, худой, бледный, словно стена, с черными широкими бровями, острым подбородком и хищным разрезом глаз. Увидь я его в другом месте, непременно бы бросилась бежать, но сейчас мужчина не пугал своим видом, потому что при виде Василисы резкие черты лица сгладились, а в темных глазах появилась нежность. Он раскрыл свои объятья и поймал несущуюся к нему на всех парах Васю, крепко обнимая ее и ласково целуя. Когда эти двое закончили, наконец, свое приветствие, счастливая девушка, схватила мужа за ладонь и потянула ко мне.

— Меня снова Ванькин прихвость — Кикимор похитил, — вещала она, пока тащила Кошея вниз по лестнице. — А Руся, вот меня спасла!

Представляешь, какая смелая! Кинулась на него и прогнала!

— С тобой все в порядке? — встрепнулся мужчина, останавливая жену и начиная ее осматривать.

— Не волнуйся, — ласково чмокнула Вася взъерепенившегося мужа в щеку. — Благодаря Руслане, со мной все хорошо!

Кощей облегченно выдохнул и повернулся ко мне.

— Спасибо Вам, Руслана! — от всей души поблагодарил он, и я на всякий случай сделала шаг назад, а то вдруг еще и этот обниматься полезет. — Как мне отблагодарить Вас за спасение своей суженной?

— Эмм... — замялась я, покраснев. — Да все в порядке. Как Вас зовут?

— Кощей Бессмертный! — протянул мне ладонь мужчина. Ух, как все запущено.

— Василиса Прекрасная, — ляпнула, неловко пожимая длинные холодные пальцы.

— Неправда, — с улыбкой перебила меня стоящая рядом девушка, а мужчина мягко засмеялся. — Василиса Прекрасная — это я.

Я сглотнула, растягивая губы в вынужденной улыбке. Боже. Неужели правда в дурдом для богатых попала?

— Перепутала я, — тут же постаралась исправить и, задумавшись, выдала: — Царевна-лягушка.

Парочка переглянулась и громко захохотала, а я судорожно оглянулась, чувствуя, что бежать отсюда все-таки придется.

— Сестрица моя в тереме своем на другом конце леса, — отсмеявшись, оповестил меня мужчина, качая головой.

Я хотела было поинтересоваться это с каких таких пор та самая разумная представительница земноводных вдруг стала прямой родственницей Кощея, но меня прервал звук открываемой двери и новый персонаж, появившийся в холле.

— Бессмертный, я ри... — только что вошедший Максим шокировано осекся, встречаясь с моим ошалевшим взглядом.

Так и знала, что с ним что-то не так. Неужели тоже из этой сектантской шайки? Ой, влипла ты, Лесницкая по самую маковку.

— Что ты тут делаешь? — первым ожил сосед, срываясь с места и в пару шагов преодолевая расстояние между нами. — Какого черта, Руслана?

— Гуляю, — пискнула, мгновенно теряя весь боевой настрой под его грозным взглядом.

— Что? — повысил голос парень, заставляя меня неуютно поежиться. — Как ты попала сюда, я тебя спрашиваю?!

— Ногами, — шепотом оповестила соседа, боясь снова навлечь его праведный гнев.

Не зря боялась. В глазах Максима вспыхнули злые огоньки, а рукой парень вцепился в мое правое плечо, сжимая его до хруста и игнорируя мой сдавленный писк. А я вдруг окончательно решила, что пора начинать прощаться с жизнью и всем этим прекрасным белым светом. Сосед меня пришибет прямо здесь и прикопает где-нибудь под кустиком. А эти двое даже в полицию не пойдут, только могилку оформить помогут в знак благодарности за спасение хозяйки замка.

— Максим, остановись сейчас же! — прервал нас звонкий голос Василисы.

Девушка недовольно цокнула, выбралась из объятий мужа и уперла руки в округлые бока, прожигая Максима взглядом, не предвещающим тому ничего хорошего. Хотя ему, впрочем, подобные гляделки были глубоко параллельны.

— Отпусти мою спасительницу, немедленно! — сердито продолжала Вася. — Где твои манеры?

— У него они когда-то были? — совершенно не специально ляпнула я, и тут же

прикусила язык, мысленно давая себе подзатыльник.

Максим что-то прошипел, на манер ядовитой змеи, но до рукоприкладства так и не довел. Хотя, судя по выражению лица, все еще был не против притопить меня в ближайшей речушке.

— Василиса, — сквозь зубы медленно начал сосед, продолжая сверлить меня тяжелым взглядом, — я понятия не имею, что тебе наговорила эта полоумная...

— Это я-то полоумная? — тут же встрепенулась я. Нервы потихоньку сдавали, а в горле обосновался неприятный комок страха, который я никак не могла проглотить. — Вы себя-то видели, ожившие мечты психотерапевта? И вообще! Ты, — ткнула дрожащим пальцем в скептически смотрящего на меня Максима, — вези меня домой. А Вы, — кивок в сторону семейной пары психов: — Эмм... Будьте счастливы, в общем. Было приятно познакомиться. Надеюсь, больше никогда не увидимся!

Понадеявшись, что мой отчаянный тон и трясущиеся руки проймут всех присутствующих до глубины души, я первой развернулась и, стараясь держать спину идеально ровной, с максимальной скоростью рванула к выходу. И, когда до заветной дубовой двери оставалось пару мелких шажков, позади раздался звук похожий на щелчок пальцев, а тяжелый засов сам по себе опустился вниз, прочно вставая в пазы. Я остановилась, вставая в пол и широко распахивая глаза. Тело мелко затрусил, а где-то под коленкой задергался нерв.

— Почему ты не рассказал ничего Руслане? — воинственно вопрошал голос Василисы, пока я похолодевшими ладонями ощупывала тяжелую конструкцию, пытаюсь сдвинуть ее с места или хотя бы разобраться, как она работает. Даже пальцами пару раз щелкнула, понимая, что действительно заражаюсь творившимся вокруг сумасшествием.

— Что я должен был ей рассказать? — зло отвечал девушке Максим.

— А то, что Марья Егорьевна велела поведать своей наследнице!

— Что? — этот шокированный бас принадлежит уже хозяину замка, первый раз вступившему в перепалку жены и гостя. — Руслана — внучка Марьи Егорьевны?

— Это не она! — рывкнул сосед

— Он...

— Послушайте. — судорожно сглотнув, я медленно оглянулась. Голос сел и говорить пришлось ничтожно дрожащим шепотом. — Пожалуйста. Отпустите меня. Я никому ничего не скажу. Честное слово.

Вся ситуация уже давно перестала казаться мне смешной, и все сильнее разгоралось желание сесть в родные жигули и все-таки укатить отсюда в далекий Владивосток, забывая события этих двух дней, как страшный сон. Стало невыносимо жутко. Эти люди могли быть кем угодно от сектантов до людоедов, и понимание этого все быстрее подгоняло и без того уже едва сдерживаемую истерику. По щеке, неожиданно даже для меня, скатилась одинокая слеза, увидев которую, сосед раздраженно закатил глаза, а Василиса бросилась ко мне.

— Руслана, мы все тебе расскажем! — уверяла меня девушка, ласково поглаживая по голове. — Не пугайся, пожалуйста, ты все поймешь!

— Я пойму. — кивнула, соглашаясь. С сумасшедшими лучше не спорить, себе дороже. — Только не убивайте, пожалуйста.

— Никто не собирается тебя убивать, идиотка, — фыркнул Максим складывая на груди руки.

— Не кричи на нее! — тут же встрепенулась Василиса, показывая моему соседу кулак. — Нужно было объяснить ей сразу, как она приехала! Сам виноват!

— Да с чего вы взяли, что это она?! Она даже не родная внучка бабы Марьи!

— Я вообще ничего не понимаю, — устало потер переносицу Кощей.

— Ребят. — снова всхлипнула я, бросая на стоящую рядом Васю жалобный взгляд. На данный момент девушка казалась самой доброй, а шанс, что именно она выпустит меня из этого дурдома, если я подыграю, был, хоть и призрачным, но все же обнадеживающим. — Я никому не расскажу о вас, честно слово! И в полицию не пойду, правда-правда!

— Руслана, я понимаю, что это звучит как полнейшая ерунда, — отозвалась Василиса, смущенно опуская голову, — но мы не сумасшедшие. Мы самые настоящие сказочные Василиса и Кощей Бессмертный, а тот, кто меня похитил — самый настоящий, взаправдашний Кикимор!

— Хорошо. — кивнула, снова соглашаясь. — Я вам верю, правда! Теперь отпустите меня?!

— Я же говорил — она идиотка.

— Замолчи, — шикнула на Максима Вася, а потом снова улыbnулась мне улыбкой, который санитары улыбаются своим психически нездоровым пациентам. — Смотри.

Девушка подняла руку и снова щелкнула пальцами. В этот же момент, тяжелый заслон на двери позади нас дернулся и плавно начал поднимать вверх. Я как-то равнодушно проследила за его передвижениями и судорожно сглотнула. Рано падать в обморок, Лесницкая, это всего лишь чудеса техники. Механизм реагирует на звук, вот и все, ничего необычного. Что ты, «Умный Дом» что ли не видела никогда?

— Хозяева, я к Вам с плохими вестями... — только что отпертая Василисой дверь отворилась снова и в помещение вкатился... хлеб. Самый настоящий, натуральный такой, круглый хлеб с самыми настоящими глазками, ротиком и носиком-пимпочкой.

— Чего встали? — удивленно поинтересовалась выпечка, останавливаясь рядом с моими ногами и поднимая вверх крохотные глазки с желтой радужкой. — А это еще кто?

— Какой милый... — расплылась я в кривой улыбке, прежде чем, наконец, благополучно грохнуться в законный обморок...

3.1

— Почему она все еще не приходит в себя?! — сквозь постепенно рассеивающуюся темноту доносился до меня взволнованный голос Василисы. — Милый, сделай что-нибудь!

— Что я могу сделать? — басом отозвался ее муж. — Руслана, видимо, сильно устала и переволновалась.

— Да воды вы на нее вылейте с кувшинчик, сразу очнется! — слышался совет от еще одного смутно знакомого голоса.

— Я сейчас на тебя вылью! — о, а это уже сосед.

— На меня нельзя, я хрупкий, — фыркнул советчик, — развалиться могу.

Под коленкой по-прежнему дергался нерв, а голова болела настолько сильно, что, к горлу начинала подкатывать горькая тошнота. Темнота вокруг только усугубляла ситуацию, и я решила, что глаза пора открывать.

— Просыпается! — встрепелась Василиса, бросаясь ко мне. — Руся! Ты как? Голова болит?! Ты сильно ударилась!

— Не мельтеши, пожалуйста. — жалобно попросила я оживившуюся девушку. — Хорошо все.

Глаза не сразу привыкли к свету, а первым, что я увидела — были: широкое мозаичное окно странной формы, ярко горящий факел рядом с ним и маячившее на их фоне взволнованное лицо Василисы. Я озадаченно хлопнула глазами и опустила взгляд на кровать, на которой, собственно, лежала. Ух, ну и размеры у них тут. Эта громадина не поместилась бы в моей комнатухе съемной квартиры, даже если бы ее впихивали туда по частям.

— Странно, судя по вмятине, оставленной на полу твоей макушкой, у тебя должно было быть сотрясение. Хотя, судя по всему, кто-то слишком твердолюбы. Ну, или сотрясаться нечему. — вещал все тот же голос, начиная довольно сильно меня раздражать.

Я не выдержала потока оскорблений, и возмущенно цыкнув, повернулась к источнику звуков. Зря... Видимо, моя родная память пожалела нерадивую хозяйку и решила стереть с себя причину обморока, дабы избежать его повторения. Однако эта самая причина скрываться из реальности совершенно не желала и прямо сейчас восседала (или возлежала, понятия не имею как правильно) на соседней подушке, осматривая меня насмешливым взглядом крохотных глазок песочного цвета...

Ну хватит тебе, Лесницкая! Ты слишком много визжишь последнее время, так и голосовые связки порвать можно.

Я, кажется, сама не поняла, как свалилась с кровати и запрыгнула за сидящего на стуле Максима, продолжая громко верещать, несмотря на внутренние уговоры успокоиться.

— Господи, неугомонная, — поморщился парень, потирая виски. — не ори, ради Бога!

Я послушно замолчала, продолжая беззвучно ловить ртом воздух. Василиса с Кошеем жалостливо смотрели на меня, а хлеб откровенно гоготал.

— Познакомься, Руслана. — виновато улыбнулась Вася. — Это — Колобок.

— А-а-а-а. — понятно протянула, глупо улыбаясь и намереваясь грохнуться в очередной обморок, но подскочивший со стула Максим вовремя поймал меня за локти и не позволил снова поцеловаться с полом.

— Свалилась же припадочная на мою голову. — прошипел он, усаживая мою ослабевшее и напоминающее желе тело на свое место и аккуратно ударяя по щеке. — Очнись! Руслана, не смей снова терять сознание!

Я бы с удовольствием, но кипящий мозг подсказывал мне, что ему срочно необходима

перезагрузка.

Мамочка. Я сошла с ума? Правда? Серьезно?! Ладно. Допустим. Станный замок и одежду супругов еще можно было списать на причуды богатеньких; их желание называться сказочными героями — туда же; неожиданно оживший тяжелый замок на двери — на чудеса техники, но, черт возьми, разговаривающая выпечка никак не находила ни единого объяснения в моем пока еще более-менее адекватном разуме!

— Я... Я сплю? — на всякий случай поинтересовалась у наклонившегося надо мной Максима.

Моему жалобному взгляду, наверно, мог позавидовать сам кот из «Шрека», однако соседа ни на каплю не прониало.

— Нет. — разогнулся парень, убедившись, что я окончательно пришла в себя и снова падать в обморок не собираюсь. — Ты не спишь.

— А...

— Нет, Руслана, ты не спятила. — предупредил мой вопрос сосед.

— Почему ты так отреагировала на появление Колобка, а существование нас тебя не удивило? — весело поинтересовался хозяин замка.

— Даже если все это, — обвела я дрожащими руками пространство вокруг себя, — бред моей фантазии, то вы хотя бы человеки! А он... — ткнула трясущимся пальцем в выпечку — Он... Он — говорящее тесто!

— Сама ты — тесто. — мгновенно обиделся Колобок. — Я, между прочим, заслуженный ученый! Как ты смеешь оскорблять меня?!

— Господи. — захныкала я, прижимая руки к груди и слезно уставляясь в потолок. — Дай мне проснуться, ну пожалуйста!

Василиса, наконец, не выдержала и, шикнув на возмущенно подпрыгивающую выпечку, подошла ко мне, ласково проводя одной рукой по спутанным волосам, а другой протягивая стакан с холодной водой. Я благодарно приняла его и мгновенно осушила, почему-то в ту же секунду начиная чувствовать, как головная боль и дурнота постепенно уходят. Что это?

— Живая вода. — ответил на мой немой вопрос Максим, устало потирая виски. — Должно стать лучше...

— И что, от всех болезней исцеляет?

Я удивленно рассматривала пустой стакан, постепенно погружаясь в странное состояние апатии.

— Нет, конечно, — фыркнул сосед, смотря на меня как на идиотку. — Скорее, как успокоительное действует.

— А-а-а, — понятно протянула, прикусывая губу.

Падать в обморок, действительно, больше не хотелось, как и громко и истерично визжать. Хотя где-то на задворках сознания все еще пытался звать внутренний голос, доказывающий, что я чокнулась окончательно и бесповоротно. А ленивые мысли упрямо твердили, что ничего такого в этом нет. Ну чокнулась и чокнулась, подумаешь, велика проблема.

— Руслана, нам нужно с тобой поговорить, — подождав пока я закончу свои внутренние разборки, осторожно начала Василиса.

Девушка растерянно крутила в руках толстую косу, явно боясь сделать первый шаг и начать разговор. Ее муж тоже нерешительно смотрел в пол, зато Максим, кажется, ни капли смущения не испытывал.

— Хватит, Вася. — произнес он ровным голосом. — Хватит с нее уже того, что она уже

узнала!

— Почему?! — рассердилась та. — Руся должна знать все, ведь именно ее Марья Ег...

— Это не она. — мотнула головой сосед, перебивая хозяйку замка.

— С чего ты взял?

— Начнем с того, что она не прямая внучка бабе Марье, — начал Макс, хмурясь, и ехидно добавил: — а во-вторых, у Хранительницы должен иметься хоть какой-то интеллект!

— У самого айкью, как у хлебушка. — вяло огрызнулась я.

— Нормальное у нас айкью! — подпрыгнул от возмущения Колобок. — Побольше, чем у некоторых!

Максим хлопнул себя ладонью по лбу, а мне даже стало жаль парня. Бедный, тяжело ему. Этак все нервные клетки истратит, а они, как известно, восстановлению не подлежат.

— Так, хватит, — неожиданно рывкнул Кощей.

Я аж подпрыгнула от внезапного громогласного крика драгоценного супруга Васи. Я-то думала, он тихий и спокойный, а нет, злиться, вон, тоже умеет. Девушка ласково погладила мужа по локтю, пытаюсь успокоить, на что тот благодарно кивнул.

— Все просто и ясно! — продолжил мужчина. — Руслана, тебе Марья Егорьевна завещала свой дом, а значит и свои обязанности! Она была Хранительницей Леса Сказок до своей смерти, как и Максим, и еще несколько людей, живущих в разных концах нашего Леса!

— А-а-а-а, — понятиливо кивнула я, улыбаясь. — Так она тоже в вашей сект... в смысле, вашим другом была?

— Руслана. Он не врет. — абсолютно серьезно произнес Максим.

Парень внимательно смотрел на меня, сложив руки на груди и не отрывая глаз. И чего за взгляд такой? Спокойный и усталый, мне аж не по себе стало, а противный нерв под коленкой снова дернулся. Нужно зайти в аптеку, как только домой вернусь. Так же и дотика недалеко.

— Неужели после всего, что ты видела, ты все еще не веришь? — устало поинтересовался сосед.

— А можно я завтра подумаю? — неожиданно даже для себя, спокойно произнесла, вставая со стула. — Даже если весь тот бред, что сейчас тут происходит — правда, вы хоть представляете какого мне? Как я, по-вашему, должна на все реагировать?

Ух, спасибо живой воде за возможность мыслить и разумно разговаривать во всем этом дурдоме, творящемся вокруг. Супруги стусевались, а Максим прикрыл глаза.

— Ты права, — наконец, выдохнул он, — мы сейчас поедem домой, ты поспишь и попытаешься обдумать все завтра.

Не слушая больше ничего, парень приблизился и взял меня за ладонь, утаскивая прочь из комнаты. По мере нашего прохождения по коридору, факела на стенах загорались ярче, освещая путь и не давая споткнуться о разложенные вокруг ковры. Сосед почти бежал, таща меня как на буксире за собой и не разжимая руки. А я даже спорить не хотела. Накатила дикая усталость и срочно захотелось спать.

Мы поравнялись со ступеньками, и Максим отпустил-таки мою руку, позволяя спуститься самой по довольно узкой лестнице. Я вяло передернула плечами и быстро сбежала в уже знакомый холл, ожидая, когда следом сойдет сосед и следующие за нами подавленные Василиса и Кощей.

Девушка знакомо щелкнула пальцами и закрытый засов на двери поднялся. Я сжала губы и потянула на себя тяжелую дубовую дверь, которая тяжело поддалась мне с

громким скрипом. Максим закатил глаза и помог отворить створку.

— Руся! — донесся до меня печальный голос Василисы, когда свежий ветер с улицы уже обдувал мое лицо, путая и так уже встрепанные короткие волосы.

Я обернулась, удивленно приподнимая брови и встречаясь с грустными глазами девушки.

— Обдумай все сегодня и не уезжай, пожалуйста. — всхлипнула та, прижимаясь к боку мужа. — Нам будет плохо без Хранительницы, а Максим один не справится!

Я тактично кашлянула, решая оставить просьбу без ответа и, махнув на прощание рукой хозяевам замка, вышла наружу, с наслаждением вдыхая прохладный ночной воздух. Во дворе стоял джип соседа. Машина резко контрастировала с окружающей обстановкой средневековья, и мне почему-то захотелось засмеяться от абсурдности сего зрелища.

Парень увидел выражение моего лица, обреченно покачал головой и снял автомобиль с сигнализации.

— Садись.

Сосед открыл переднюю дверь и кивнул внутрь. Я спорить не стала, забираясь в пахнущий кожей салон и с наслаждением вытягиваясь на уютном сидении.

Думать ни о чем не хотелось. Мысли вяло растекались в сонном разуме, не давая возможности сосредоточиться на какой-нибудь конкретной. Только один, несомненно, важный и вполне осознанный вопрос все-таки возник на задворках сознания и довольно настойчиво потребовал ответа. Спорить с его наличием я была не в состоянии, поэтому задала сразу, как только парень уселся за руль и привычным движением завел мотор:

— А тот дедуля, что у тебя живет, — зевнула, задумчиво смотря куда-то сквозь светящуюся приборную панель. — Ну, Кентервильское привидение... Оно ведь тоже мне не приснилось?

— Не приснилось. — отозвался Максим, внимательно следя за темной дорогой. И как он только в этом лесу ее нашел? Я пешком то еле добиралась, фактически продираясь сквозь густые заросли, а машину даже не трясет. Магия, не иначе.

— Оно живет у меня уже года четыре, — продолжал сосед, бросая на меня мимолетный взгляд, — помогает иногда по хозяйству.

— А там в избе? — вдруг вспомнила вчерашнее происшествие, кажущееся уже неприлично далеким. — Те желтые глаза? Кто это был?

— А вот этого я не знаю, — нахмурился Максим. — В Лесу сейчас происходит что-то нехорошее. Он ослабевает без Хранителей, позволяет злу множиться и проникать в наш мир. Поэтому Вася и обрадовалась тебе. Надеется, что ты помочь сможешь.

— А я не смогу?

— А разве сможешь? — хмыкнул собеседник, не отрывая взгляда от дороги. — Ты завтра утром сбежишь обратно в свою Москву и забудешь все, как кошмарный сон.

— Почему?

— Потому что. Не задавай глупых вопросов, Руслана. У тебя на лице все написано.

Ой ли. Ни черта ты в людях не разбираешься, соседка. Я, конечно, сейчас чувствую себя чокнутым выжатым лимоном, но глазам своим все-таки верю. Да и истеричную припадочность за собой раньше не замечала (сегодняшний вечер не в счет, в связи с последними событиями, мне простительно), так что, ничего еще не решено. Как любит говорить моя мама — утро вечера мудренее. Может быть посплю, с утра хорошенько все обдумаю и стану у вас тут отважной Хранительницей. Авось еще и в легенды впишут, чем черт не шутит.

Такие размышления заставили меня фыркнуть, однако озвучивать их подозрительно

покосившемуся на меня водителю я не стала. Все-таки вариант побега еще пока не был окончательно исключен из моих мыслей.

В напряженном молчании, спустя примерно полчаса, мы выехали наконец из леса, и остановились у особняка Максима.

— Переночуй сегодня у меня. — произнес парень, глуша мотор. — Завтра утром поговорим.

Я согласно кивнула и следом за вышедшим из машины соседом, выползла наружу, вдыхая в себя чистый ночной воздух. Пахло свежестью, лесом и немного влажностью, но не было даже намека на привычные городские запахи выхлопных газов и пыли. Я даже устало улыбнулась, плетясь за Максимом.

— Вернулись! — раздался радостный голос в коридоре, как только хозяин дома зажег свет. — Да еще и вместе!

Со второго этажа на нас уже летело счастливое привидение, вызывая у меня судорожный приступ кашля. Дедуля был так рад видеть нас, что мгновенно кинулся обнимать. Правда верткий и привыкший к подобным приступам нежности сосед сразу отклонился, а вот я не успела и попала в ледяные призрачные объятия. Вот же бр-р-р-р...

— Я вам ужин приготовил! — радостно объявило приведение, отпуская, наконец, меня и оставляя на память вставшие дыбом волосы по всему телу. — Все еще пока теплое! Кушайте, не обляпайтесь!

Это видимо было пожеланием приятного аппетита, потому что дедуля выдал эту фразу с теплой и ласковой интонацией.

— Пойдем. — хмыкнул Максим, замечая мое замешательство. — Он и правда вкусно готовит.

— Не сомневаюсь, — отозвалась, растирая замерзшие после объятий с умершим плечи.

Либо Кентервильское привидение и правда готовило обалденно, либо мы с Максом были настолько голодными, что все, что угодно, умяли бы сейчас, приняв за деликатес. Умопомрачительно пахнущее мясо под хрустящей сырной корочкой мы уничтожили за пять минут, запивая всю эту вкусноту травяным чаем и слушая восторженные вздохи дедушки. Тот был крайне тронут нашим аппетитом и оценкой его кулинарных способностей и все норовился подложить добавки.

— Спасибо! — искренне поблагодарила довольного призрака. — Это правда очень вкусно!

— Ой, да не за что, дочка, — растрогался старичок, утирая невидимые слезы и смотря на меня безмерно благодарным взглядом, — почаще навещай нашего холостяка, и я буду всегда накрывать для тебя такой пир!

— Обязательно! — пообещала, исподлобья смотря на пьющего чай Максима.

Интересно, а если я все-таки останусь, он будет рад, если буду приходить к нему домой?

— Авось и женитесь! — радостно заключил призрак.

Сосед резко выплюнул только что сделанный глоток, а я подавилась пирожком.

— А что? — развел руками дедуля, наблюдая за нашей реакцией и победно улыбаясь: — Вы — идеальная пара, дабы жить долго и счастливо вместе и умереть в один день.

— Если вдруг это и правда случится, — откашлявшись, прохрипел Максим, — то мы, скорее, сразу выполним последний пункт, минуя первых два.

— Это почему это? — мгновенно возмутилась я, обиженно складывая на груди руки.

Мне то сосед очень даже нравился (не на столько, конечно, чтобы сразу замуж, но все-таки), а вот я его, похоже, сильно раздражала, что ощутимо задевало мою и так далекую от идеала самооценку. Максим, впрочем, отвечать на мой вопрос не стал. Снова

привычно закатил глаза (и как они у него еще к затылку не прилипли) и вышел из-за стола, бросая мне хмурое пожелание спокойной ночи.

Ну и ладно. Ну и пусть. Не больно то и хотелось! Обиженно показав вслед удаляющемуся хозяину дома язык, я собрала всю посуду и тоже потопала спать, чувствуя, что сил уже совсем ни на что не осталось.

3.2

— В общем, я все обдумала и решила остаться!

Такое неожиданное и громкое заявление, выпаленное взволнованной мной Максиму, до этого спокойно употребляющему аппетитный завтрак в виде поджаренных блинчиков с яблоками, повергло парня в минутную прострацию. Он не донес до рта очередную вилку, с нанизанной на ней вкуснятиной, и замер, растерянно хлопнув глазами.

— Руслана, ты головой ударилась? — осторожно поинтересовался, медленно откладывая в сторону столовый прибор.

— В смысле?

Ну и что за реакция такая? А где фанфары? Где радостные крики, повествующие о том, как он счастлив подобному исходу событий? Где, в конце концов, крепкие объятия в знак тесного дальнейшего сотрудничества?

Да ладно, кому я вру, ничего подобного я не ожидала, прекрасно понимая, что за одну ночь отношение соседа ко мне вряд ли изменится. Но хотя бы элементарную вежливость, вместо откровенного недовольства мог бы и проявить. Все-таки данное решение далось мне непросто.

— Разве ты не хотел, чтобы я стала Хранительницей?

— Нет, конечно! — припечатал сосед. — Какая из тебя Хранительница?

— Ну знаешь! — моментально обиделась, сцепляя ладони в замок перед собой. — Тебя не спросила. Не нравится — ради Бога. Я к Васе уйду, она меня уже любит!

Парень скептически дернул бровью, а я только фыркнула, ловя его откровенно насмешливый взгляд.

— Максим, опять ты девочку обижаешь! — вступился за меня старичок, недовольно взывая в воздух. — Прекрати строить из себя шибко умного и обучи Руслану! Я в нее верю!

— Спасибо, — искренне поблагодарила поддерживавшее меня приведение.

Вообще, скажу честно, сбежать хотелось жутко. Проснувшись утром, я даже твердо решила, что, не здороваясь с соседом, сяду в машину и поеду прочь из этого дурдома. Вернусь в Москву и продам унаследованное имущество какой-нибудь конторе, пусть они сами с ним разбираются. Потому поживу пару дней у Светки, и в итоге, вернусь-таки в родной Владивосток на поклон к родне. Я уже четко представляла себе, как буду выполнять весь этот план, однако последующие размышления, направленная на анализ сложившейся ситуации, привела меня к выводу, что, в принципе, ситуацию таким образом решить не удастся.

Списывать все на глюки уже не удавалось. Вчерашние слова Кося с супругой, появление Колобка и слабое проявление волшебства, может быть, и не убедили бы меня, однако летающий перед глазами призрачный дедуля вытеснял из мозга все оставшиеся жалкие надежды, что происходящее вокруг — сон. Верить во все, постепенно, становилось не так трудно, и я пришла к диковатой мысли: «а, почему бы, собственно, и не попробовать?» Тем более если им и правда так сильно нужна помощь, а все забыть и жить спокойно после всего увиденного, я просто-напросто не смогу.

Окончательно решив узнать до конца, что тут происходит, я спустилась к завтраку, в надежде увидеть, как обрадуется Максим, узнав о моем решении. Однако этот человек повел себя совершенно другим образом.

— Руслана, все не так просто и весело, как тебе кажется... — покачал головой парень, возвращаясь к своему завтраку. — Это вовсе не веселые игры, которые можно бросить в любой момент.

Ничего себе, это он меня что, за легкомысленную дуру что ли принимает?

— Я и не собиралась, — буркнула, ковыряясь вилкой в своих блинчиках и превращая их в кашу под недовольным взглядом Кентервильского приведения, сотворившего сей кулинарный шедевр.

— Это опасно. — продолжал нравоучения сосед. Ух, зануда. — Хранители иногда погибают в процессе выполнения своих обязанностей.

А вот это заявление стало неожиданностью. Упавшая вилка громко звякнула, а я нахмурилась, поднимая на соседа непонимающий взгляд. Что такого могло случиться, чтобы Хранитель погиб? Это же просто сказки!

— Тот, кто ждал тебя дома, когда ты приехала, явно не хотел присутствия наследницы Марьи Егорьевны.

Ого, а об этом я и правда не подумала. События первой ночи в Зорино казались далекими и затуманенными, поэтому визит желтоглазого нечто, вторгшегося в мой дом, совершенно стерся из памяти. Это что же получается, я еще, сама не знала ни про какие сказки и Хранителей, а по мою душу уже кто-то явился?

— Что все так серьезно? — выдохнула, растерянно наблюдая за Максимом. — Неужели настолько?

— Да! — уверенно кивнул тот. — Тем более сейчас, когда в лесу много чего нехорошего происходит. Не все сказки, знаешь ли, заканчиваются счастливым концом, Руслана. Злодеев, стремящихся разрушить «хэппи-энды» слишком много.

— Не пугай ты девушку! — вмешался в наш разговор призрак.

Дедуля взлетел и грозно нахмутив брови показал хозяину дома прозрачный кулак.

— Да я не боюсь, — моментально соврала я, с хрустом начиная мять пальцы. — Расскажи мне все! — тихо попросила хмыкнувшего соседа, усаживаясь на стул напротив и приготовляясь внимательно слушать его слова.

В общем, судя по тому, что поведал мне Максим в течение следующего часа, Сказочный мир и правда был не таким волшебным и безобидным, как я представляла. Тот самый Лес, в который мне случайно удалось попасть вчера, не был доступен каждому случайно забредшему путнику, попасть в него могли только Хранители, умеющие открывать порталы. Я же, следя за Максимом, случайно шмыгнула во все еще открытую дверцу, сама того не понимая. Опоздала бы на минуту-две и просто погуляла бы по обычной лесополосе, что виднеется из наших окон.

Сказочный же Лес увидеть было невозможно, а еще он не имел границ. Внутри необъятной территории прятались многочисленные деревни, замки, моря и океаны из любой истории, что вы только когда-либо прочитали. Лес был отдельным миром, со своей внутренней жизнью и своей историей. Он был полон прекрасных и любимых с детства героев, которые на самом деле были абсолютно настоящими, вот только не все из них оказывались такими же, как в знакомых историях. Разобрать, кто плохой, а кто хороший, опираясь лишь на знания старых сказок не представлялось возможным. Тот же Кощей Бессмертный, к примеру, не имел ничего общего с привычным нам образом старого, подлого, вечно гадающего всем худого старика. Наоборот, вполне добрый и мягкий семьянин, до одури влюбленный в свою супругу и сдувающий с нее пылинки. Зато Иван-царевич, которого так обожали сказочники, постоянно награждая исключительно положительными чертами, оказывается, был абсолютной и непроходимой скотиной. Это именно он позарился на Василису, приказав украсть ее своему слуге — Кикимору, от коей участи я случайно и уберегла вчера девушку. А еще, как поведал мне Максим, он приказал одной из своих ведьминских соратниц навести смертельную порчу на Марью Егорьевну, отчего та и умерла.

И вот это меня поразило до самой глубины души. То, что баба Марья умерла по вине какого-то спятившего Царевича, одурманенного мыслью о всецелой власти в Сказочном Лесу, никак не укладывалось в голове. Судя по словам соседа, Иван не просто метил на захват правления в Сказке, он твердо вознамерился разрушить границы мира, чтобы попасть в наш. Правда, для этого следовало сначала уничтожить противящихся Хранителей. Василиса и Кощей, живущие в своем замке прямо на окраине леса, были

кем-то вроде зрителей, помогающих Хранителям, поэтому ни в коем случае не могли допустить такого вопиющего нарушения равновесия в мире. В итоге, обе стороны принялись собирать войска, дабы противостоять друг другу. И это было совсем не так комично и смешно, как звучит, потому что назревала самая настоящая война и некоторые сказочные герои уже погибли.

Звучало дико и жутко. Иван подмял по себе большое количество людей (и нелюдей), приманивая их надеждой выйти за пределы Леса и вырваться на свободу в наш мир, и они активно готовились к битве. Именно поэтому Лесу сейчас были просто необходимы все Хранители. А вот Ивану мы мешали, и тот гость, что был в избе Марьи, судя по всему, приходил ко мне с далеко не дружелюбным визитом.

— Добрая сказочка превращается в хоррор... — шокировано прошептала я, потирая лоб, когда Максим закончил рассказ. — А что будет, если Иван все-таки прорвется наружу?

— У многих сказочных героев есть магия, — отозвался тот, внимательно следя за моей реакцией, — а многие выглядят кхм... необычно. К примеру, великаны-людоеды. Как думаешь, если они окажутся в нашем мире, что произойдет?

— Конец света. — выдохнула, с силой закусывая губу. — Апокалипсис. С ума сойти!

— Вот именно, — хмыкнул в ответ сосед. — Василиса и Кошей сейчас собирают отряд сопротивления, а я планировал на это время совсем переехать в Лес.

— Слушай, — вдруг поймала я не дающую покоя мысль, — а почему Кентервильское привидение живет у тебя, а не в Сказочном Лесу?

— Кентервильское привидение — реальность, а не сказка, — было мне ответом. — Оно существовало задолго до того, как про него начали писать. Как, впрочем, и куча других призраков и непонятных обычным людям явлений.

— Например?

— Ну... Лохнесское чудовище, например.

Я ошарашено смотрела на собеседника, пытаюсь осмыслить только что сказанное. Так это что, получается, что нечто необъяснимое и магическое существует не только на территории леса? Оно вообще вокруг нас?

— Я все еще надеюсь, что скоро очнусь и окажусь в родной кровати, думая, что это все сон. — пробормотала, потерянно почесывая нос.

В голове творилась каша, но, почему-то, все вокруг уже не казалось сумасшедшим домом или сном. Может, Живая вода все еще действует? Или эта та самая способность человека адаптироваться к любой ситуации? Или просто моя вера в мистику и все необычное, тянущаяся с самого далеко детства, победила скептический голос разума?

— Поэтому я и говорю тебе уезжать, Руслана. — сосед поднялся, подошел и положил ладонь на мое плечо.

— Ну уж нет! — упрямо возразила, ту же скидывая его руку. — Я, может, хочу помочь вам Лес спасти!

— О Боже, какой Лес? — закатил глаза Максима, снова надевая на лицо раздраженную маску. — От тебя одной ничего не зависит. Кем ты себя возомнила?

— Но помочь я все равно могу! Не зря же наличие Хранителей так важно!

— Не...

— Конечно, важно! — прервал хотевшего было начать спорить парня призрак. — Если все двенадцать Хранителей соберутся вместе и ударят Ивану, то у них не останется шанса!

— Ну вот и отлично! — заключила я, хлопая по столу и вставая. — Тогда давай и пойдем к другим!

Максим обреченно покачал головой, понимая, что спорить бесполезно, и бросил на меня хмурый взгляд:

— В этом то и проблема. Некоторые Хранители уже на стороне Ивана.

Ого. А вот это неожиданный поворот.

— И что теперь делать?!

— Снимать штаны и бегать, — не выдержав, рявкнул сосед. — Я еще раз повторяю, ты — не Хранительница! Уезжай домой, ты только мешаешь!

— Да с чего ты взял-то?

И почему, интересно, я на самом деле так отчаянно не нравлюсь этому парню? Он же единственный, кто так сильно хочет отправить меня подальше отсюда. Нет, отчасти, я его понимаю. У них тут и так проблемы, можно сказать, вселенского масштаба, а тут я еще добавляю масло в уже бушующий пожар и вместо того, чтобы уже нестись в раздолбанных жигулях на встречу столице, сижу тут и продолжаю упрямо гнуть свою песню. Но, черт возьми, и он должен понять. Как я должна уехать сейчас, после всего, что видела и слышала?

— Потому что я знаю!

— Информативно!

— Дура!

— Чурбан бесчувственный!

— А ну прекратить перепалку! — не выдержал дедуля, взмывая к потолку и упирая руки в прозрачные бока. — Немедля прекратить! Максим, — грозно обратился он к моему соседу. — Отведи ее к Яге и проверь, истинная она Хранительница она или нет!

— Не подумаю! — упрямо мотнул сосед.

— Да чего ты так взъелся-то на меня?! — не выдержала я. — Мы знакомы пару дней, а ты так и норовишь выставить меня вон!

— Да потом...

Он неожиданно осекся и замер, словно прислушиваясь к чему-то. Постоял так пару секунд и нахмурился. Еще спустя полминуты, не говоря ни слова, сорвался с места и, схватив по пути куртку с покачнувшейся вешалки, кинулся на выход.

Выглядели его действия очень пугающе. Казалось, сосед увидел или услышал то, что не было дано увидеть мне и призраку. Дедуля тут же взволнованно поведал мне, что Хранители могут чувствовать Лес, особенно приграничные районы. Видимо именно это сейчас и произошло, раз сосед так резко дернулся с места. Долго не думая, я поблагодарила дедушку и бросилась следом, клятвенно пообещав приведению все ему потом рассказать.

Странное поведение Максима пугало. Парень что-то почувствовал и это что-то было не очень приятным, судя по хмурому выражению его лица. Его силуэт уже виднелся на границе леса, и я тоже устремила туда, отчаянно молясь успеть до того, как закроется портал.

— Хозяйка! — внезапно схватили меня за руку, когда я вылетела за пределы двора Максима. — Мы ишмо дня два провозимся!

Я обернулась, натываясь на искреннюю беззубую улыбку одного из рабочих и поморщилась, чувствуя крепкий запах вчерашнего перегара. Видимо, пока меня не было, мужички успели налакаться и не сдвинули работу с места. Впрочем, ладно, плевать, потом со всем этим разберусь.

— Хорошо, — великодушно разрешила, вырывая свой локоть из цепких пальцев с грязными ногтями. — Делайте, что нужно.

Обрадованный мужик уже открыл рот, дабы сказать мне что-то еще, но я уже устремлялась прочь, понимая, что Максима не вижу.

Вот шустрый то, засранец! Когда умудрился только? Я пробежала метров тридцать и оперлась о колени, пытаюсь отдышаться...

— Максим!

Голос дрогнул, а окрик получился сиплым, однако я не сдавалась. Старательно прокашлялась и снова закричала:

— Максим! Ты где?!

Ответом послужили зловещая тишина и тихий шелест утреннего леса, пробуждающие где-то внутри отголоски страха. Ну и какого черта, спрашивается, я снова наступила на те же самые грабли? Мало получила по лбу в прошлый раз? Ответа этот риторический вопрос совершенно не требовал. Все было предельно ясно — наступать на грабли — мою самое излюбленное занятие.

Я попробовала позвать соседа снова, однако в очередной раз ничего не добилась. Паника уже нетерпеливо маячила где-то на задворках сознания, когда удача, наконец, решила повернуться ко мне лицом, а не пятой точкой, избавляя от возможного будущего в виде блуждания по лесу в гордом одиночестве.

— Чего ты орешь? — прошипел над ухом знакомый голос, когда я, случайно оступившись о торчащую из-под земли корягу, со вскриком шлепнулась на землю, тут же чувствуя, как неведомая сила за шкуру возвращает меня обратно в вертикальное положение.

Сглотнула и обернулась на хмурого Макса, что выпустил из пальцев мою рубашку и взирал недовольным взглядом. В голове завертелось сразу несколько вопросов, однако ни один задать я не успела, случайно наткаясь взглядом на стоящего неподалеку Кощея. Выглядел мужчина ужасно. Весь посеревший, ссутуленный, растерянный и очень злой. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что случилось что-то очень и очень плохое.

— Кощей... — осторожно начала, протягивая руку, дабы коснуться дрожащего от ярости плеча мужчины. — Что...

— Иван похитил Василису. — хмуро перебил меня сосед.

Бессмертный болезненно дернулся, сжимая кулаки и начиная двигать сильно выступающими скулами, а я испуганно сжалась.

— Как?

— Прямо из замка. — прошипел Кощей. — Напал со своими шавками и увел ее, пока мы с Колобком ездил к Яге.

К слову, упомянутая выпечка тоже сейчас находилось здесь, взволнованно катаясь между нами и периодически высоко подпрыгивая, видимо, от нервов.

— Максим, я пришел рассказать тебе, потому что ты должен знать, — продолжал тем временем Кощей, смотря куда-то перед собой расфокусированным взглядом. — Я сейчас же отправляюсь к Ивану!

Я опустила глаза вниз, наткаясь на небольшой походный мешок у его ног. Да уж, основательно подготовился.

— И что ты сделаешь? — неожиданно хлестко поинтересовался сосед, складывая на груди руки и прищуриваясь. — Действительно думаешь, что в одиночку справишься со всей армией, которую он собирал несколько последних лет?

— Мне плевать... — попытался было возразить отчаявшийся супруг похищенной, но я его перебила:

— Он прав, — тихо произнесла, взволнованно взъерошивая волосы. — Кощей, как я

поняла, у вас еще слишком мало сил, чтобы противостоять Ивану. Нужно собрать все, что можно, чтобы основательно ударить. — На мгновение замолчала, а потом прикрыла глаза и тяжело выдохнула, решительно сжимая кулаки: — Ведите меня к этой своей Яге, проверяйте, или что там нужно. Если я и правда смогу помочь — я постараюсь сделать все, что можно.

— Времени нет, — отрезал Максим. — Но в одном ты права, сейчас нужно собрать как можно больше народу, чтобы если не разбить, то хотя бы проредить ряды войска Царевича. Руслана, я открою портал обратно, так что дуй домой, пока я не вернусь.

— Ага, сейчас! — фыркнула, упрямо поджимая губы. — Бегу и волосы назад. Максим. Просто позволь мне помочь!

— Руслана! — начал звереть парень. — Не спорь со мной!

От его грозного рывка с поляны сбежали две резвящиеся рядом белки. Я с завистью проследила за исчезающими в кустах пушистыми хвостами и попыталась найти где-то в себе побольше решимости.

— И с кем вы на этого вашего феодального злодея идти собираетесь? — пятась от разозленного соседа поинтересовалась я. — С говорящим тестом?!

Прости, Колобок, ты правда очень милый, просто это первое, что пришло мне в голову.

— Сама ты — тесто! — мгновенно взорвалась вредная выпечка, прыгая на удивление высоко, словно баскетбольный мячик. — Максим, вышвырни ее вон! Без этой невежды справимся!

— С удовольствием, — полностью был солидарен с хлебом сосед, все еще пытаясь меня поймать.

Ага! Сейчас! Не на ту напали!

— Раскрошу и скормлю уткам, — погрозила пальцем, опешившему от такой угрозы Колобку.

— Да как ты... — задохнулся он в возмущении, а мне уже надоело бегать по маленькой полянке от все больше злившегося Максима, и я решила сдаться.

Вру, конечно, русские не сдаются. Просто этот странный бег по поляне выглядел слишком комично для данной серьезной ситуации. Я резко остановилась и не ожидавший такой подлянки сосед налетел на меня сзади, повалив обоих на землю. Господи, ну и тяжеленный он. Килограммов восемьдесят, если не больше. И хоть бы капелька жира, ей богу...

Я сглотнула, понимая, в какой позе мы находимся и постаралась отвернуться, дабы не смотреть в красивые голубые глаза с серыми прожилками, которые находились всего в паре миллиметров от моих.

— Слезь. — крихтя, попросила возлежавшего на мне Хранителя. — Макс, слезь, сейчас раздавишь!

— Дави ее, — заорал отошедший от шока Колобок. — Дави, змею такую!

Я мрачно бросила на вредную сдобу хмурый взгляд, и та мгновенно замолчала. Правильно. Со мной сейчас лучше не спорить.

— Что ж, — просипела, все-таки поднимая глаза на все еще лежавшего на мне и почему-то ухмыляющегося соседа.

Щеки залились краской, а кончики ушей загорелись, однако я приняла смелое решение не придавать этому значения и списать все на обычную жару. Нет, правда. Это все исключительно погода, а чертовски обаятельная улыбка этого засранца тут совсем не причем! Да и некогда об улыбках думать, когда тут такое творится.

— Если тебе так удобнее, мы можем продолжать разговор тут. — ехидно предложила я.

— Я бы с удовольствием, но слишком много свидетелей, — нагло отозвался этот редкостный... кхм... индивид.

Так, стоп, Лесницкая. Слюнки подбери, либидо усьмири, верни на место плавно двинувшуюся в далекие дали крышу и постарайся больше не допускать таких предательских действий с ее стороны!

— Ты прав, — еле справившись с собственными разбушевавшимися гормонами хмыкнула я. — Слишком много народа узнает, под каким деревцем я тебя закопаю, если ты сейчас же с меня не слезешь!

Сосед насмешливо фыркнул и, наконец, поднялся. Я вытянула руку, надеясь, что в нем проявится хоть капелька галантности, но, похоже, и она до конца иссохла под влиянием внутреннего яда Максима Ивановича.

Ой, ну подумаете, не больно то и хотелось. Я по-детски показала парню язык и поднялась самостоятельно, деловито отряхивая джинсы.

— Максим, — внезапно раздался хмурый голос Кощея. Мы одновременно обернулись в его сторону, и я отчетливо ощутила, как жалость стальным обручем сковывает сердце. Казалось, мужчине становилось все хуже с каждой секундой. И ему уже было плевать, что делать, лишь бы просто не стоять на месте: — Нам сейчас нужна любая помощь. Руслана пойдет с нами!

— Вот! — кивком подтвердила я. — Послушай его, Максим! Я хочу вам помочь!

— У нас нет времени, — продолжал тем временем мужчина, поправляя висящие на боку ножны. — Мы должны отправиться прямо сейчас. Иван воспользовался магией и перенесся сюда, а нам до его дворца почти неделю идти!

Максим явно не хотел соглашаться с другом, по-прежнему прожигая во мне дыру сердитым взглядом, но, к моему великому облегчению, не начиная снова спорить. Видимо, дела и правда были совсем плохи, раз, в итоге, он все-таки кивнул, несмотря на протестующий вопль Колобка.

— А мы не можем тоже магией попользоваться? — с надеждой поинтересовалась, под осуждающим взглядом все того же говорящего теста.

— В нашем отряде нет настолько сильного волшебника, что был бы способен открывать порталы. — оповестил меня Кощей. — А те, что есть, находятся недалеко от пристанища Царевича. Именно к ним мы и пойдем. Тем отрядом командует Илья Муромец, и мы, во что бы то ни стало, должны дойти до них дня за четыре. Пешком.

Ну что ж... Пешком так пешком, невелика проблема!

4.1

Я говорила, что невелика проблема? Я говорила, что на все согласна?! Забудьте! Верните меня обратно в Зорино! Я буду паинькой и мирно посижу дома, смиренно дожидаясь возвращения Максима из благородного похода по спасению Сказочного Леса!

После шести часов непрерывной ходьбы мои ноги превратились в негнущиеся палки. Мышцы от непривычной нагрузки стали каменными и каждое движение приносило тянущую боль. Отсутствие в прошлом активных занятий физкультурой сыграло со мной слишком злую шутку, и сейчас я мрачно проклинала весь мир, мечтая, чтобы меня просто оставили лежать где-нибудь под деревцом и не трогали. Тело гудело, голова шла кругом, а вышагивающий впереди бодренький Максим отпускал в мою сторону слишком ехидные комментарии. В один из таких моментов я серьезно пожалела, что оставила свой шокер в бардачке машины. С каким бы удовольствием я бы пустила пару разрядов в довольного соседа! Усмехается он, посмотрите на него! Лицо сейчас треснет! Колобок, кстати, тоже устал скакать и сейчас просто катился. Странное, к слову, зрелище. Представьте, что видите только лицо человека, застрявшего в широкой трубе, которая крутится вокруг своей оси. Мне почему-то казалось, что хлебушка сейчас стошнит, если он продолжит передвигаться так еще хоть пару минут. Я даже милостиво предложила ему проехаться на моих руках, за что меня облили презрением и заявили, что даже если он раскрошится, как старый пряник, то все равно ни за что не примет от меня помощи.

В общем, путь наш вряд ли можно было назвать приятным. Напряжение, царившее в маленьком отряде по спасению Василисы Прекрасной, едва ли не искрилось в воздухе. Один только Кощей не обращал ни на что внимания, без усталости двигаясь вперед и полностью потерявшись в своих хмурых мыслях.

— Нужно найти деревню, чтобы заночевать. — вырвался, наконец, из собственных дум Бессмертный, когда я уже окончательно готова была повалиться на землю и тихонько умереть.

— А где ближайшая? — хрипло поинтересовалась, безмерно радуясь очередной маленькой остановке.

Наверное, тело решило проклясть меня за такое жестокое издевательство над ним и с каждой секундой боль в мышцах ощущалась все отчетливее.

— Никто понятия не имеет. — тоном а-ля «дура, как ты не можешь знать такой простой истины», поведал мне Колобок.

Я бросила на вредную булочку измученный взгляд и решила, что обижусь потом. Все-таки сейчас были вопросы поважнее.

— Как это? — удивленно поинтересовалась, поворачиваясь к Максиму. — Ты же Хранитель. Я думала, ты все здесь знаешь.

— Нет, конечно, — фыркнул парень в ответ. — Сказочный Лес не имеет границ, а его территория постоянно изменяется. Сказок слишком много, и они продолжают постоянно возникать или, наоборот, забываться.

— Так стоп! — сглотнула, на секунду забывая про усталость. — А куда мы тогда, собственно, идем, раз место дислокации этого вашего Ивана уже давно могло поменяться?!

— Чем старше сказочный персонаж и сама сказка, тем прочнее он завоевывает свое место в Лесу и держится за него. — вместо Хранителя отозвался Кощей. — Мы с Василисой, к примеру, никуда уже не исчезнем, ровно, как и Иван. А вот молодые сказки иногда будут теряться.

Я непонимающе моргнула, а Кощей со вздохом закончил:

— Жилище Царевича находится у Северного ущелья, и дорогу к нему мы знаем. Но не знаем, что может встретиться нам по пути.

Так вот оно что. Получается, все старые и самые известные сказки существуют в Лесу постоянно, а новые персонажи то исчезают, то появляются... Сложно у них тут все, но довольно логично.

— Не чувствую я поблизости деревень. — покачал головой Максим, устало потирая лоб.

А я фыркнула. Вот оно что, не одна я мечтаю о теплой кровати и еде. Утомился соседушка, как бы не пытался делать вид и ехидничать надо мной — сам все равно устал.

— Солнце сядет скоро, нужно на ночлег устраиваться.

Бессмертный согласно кивнул и оглянулся.

— Вон там можно, — кивнул он в сторону небольшого ельника сразу за поляной, где мы стояли. — Я пока поохочусь, а вы костер разведите.

Не слушая ответа, Кощей расправил сутуленные плечи и исчез за деревьями, по пути доставая из ножен самый настоящий меч. Я проводила его грустным взглядом и вздохнула. Держался он хоть и стойко, но внешний вид с головой выдавал его истинное душевное состояние.

— Максим, мы дров соберем, а эта пусть ужин приготовит. — вырвал меня из мыслей о Бессмертном Колобок, гордо проскакивая мимо и не удостоивая даже взглядом

В моем уставшем мозгу мгновенно появился вопрос, каким, собственно, местом абсолютно круглый хлеб без какого-либо намека на конечности собирается помогать в сборе хвороста, но я не озвучила его, обидевшись на небрежное обращение «эта» вместо имени. Нет, я, конечно, все понимаю, но Колобок и правда переходит все границы. Что такого я ему сделала, что он продолжает хамить?

Видимо, от усталости или от накопившихся обидных фразочек со стороны хлебушка на протяжении всей нашей дороги, мне срочно захотелось съязвить в ответ.

— Я дома на ужин обычно поджаренные тосты ела. — мечтательно протянула, наблюдая, как медленно вытягивается лицо выпечки. — Можно просто на огне поджарить, раз приборов нужных нету... Ну что, — двинулась в сторону перетрусившего Колобка. — Пожертвуйешь своим бочком на благо жизни будущих героев?

— Чего ты хочешь от меня, чокнутая?! — отпрыгнул от меня кругляш, вытаращивая и без того огромные глаза.

— Кушать я хочу. Вкусно. — оповестила собеседника, облизываясь, словно та самая лиса из сказки. — А ты слишком аппетитный...

— А-а-а-а! — заверещал Колобок, неожиданно прыгая прямо в руки смеющегося Максима. — Спаси меня от этой сумасшедшей! — верещал хлеб на ухо парню, продолжая бросать в мою сторону гневные взгляды. — Она же правда сожрет и не подавиться!

— Не подавлюсь, конечно! — заверила я булочку, у которой уже нервно задергался левый глаз. — Кто ж хлебом-то давиться? Грешно.

— Максим!!! — переходя на новую октаву, визжала говорящая сдоба. — Я столько лет тебе верным другом был! Неужели ты отдашь меня в лапы этой каннибалке?!

Сосед, не переставая смеяться, пообещал Колобку, что ни в коем случае не отдаст его на съедение злобной и страшной мне, и скорее сам пожертвует жизнью, чем позволит своему мучному другу оказаться в моем ненасытном желудке. Я захихикала, наблюдая как недоверчиво покосился на Макса кругляш, и, обидевшись на весь свет, спрыгнул с рук и исчез в лесу, что-то злобно пыхтя по дороге.

Ой, кстати! Интересно, а Колобок вообще сам ест? А у него бывают отходы жизнедеятельности? Меня настолько заинтересовали данные вопросы, что я тут же задала их соседу, на что тот опять засмеялся, покрутил пальцем у виска и велел тащиться собирать хворост.

Веток на земле в лесу была целая куча. Я старательно выбирала те, что были посуше и складывала их в одну кучку, дабы потом перетащить ее к костру. Когда-то в далеком детстве, я участвовала в кружке юных путешественников и даже несколько раз была в походах. Поэтому нехитрые дела собирания хвороста, разведения огня и готовки на нем не были совсем незнакомыми.

Кучка постепенно росла, а я уже решила, что хватит нам импровизированных дров на вечер и пора тащить их к месту стоянки, как мое внимание привлёк ежик, неожиданно появившийся рядом и ткнувшийся мне в ногу. Вот только выглядел он совсем не так, как я представляла себе ежеиков всю свою жизнь. Во-первых, раз в пять больше (зверек доходил мне до колена), а во-вторых, передвигался на задних лапках, сжав в одной из передних небольшую клюшку и с кряхтением опираясь на нее.

— Извините! — искренне произнес зверек, поднимая на меня свою мордочку и свободной лапкой словно смахивая с пушистого лобика испарину. — Старый я совсем, слепой. Совсем ничего не вижу.

Я мгновенно расплылась в улыбке от этого умиротворяющего зрелища и сделала шаг в сторону, освобождая путнику тропинку.

— Ничего страшного, — произнесла, с интересом разглядывая зверька, но стараясь не пилиться слишком невежливо. Все-таки не каждый день увидишь такое чудо.

Ежик, чуть слышно запыхтел, делая несколько шагов по освобожденному пути, а потом, неожиданно, повернулся ко мне.

— А вы кто такая будете, барышня? — поинтересовался он, смешно дергая носиком. — Али это я слишком стар стал и уже знакомых не узнаю? Ты уж не серчай на меня в таком случае.

— Да нет, не волнуйтесь. — покачала головой, все еще улыбаясь. — Я — Руслана.

Зверек прищурился, а я вдруг вспомнила, что мое имя вряд ли кому-то что-то говорит в этом лесу. Да и вообще, вдруг он меня за какую-нибудь чужачку-злодейку примет. А возраст у ежика уже почтенный, волноваться нельзя. Поэтому я подумала и добавила:

— Новая Хранительница.

— Правда? — встрепёнулся зверек.

Он как будто даже вырос на пару сантиметров от удивления, а иголки на спине затопорщились сильнее.

— Правда, — кивнула.

Ага, правда-правда. Вот только кресты из пальцев за спиной на всякий случай сделала. До Яги то мы так и не дошли, а то, вдруг Максим прав окажется, и я тут, и правда, лишняя чужачка.

— А что же ты здесь делаешь, Хранительница? — нахмурил лоб Ёжик.

— Путешествую. — пожала я плечами. Зверек хоть и миленький, но выдавать цель нашего «похода» первому встречному я не собиралась.

Однако Ёжик явно собирался продолжить свои вопросы, чем изрядно меня насторожил:

— А с кем?

— А Вы с какой целью интересуетесь? — резко перевела я тему, внутренне напрягаясь, но стараясь сохранять вежливое выражение лица.

Собеседник странно скучился и, кажется, что-то зашущукал себе под нос, а я окончательно нахмурилась. Что-то перестал мне этот забавный путник казаться милым и пушистым.

— Ах ты, супостат проклятый! — раздался справа от меня злобный окрик.

Я вострепнулась и удивленно оглянулась, натываясь взглядом на рассерженного Колобка, который смотрел на ёжика совершенно не дружелюбным взглядом. Появившись на поляне хлебушек воинственно подпрыгнул и покатился в нашу сторону, а колючий зверек, неожиданно резво отбросил клюшку и свернулся клубком, выставляя вокруг себя иголки. Я вовремя успела перехватить Колобка, пока он не врезался в колючий шарик и не заработал себе парочку неприятных ощущений.

— Пусти меня, Руслана! — бесновалась раздуряившаяся от злости булочка.

Кстати, а он довольно мягкий на ощупь и горячий. Да и пахнет как самый настоящий свежее испеченный хлеб. Я покрепче перехватила сдобное тельце и взволнованно попросила:

— Сначала объясни, в чем причина!

— Да он предатель! Ванькин шпион! — неожиданным басом заорал Колобок.

Я опешила от такой новости и ослабила хватку, чем тот мгновенно воспользовался, подпрыгивая к свернувшемуся ежику и грозно нависая над ним. Однако приближаться не стал, не рискуя заработать себе парочку заноз.

— Как предатель?

С трудом верилось, что вот это колючее чудо и правда на стороне засранца Ивана. Хотя Максим предупреждал, что здесь слишком сложно понять, кто хороший, а кто плохой.

— Очень просто! — продолжал злиться Колобок. — Что ты ему сказала?

— Да ничего, — растеряно пожала плечами и, неожиданно осеклась, понимая, что сильно сглупила: — Только... что я — Хранительница новая.

— Ты — бестолочь, Руслана, а не Хранительница!

На поляну вышли Максим и Кощей. Первый пребывал в крайне раздраженном расположении духа, а вот лицо второго вообще обещало бедному зверьку, так глупо попавшемуся в лапы врагов, все земные кары.

— Ну, простите. — виновато отозвалась, что действительно натворила дел. — У него на мордочке не было написано, что он шпион!

Макс закатил глаза, а Бессмертный, не слушая нас подлетел к Ежику, мгновенно доставая свой меч и приставляя его к сжавшемуся комочку.

— Куда Иван Василису увел? — громыхнул бас Кощей над бедным зверьком. — Отвечай, немедля!

— Ничего не скажу! — пискнул зверек, даже не думая раскрываться.

Мужчина озверел и ткнул его плащом мечом, переворачивая на спину. Теперь из клубка виднелись еле дрожащие маленькие лапки, а мне стало жалко беднягу.

— Если не скажешь, станешь нашим ужином. — пустил в ход угрозы разозленный мужчина.

— Не посмеете, — храбро просипели ему в ответ.

— Колючки сбрую, станешь крысой, — сменил тактику Бессмертный. — Уж это точно трудностей не составит.

Ежик испуганно фыркнул и поджал лапки ближе.

— Считаю до трех. Раз. Два.

— Ладно! Ладно! — сдался, наконец, колючий шпион.

Он медленно раскрылся и с трудом перевернулся обратно на пузо, пронзая нашу делегацию яростным взглядом крохотных черных глазок.

— Не видать тебе твоей Василисы больше! — выкрикнул он.

Ой, зря это он. У Бессмертного и так нервы ни к черту. Кощей сначала опешил, а потом громко зарычал и в мгновение ока замахнулся своим оружием, но Максим, вовремя оказавшийся рядом, ловко перехватил его руку, не давая свершиться кровопролитию.

— Куда он ее дел? — задвинув тяжело дышащего от ярости друга за спину спокойно спросил сосед.

Его голос звучал ровно и холодно, а в глазах плескалась внушительная угроза колючей шкурке. Видимо, именно она и проняла зверька до глубины души, заставляя выдавить из себя ответ:

— Она ему женой скоро станет. И вместе они войско соберут, дабы вырваться из этого Мира!

Такого поворота событий не ожидал никто. Даже воинственно подпрыгивающий Колобок замер на месте, удивленно хлопая глазами.

— Василиса никогда не станет женой Ивана! — сквозь зубы процедил Кощей.

— А вот и станет! Колдунья ему зелье приворотное сварит и влюбится Василиса в Ивана нашего!

Ох, ничего себе заявочки! Какой подлец же этот Царевич, раз на такие меры пойти собирается, дабы Васю за себя замуж забрать. Это же надо было додуматься!

Бессмертный тоже такого не ожидал и был шокирован. Мужчина застыл, пытаясь переварить новость, а потом зарычал, заставляя меня подпрыгнуть от испуга. Схватился за меч и, словно спятивший, принялся рубить все, что попадалось ему под руку. На землю падали ветки и листья с ближайших кустов, пока те не остались совершенно лысые, а Кощей продолжал бесноваться, углубляясь все дальше в лес. Ежик под шумок сбежал, а Максим потянул меня на себя, дабы не дать попасть под тяжелую руку.

— Пусть пар выпустит, — шепнул мне на ухо сосед, осторожно беря за локоть и утягивая с поляны.

Грустный Колобок покатился следом, оставляя Бессмертного наедине со своим горем.

Ужин готовили в полном молчании. Хранитель ловко развел костер и соорудил из подручных средств мангал. Охота у Кощей, видимо, прошла удачно, потому что, когда мы вернулись на поляну, на ней уже лежала тушка свежеебитого зайца. Мне его было невыносимо жалко, и рука так и не поднялась хоть что-то сделать с еще недавно живой зверушкой. В итоге, приготовление ужина тоже легло на широкие плечи Максима, с чем тот спорить не стал.

Бессмертный вернулся к тому моменту, как поджаренная и разделанная на кусочки тушка уже хорошенько подпеклась и разносила вокруг себя умопомрачительный запах. Выглядел мужчина, надо сказать, отвратительно. Весь встрепанный, всклокоченный, одежда кое-где порвана, а меч вообще по земле за собой волоком тащил.

— Я не допущу этого. — ровно произнес Кощей, ни к кому конкретно не обращаясь. — Я не допущу, чтобы Василиса вышла за этого злодея.

— Конечно, не допустишь. — согласно кивнул Максим.

Парень потянулся и снял первую ветку с нанизанным на нее куском сочного мяса, протягивая ее только что пришедшему другу.

— И Ивана мы поймаем и сдадим Стражам.

Я хотела было поинтересоваться, кто такие эти Стражи, но решила пока не влезать. Обстановка и так была угнетающей, и мои неуместные вопросы вряд ли бы разрядили ее, скорее наоборот.

На лес опустились сумерки и лишь костер ярко горел, освещая поляну и отбрасывая на

наши лица загадочные танцующие тени. Ветки тлели и потрескивали, добавляя в песню мрачного темного леса успокаивающих ноток. Колобок беспокойно посапывал, примостившись в груди наших сумок. Кощей вытянулся на импровизированной постели из еловых лап и отвернулся к лесу. Спал он или нет, понятия не имею, он так и не сказал больше не слова за весь оставшийся вечер. Мы с Максимом вдвоем сидели около костра, друг напротив друга, заморожено наблюдая за огнем. Парень дежурил первый, а мне просто не спалось. Доносившиеся из леса воющие звуки пугали и заставляли мурашки табуном проноситься по озябшему телу. Уж не знаю кто там был, волки или кто пострашнее, но чувство, в любом случае, было не из приятных.

— Замерзла?

Я подняла удивленный взгляд на спокойно наблюдающего за мной Максима и неуверенно кивнула. Парень еле заметно улыбнулся и начал стягивать с себя куртку. Я ошарашенно наблюдала, как он встает со своего места и идет ко мне, накидывая собственную кожанку на мои дрожащие плечи. Присев рядом на поваленное бревно, сосед, словно ничего не произошло, снова устался на пылающий костер.

— Нужно было одеваться теплее. — пожурил мягким голосом, от которого у меня резко участился ритм сердца, а теплая волна прошла от макушки до пяток, согревая куда сильнее, чем накинутая на плечи куртка.

Я вдруг поняла, что вообще ничего не знаю об этом человеке. Сколько ему лет, откуда родом, кто родители, как Хранителем стал...

— Спрашивай. — неожиданно хмыкнул парень, так и не отрывая взгляда от костра.

Я растерянно закусила губу и осторожно поворошила толстой палочкой в углях, наблюдая как начинает тлеть ее кончик.

— Что спрашивать?

— Не знаю, о чем ты там пыхтишь и никак не можешь решиться спросить. — шепотом фыркнул Максим.

Хотела было возмутиться, но вместо этого улыбнулась. Света всегда говорила, что у меня все на лице написано. Видимо, сейчас его выражение тоже было крайне красноречивым, раз парень моментально все понял.

— Сколько тебе лет? — поинтересовалась, выбрав из кучи крутящихся в голове вопросов самый нейтральный.

Сосед удивленно покосился на меня, видимо, ожидая чего-то другого, но, пожав плечам, ответил:

— Двадцать шесть.

Примерно, как я и думала.

— А где ты родился?

— В Москве. — несколько секунд помолчав, произнес Хранитель. — Мама была учителем, а отца я не знаю.

— Была?

— Умерла, когда мне семнадцать было.

Я осеклась, понимая, что случайно задела собеседника за живую рану и не зная, что еще сказать. Снова повисло молчание. Я растеряно ворошила угли, не зная, как продолжить разговор и нужно ли вообще что-то говорить. Просить прощения за неосторожные слова было бы глупо, а расспрашивать дальше не хотелось. Максим заметил мое смятение и первым нарушил тишину:

— Это все что ты хотела узнать? — смешливо приподнял он бровь, словно показывая, что все в порядке.

Я благодарно улыбнулась и пожала плечами.

— Я бы попросила рассказать побольше о твое... нашей работе, но, думаю, на это не хватит целого месяца.

— Это не работа, Руслана. — мотнул головой сосед, чуть наклоняя голову и рассматривая меня серьезным взглядом. — Это жизнь.

В пронзительных глазах танцевали яркие всполохи отражающегося костра, придавая парню таинственности и еще большей красоты. Я заворожено уставилась в обычно голубые омуты, цвет которых сейчас разобрать было невозможно и почувствовала сумасшедшее желание прикоснуться к небрежно уложенным волосам соседа. Интересно, они на ощупь такие же шелковистые и мягкие, как кажутся на вид? Глаза парня чуть прищурились, словно он что-то такое увидел в моем лице или распознал желание, и я быстро отвела взгляд. Снова уткнувшись в костер, на секунду прикрыла веки, пытаюсь унять колотящееся сердце.

— Почему? — спросила тихо, лишь бы нарушить снова повисшую тишину.

— Потому что, став Хранителем, ты останешься им навсегда. — сразу же отозвался Максим, словно ожидая этого вопроса с самого начала.

— А ты давно стал им?

— В семнадцать лет.

Я удивленно охнула, оборачиваясь на спокойного соседа.

— Ты серьезно?

— Абсолютно.

— А как... ну...

— Марья Егорьевна была хорошей подругой моей мамы. — хмыкнув, начал свой рассказ парень, а я плотнее закуталась в его куртку, приготавливаясь внимательно слушать. — Мне было что-то около пяти, когда мы переехали сюда из Москвы. Мы были соседями, и Марья Егорьевна часто стала ходить к нам в дом. Когда мама устроилась на работу, сидеть со мной было некому, и я все чаще оставался у нее.

— Но я думала, что ты стал Хранителем тоже получив дом по наследству. — задумчиво протянула, тряхнув волосами.

Где-то в лесу, пугая меня, грозно ухнул филин. Я сглотнула и непроизвольно подвинулась чуть ближе к сидящему рядом Максиму.

— Нет, в то время Хранителями были сама Марья Егорьевна и ее муж, — тем временем пояснил парень, подкидывая в костер веток.

Начавший потухать огонь снова разгорелся, приковывая к себе наши задумчивые взгляды.

— В один из дней, когда я снова остался у соседей, они и рассказали мне обо всем. Я был совсем маленький и поверил каждому слову. Тем более они предоставили мне столько доказательств. Я еще не пошел в школу, а уже прекрасно ориентировался в Сказочном Лесу, потому что проводил здесь огромное количество времени.

— А твоя мама?

— Она ничего не знала. — хмыкнул сосед. — Она просто думала, что я подружился с соседями и была рада за меня. Иван Сергеевич, муж бабы Марьи, уже тогда подготавливал меня к тому, чтобы стать Хранителем. Они вместе обучали меня и всю оставшуюся жизнь помогали. Я до сих пор очень часто узнаю много нового несмотря на то, что уже двадцать лет в курсе дел этого Леса. Представляешь, как меня злило твое «великое» решение стать Хранительницей, хотя ты приехала пару дней назад?

Я кивнула. Теперь была понятна его неприязнь, но легче от этого не становилось. Если

все и правда так, как говорит Максим то остро стоит вопрос — а смогу ли я вообще когда-нибудь отсюда уехать? Вряд ли обязанности Хранителя допускают отпуска и выходные.

— А дом и дорогую машину ты себе на зарплату Хранителя купил? — задала еще один интересующий меня вопрос.

Парень тихо засмеялся, запуская руку в свои волосы и взъерошивая их.

— У нас нет зарплаты. — просветил он меня.

— Как это?

Ну ничего себе! Это что получается, пожизненная неблагодарная работа без пенсии, премий, отпусков и даже зарплаты?

— Очень просто. У нас нет ни работодателей, ни зарплаты, ни всего прочего.

— Тогда откуда...

— В лесу неисчерпаемое количество золота. — огорошил меня парень. — Гномы добывают его для Хранителей, поэтому мы не в чем не нуждаемся.

— С ума сойти! — выдохнула я. — Фантастика!

Максим пожал плечами и бросил на меня еще один смеющийся взгляд:

— Хватит уже с расспросами, Руслана, иди спать. Вставать придется на рассвете.

Ага, и как он себе это представляет? В моей голове сейчас столько мыслей, что я сильно сомневаюсь, что смогу сомкнуть глаз хоть на минуточку.

— Еще один. — подняла я палец и жалобно посмотрела в пронзительные глаза.

Максим фыркнул и кивнул.

— Что за Стражи, которым вы собираетесь сдать Ивана?

— Сказочный Лес — целое Государство. — снова подбросив веток в костер, произнес парень. — А Государство не может жить без законов. Здесь есть те, кто следит за их исполнением и ловит провинившихся — это мы, Хранители. А есть Стражи — которые выносят приговор виновнику, которого мы доставим. Как полиция и суд в нашем мире.

— А что будет, если вдруг кто-то из важных сказочных героев погибнет?

Этот вопрос пришел в голову совершенно неожиданно даже для меня. Я закусила губу и, отмахнувшись от кружащей у лица мушкой, снова уставилась в костер, почему-то не имея ни малейшего желания поворачиваться к сидящему рядом соседу.

— Тут же, где-нибудь на другом конце Леса родится другой, исполняющий такую же роль.

— Что-то типа реинкарнации?

— Нет. — мотнул головой Максим. — Это будет абсолютно другой человек, зверь или кто-то еще. Просто у них будет одинаковое имя и сказочная роль. Лес не позволяет нарушиться равновесию внутри себя.

Так вот оно что... Надо же, все так серьезно. И почему сначала я думала, что сказочные герои бессмертны?

— Иди спать, Руслана. — снова настойчиво повторил сосед, кладя широкую ладонь на укрытое его курткой плечо.

— А ты?

— Кощей сменит меня через пару часов.

Понятливо кивнула и встала. Не крепко державшаяся кожанка свалилась с плеч, но я ловко поймала ее, смущенно протягивая Максиму. Тот только хмыкнул и мотнул головой.

— Оставь себе. Завтра отдашь.

Я немного ступсевалась, но благодарно улыбнулась и, пожелав парню сладких снов, отправилась в сторону уже сопящих друзей.

Вторая постель, сооруженная из сваленных еловых лап, находилась в паре шагов от Кошеевой. Я поудобнее взбила ветки и, подложив под голову рюкзак, улеглась. Несмотря на постеленное поверх веток одеяло, иголки слегка покалывали кожу, однако это все равно было гораздо приятнее и мягче, чем спать на земле.

Я немного повозилась, устраиваясь поудобнее и накрывая себя курткой соседа. Максим был прав, одета я была совершенно не подходяще для довольно прохладных августовских ночей. Но кто виноват, что мы так быстро сорвались с места, даже не возвратившись домой за вещами, после встречи с Кошеем? Вот я и осталась в том, в чем рванула за соседом из его дома: в темных джинсах, зеленой майке с изображением Майка Вазовского из Корпорации Монстров и старых тряпочных кроссовках. Как-то не ожидала, что соберусь без подготовки отправиться в поход по дремучему Лесу.

Сон никак не приходил. Где-то внутри появилось смертельное желание помыться после долгого пути. Я думала об этом и раньше, однако, к моему огромному разочарованию, ни речки, ни даже захудалой лужицы рядом с нашей стоянкой обнаружено не было, именно поэтому мы и улеглись спать грязные.

Переведя взгляд на костер, я замерла, разглядывая темный силуэт Максима, что по-прежнему сидел около костра и не давал ему потухнуть. Парень о чем-то задумался и ворошил горящие ветки, легонько постукивая ногой в такт слышимой только ему мелодии.

Интересно, о чем он думает? О пропавшей Василисе и Иване? А может о прошлом, что я случайно разворошила своими вопросами? А может вообще обо мне? Последнюю мысль я мгновенно отогнала по причине слишком маленькой вероятности и снова сосредоточилась на широкой спине соседа. Он ведь, наверное, все еще злится на меня, за то, что появилась и разрушила его надежды. Да что там «наверно», он же сам только что мне в этом признался. Его с семи лет обучали искусству Хранителя, показывая и рассказывая, как заботиться о каждом местном кустике и жителе. Он тут пол леса знает и уже столько лет живет этим, а тут вдруг лезущая не в свое дело я.

— Руслана, спи. — разнесся по поляне тихий голос Максима.

Я вздрогнула от неожиданности, но парень так и не обернулся. Господи, глюки, что ли?

— Ты во мне сейчас дырку прожжешь. — добавил сосед.

Я облегченно выдохнула, счастливая, что все еще пока вменяема и послушно закрыла глаза.

— Спокойной ночи. — вяло пожелала парню, чувствуя, как начинаю проваливаться в сон.

— Спокойной...

4.2

Просыпаться было тяжело. В самом что ни на есть прямом смысле. На грудь что-то давило, и воздух категорически отказывался проникать в сжавшиеся легкие. Я глухо крикнула, пытаюсь перевернуться и стряхнуть с себя неизвестную тяжесть, но не смогла даже пошевелиться.

Да что, черт возьми, такое? Я распахнула сонные глаза, проморгалась, привыкая к скудному освещению только встающего солнца, и замерла, встречаясь взглядом с огромными зелеными глазами с вертикальными зрачками. Они находились всего в паре миллиметров и внимательно меня рассматривали.

Мамочки...

— А-а-а-а, — заорала не в силах двинуться и сбросить с себя большого черного котяру.

— А-а-а-а, — заорал в ответ тот, открывая огромную пасть и щекоча мое лицо длинными жесткими усами.

— А-а-а-а, — сонно заорал откуда-то сбоку Колобок, видимо, за компанию.

— Господи, Руслана, что опять случилось?

Я проигнорировала вопрос Максима, который только что вышел из леса с кучей хвороста в руках и, прекратив, наконец, кричать, ткнула дрожащим пальцем в мягкий пушистый бок.

— Ты кто? — спросила, не узнавая собственного сиплого голоса.

Животное дернуло усами и вполне приветливо улыбнулось.

— Кот, — информативно ответило оно и, подумав, добавило: — Черный.

Я хлопнула глазами, ошеломленная логичностью ответа и, собственно, самим фактом, что зверюшка вообще мне ответила.

— А что ты делаешь на мне?

— Лежу. Тут мягко.

Кот довольно мурлыкнул и, потянувшись, выпустил когти, случайно царапая мои верхние девяносто. Я взвыла и отчаянно попросила приблизившегося к нам Хранителя стянуть с меня эту тушу. Сама бы ни за что не справилась, Кот на самом деле был огромным.

Максим мою просьбу выполнил и под недовольное шипение утреннего гостя освободил меня из-под его плена. Я, наконец, сделала пару глубоких глотков живительного воздуха и медленно поднялась, во все глаза разглядывая начавшего вылизываться Котяру.

— А откуда он тут? — спросила соседа, потому что сосредоточенная на своем очень важном занятии животинка даже не смотрела на меня.

— С Ягой пришел, — пожал плечами Максим.

Парень поднял уроненные на землю ветки и перебросил их ближе к костру. Коща на поляне не было, а Колобок снова спал, мило подергивая носиком.

Пора бы тебе, Лесницкая, привыкать ко всему и не реагировать так остро. Ну подумаешь кот, подумаешь размером с теленка, подумаешь говорящий. Вчерашний ежик тоже разговаривал, а про Колобка даже упоминать не стоит.

— А что, Яга тоже где-то тут? — немного успокоив быстро бьющееся сердце, заинтересованно приподняла брови. Подумала и решила подойти ближе к костру.

Солнце еще не показалось из-за горизонта, но в лесу уже было более-менее светло. Утренняя свежесть пробирала до косточек, а тело побаливало после неудобной постели и вчерашних нагузов. Я с кряхтением села рядом с огнем, вытягивая к нему озябшие

руки. Интересно, сколько сейчас времени? Часов пять? Поспать бы еще. Вот только утренняя неожиданная встреча выбила из колеи и лишила всякой надежды на возвращение сна.

— Они с Кощеем немного заняты, скоро придут... — туманно ответил мне Максим.

Парень достал небольшой котелок из походной сумки друга и вылил туда воду из пластиковой бутылки, подвешивая над костром, чтобы прокипятить. Рядом на разложенном мешочке лежали какие-то незнакомые мне травы, которые сосед аккуратно промыл оставшейся водой и тоже бросил в котелок. Я заинтересованно следила за его действиями, понимая, что сосед заваривает совсем не чай.

— Опять секреты? — хмыкнула, укутывая озябшие плечи в куртку парня.

— Сейчас придут, все расскажут. — отозвался Хранитель, помешивая воду, от которой уже стал исходить приятный травяной запах.

Я фыркнула и тут же почувствовала, как в ногу ткнулось что-то мягкое. Кот с громким урчанием терся о мою коленку, блаженно закрывая глаза, и заставляя умилиться. Почесав огромного пушистика между ушей и поняв, что ему очень даже нравится, я осмелела, полностью зарылась ладонью в шелковистую довольно длинную шерстку и с удовольствием принялась ее гладить. Максим, наблюдающий за нами, улыбнулся и покачал головой.

— А ты ему понравилась.

Котик тем временем совсем обнаглел и положил обе своих огромных лапы на колени, задирая голову и показывая почесать ему шейку.

— Боже, какой милый, — мгновенно поддалась я, почесывая его под подбородком.

— Ур-р-р-р, — отозвался Кот.

— Слушай, а ты тот самый? — спросила, не прекращая своего занятия. — Ну с Лукоморья? Ученый?

Максим хмыкнул, но мое вопросительное выражение лица проигнорировал. Зато Кот согласно угукнул, продолжая ластиться и мурлыкать.

— Ого! — восхищенно выдохнула: — А имя у тебя на самом деле есть или просто Кот Ученый?

— Ва-а-а-аськой кличу-у-у-ут, — проурчало блаженно жмурящееся животное.

Ничего себе! Тот самый умный котяра, бродящий по цепи знаменитого дуба и сказывающий сказки, оказывается, носит простецкое имя самого обычного домашнего кота? Я-то думала сейчас какой-нибудь Иннокентий окажется или что-то в этом роде.

— Слушай, — повернулась к Максиму. — А Баба Яга что, теперь с нами пойдет?

— Ну не такая уж я и баба, — раздался за спиной веселый голос.

Я удивленно оглянулась и опешила. Из леса вместе с Кощеем выходила невысокая девушка лет двадцати пяти. Одета она была в простые хлопковые штаны, стилизованную под старину разлетайку с резным вышитым узором на воротнике и легкие тканевые сапожки светло-бежевого цвета. На голове незнакомки красовался небрежный пучок из рыжих волос, а на носу примостились модные очки в тонкой оправе. Девушка смешно морщила обсыпанный веснушками нос и широко улыбалась, чего нельзя было сказать о все таком же хмуром, как и вчера, Кощее.

— Привет. — рыжая помахала рукой и представилась, повергая меня в шок: — Я — Яга. Очень приятно!

— Ты? — опешила, от неожиданности вставая и случайно сбрасывая с себя лапы недовольно буркнувшего кота.

— А что? — весело приподняла она брови. — Ты меня не так представляла?

Я замотала головой. Конечно же не так! Да во всех сказках, что я помню, Яга была старой, скрюченной, с непременно седыми волосами (а то и вообще без них) и обязательным атрибутом в виде большущей бородавки на горбатом носу. А тут передо мной стоит молодая, веселая девушка, да еще и выглядит очень даже современно.

— Сказочники любят приукрашать события, — захихикала Яга, подходя ко мне ближе и протягивая ладонь. — А ты Руслана, верно? Вроде как, Хранительница?

— Вроде как, — кивнула, все еще удивленно разглядывая собеседницу и пожимая протянутую ладонь с длинными музыкальными пальцами. — Мне сказали, что это ты проверить можешь.

— Не я, а мой Ворон, — пожала плечами девушка.

Она погрозила пальцем дернувшемуся было к нам коту, и тот насупился, обиженно отступая.

— Он чувствует Хранителей, — пояснила Яга свои слова, видя, что я не понимаю. — Но только он в Избушке остался, приболел немного, а я сюда по срочному делу примчалась. Так что пока с проверкой повременить придется.

Я окончательно запуталась и просто кивнула. Девушка же тряхнула своими ярко-рыжими волосами и достала из перекинутой через плечо сумки небольшую хрустальную тарелку и круглое зеленое яблоко. Положив ее на землю, она поманила нас рукой и щелкнула пальцами.

Я удивленно наблюдала за ее действиями, восторженно начиная догадываться, что произойдет дальше. И не ошиблась. Словно в подтверждение моих мыслей, яблочко медленно начало кататься по посудине, описывая один за другим ровные круги и разгоняясь все быстрее. Я заворожено наблюдала за этой картиной, а фрукт, тем временем, набрал такую скорость, что разглядеть его очертания уже не представлялось возможным. Зато на белом дне стала медленно появляться нечеткая, но разборчивая картинка, словно заработал старый телевизор.

— С ума сойти... — шокировано выдохнула, не в силах больше никак прокомментировать ситуацию.

На меня все одновременно шикнули и уткнулись глазами в тарелку, пытаясь получше разглядеть что там происходит. Я, недолго думая, последовала их примеру. Сначала на поверхности появилось сердитое лицо Василисы. Оно периодически расплывалось и шло рябью, будто девушка отражалась в воде, куда кто-то бросал камни. Затем картинка отделилась, и мы уже видели все помещение, где находилась жена Кощея. Обычная такая комната. Небольшая. С кроватью, шкафом и маленьким зеркалом. Окон не было, зато была дубовая дверь, в которую и долбилась сильно рассерженная Вася.

— Не подсыпал он еще ей зелья, — удовлетворенно оповестила всех Яга.

Да уж заметно. По мимике Василисы было отчетливо понятно, что она скорее покрывает похитителя благим трехэтажным матом, чем признается в вечной любви. Кощей облегченно выдохнул и разогнулся, кажется, впервые с момента похищения возлюбленной позволяя себе небольшую облегченную улыбку, которая, впрочем, быстро исчезла.

— Нужно ускориться. Собираемся и идем прямо сейчас. — решительно произнес он, сжимая в ладони рукоятку висевшего на поясе меча.

Яга поправила очки и мотнула головой:

— Позавтракать надо. Иначе к вечеру будете ползти, да и то не точно.

— Она права, — произнес Максим. — Чай уже готов. Я положил все, что ты сказала.

Яга кивнула и, подойдя ко все еще дремавшему в груди сумок Колобку, ласково потрепала его по круглому румяному бочку, вырывая из сна. Хлебушек довольно сощурился и приоткрыл один глаз, тут же с радостным визгом бросаясь на шею разбудившей его девушке.

Ничего себе, а у них тут крепкая дружба, оказывается.

— Ягушка! — радостно верещал Колобок, пока та смеялась и прижимала к себе его сдобное тельце. — Как я рад тебя видеть!

Я удивленно наблюдала за этой картиной, а сзади в это время незаметно подкрался Максим и произнес, заставляя вздрогнуть от неожиданности:

— Это она его слепила.

— Что? — опешила, отстраняясь. — Яга слепила Колобка? С какой стати? Они же вообще никогда в сказках не пересекаются!

Хранитель пожал плечами и хмыкнул:

— Не все, что пишется в сказках происходит на самом деле в Лесу. Очень часто сказочники берут уже готовых персонажей, подстраивая их под свою историю, а первоисточник их происхождения теряется.

— С ума сойти! — выдохнула, потирая лоб.

— Ладно, хватит телячьих нежностей, — оборвал нас всех Кощей. — Давайте есть и в путь отправляться. Куда мы сейчас, Яга?

Девушка вместе с ластящимся на ее руках Колобком подошла к костру и уселась на поваленное дерево. Кот ревниво фыркнул, наблюдая за хозяйкой и улегся около моих ног, кладя голову на колени. А я что? Я не против. Всегда питала к пушистым представителям животного мира особую слабость.

— Я вас до русалочьего озера провожу. — отозвалась тем временем рыжая, с благодарностью принимая чай из рук Бессмертного. — Вы с ними сами не договоритесь, а мне они помогут.

— Русалки? А чем они помогут? — не поняла я, тоже кивая Кощей и грея руки о только что поданную им теплую чашку.

— Сейчас Василиса еще не под действием чар, но, когда мы дойдем, все может измениться. — пояснил Максим. — У Русалок есть зелье против приворота.

— А почему они нам его не дадут?

— Ну, потому что Максиму с Кошеем к озеру тому категорически идти нельзя, а тебя они не знают, — насмешливо хмыкнула Яга под хмурыми взглядами мужской половины нашего отряда.

Реакция мужчин знатно позабавила и, я, растянувшись в понимающей улыбке, поинтересовалась, уже догадываясь об ответе:

— Получается, все легенды о том, что русалки очаровывают мужчин и на дно их утягивают — правда?

— Ага. — засмеялась в ответ девушка, а мне вдруг захотелось тоже увидеть этих загадочных мифических существ, тем более, если их там целое озеро. Захочешь — не приснится, а тут наяву такое чудо!

— А можно я с тобой пойду к ним? — с надеждой спросила, жалобно смотря на Ягу.

Та покосилась на скептически взирающих на нас путников и кивнула, поправляя очки на носу. Я радостно хлопнула в ладоши и, допив весь чай, который, оказывается, был с какими-то волшебными заговоренными травами, бросилась собирать вещи, дабы поскорее продолжить путь.

5.1

К обеду наша небольшая процессия подошла к небольшой деревушке с говорящим названием «Русалочки слезы». Как оказалось, именно здесь мужчинам предстояло ждать, пока мы с Ягой пойдем к самому озеру. Я уже извелась от ожидания и нетерпения, даже не замечая привычной усталости, а вот Максим недовольно на меня косился, несколько раз прорываясь заставить остаться с ними. Благо, Яга была на моей стороне, убеждая парня, что со мной ничего не случится.

— С ней то ничего не случится, — хмыкал в ответ тот, — а вот за окружающих я серьезно беспокоюсь.

Я уже даже не обижалась на вредного Хранителя, игнорируя его ядовитые подколы и сосредотачиваясь на вопросах о Лесе, которыми засыпала рыжую девушку, оказавшуюся приятной собеседницей. В отличие от Максима, она с охотой отвечала на все мои «что и почему», и совершенно не раздражалась, когда я не понимала с первого раза. Совсем наоборот, рыжая терпеливо объясняла мне устройства их мира, рассказывала про сказочных героев и их жизнь. Именно от нее я узнала, что Сказочный Лес оставался невидимым для нашего мира, потому что его накрывал магический купол, который как бы переносил Лес в другое измерение. Держался этот купол на волшебстве Книги Сказок, что служила ему сердцем и душой. Никто никогда ее не видел, но каждый знал, что эта Книга стала первым сборником сказок во Вселенной, и, как только он появился, появился и Лес. По местным легендам, сей ценный фолиант охраняла Жар-Птица, и она мгновенно сжигала до тла любого, кто пытался посягнуть на священное чтиво. Ну, вернее, почти любого. По все тем же легендам, в Книге было двенадцать глав, то есть столько же, сколько Хранителей, и лишь им было дозволено узнать, что же там написано. Хотя за все это время никто не попытался даже найти Книгу, не то что прочитать.

В деревушку мы вошли уже вечером, и мои спутники сразу двинулись к таверне на окраине. Видимо, они бывали здесь уже не раз, потому что хозяин приветствовал нас с теплой улыбкой. Мы уселись в самый угол, заказали простенький обед и негромко обсуждали дальнейшие действия. Согласно плану, я и Яга должны были уложиться примерно в час-полтора, пока мужская часть нашей компании немного отдохнет. Я-то хотя бы немного поспала вчерашней ночью, а вот Максим с Кощеем, как оказалось, так и не сомкнули глаз. После того, как заберем у русалок противоядие, Яга с Котом отправятся домой, а мы дальше к убежищу Ивана, до которого оставалось еще несколько дней пути. Вернее, не к нему, а к отряду сопротивления под командованием Ильи Муромца, что находился неподалеку от убежища Царевича. Кощей было рвался идти и днем, и ночью, но Максим быстро осадил его пыл, предупреждая, что в таком случае во время битвы, если та случится, мы просто уснем на поле боя.

Пока Бессмертный с Хранителем обсуждали стратегию, к нашему столику, плавно покачивая округлыми бедрами, подошла молоденькая официантка, одетая (или лучше сказать раздетая) в невероятно короткую юбку грязно коричневого цвета и светлую блузку, из разреза которой вот-вот грозили вывалиться все женские прелести. Она грохнула на стол поднос с нашими заказами, тут же кокетливо извиняясь, перекидывая на спину толстенную косу и открывая сидящему рядом Максиму обзор на все ее достоинства.

Парень удивленно поднял голову и тут же наткнулся на упирающийся ему в лицо бюст, но, нужно отдать ему должное, почти сразу перевел вопросительно-насмешливый взгляд в глаза бесстыдницы.

— Чего-нибудь еще желаете? — тем временем жеманно протянула та, активно стреляя жирно подведенными глазками и очаровательно улыбаясь.

У меня внутри что-то дернулось и откуда-то появилось дикое желание хорошенько испортить официантке прическу. А что, на мой скромный взгляд, лысина ей бы вполне себе пошла. Получив отрицательный ответ, девушка, вопреки моим надеждам, с поля зрения не скрылась, продолжая активные атаки в сторону Хранителя.

Плавно качнув бедрами, которые почти не скрывала тонкая полоска, образно именуемая юбкой, девица «случайно» столкнула со стола вилку и, ойкнув, медленно нагнулась,

разворачиваясь к Максиму филевой частью. Парень на пару с Кощеем уже откровенно паялился на бесплатный стриптиз, а я, совершенно неожиданно даже для самой себя, разозлилась.

— Мадам, — грозно произнесла, когда официантка, наконец, соизволила разогнуться. — Шли бы Вы... На кухню...

Та обернулась на меня, видимо, только сейчас замечая, что за столиком, вообще-то не только мужчины, но и крайне злые девушки (ладно, девушка. Яга к происходящему относилась вполне себе спокойно). Однако нахалку это ничуть не смутило. Она одарила меня взглядом а-ля «греби, девочка, ушами в камыши, не видишь я занята» и снова повернулась к начавшим потешаться парням. Меня же ситуация ничуть не смешила. Увидев, как девица намеренно покачивается на высоченных каблуках, планируя «случайно» свалить свои телеса на Максима, я растянулась в недружелюбной улыбке, не обещающей ничего хорошего представительнице древней профессии.

— Девушка, — снова привлекала к себе внимание тихим, но вкрадчивым голосом. — Еще раз повторяю. Мы все заказали. Свал... Идите по своим делам.

— А я не с тобой разговариваю, лахудра, — грубо отозвалась девица.

Ну что ж, этого я, и мои расшатанные нервы, точно стерпеть были не в состоянии. Хотела по вежливому, но кто ж знал, что у некоторых отдельных личностей мозг перестал развиваться еще на зачаточной стадии.

— Слушайте, Вы... — грозно начала, медленно поднимаясь с лавки. — Не сильно ли вы наглеее? — немного подумала и, отчаянно краснея, выдала услышанную когда-то давно ругательную фразу, — я же вам скальп на пятки натяну, колобочком кататься будете!

Упомянутый хлебушек подавился, но мудро промолчал, не желая лезть под горячую руку. Правильно. Я у него потом прощение попрошу, а пока пусть лучше не трогает.

— Вы хорошо меня поняли? — продолжала тем временем, с долей победного удовлетворения наблюдая как вытягивается лицо у официантки. — Теперь идите и не попадайся под горячую руку, чтобы не пришлось сбегать от горячей ноги!

Сбоку раздался шокированный присвист, а затем громкий смех. Кощей с Максимом и Ягой покатывались, а девица молча открывала и закрывала рот, переливаясь гневной краской.

Вообще, я совершенно не конфликтный человек. Абсолютно. Но, если случается что-то невероятное, выводящее меня из равновесия, в дело тут же вступает большой неприличный словарный запас, сформированный в детстве под влиянием кучи двоюродных братьев. Но, как правило, потом я чувствую себя ужасно неловко.

— Да как ты смеешь?! — наконец, отмерла официантка. — Да я тебе...

— Что? — оборвала ее, не давая озвучить угрозу.

— Я тебя запомнила, — прошипела та, оборачиваясь на косившегося на нас хозяина и решая, видимо, не спорить с клиенткой на глазах у босса. Прожгла меня уничтожающим взглядом и все-таки удалилась от нашего стола с гордо поднятой головой.

— О Господи, Руслана, — хохотала Яга, утирая слезы. — Я подумать не могла, что ты так умеешь!

Я стусевалась, наблюдая как насмешливо наблюдает за мной Максим, странно прищуриваясь. Щеки мгновенно залила краска стыда, а где-то в душе даже поселился червячок совести, осуждающий за грубые слова в сторону официантки.

А правда, чего это я так взорвалась? Ну подумаешь у девушки гормоны заиграли. Да ты, Лесницкая, свое впечатление от Хранителя вспомни! Смушенно пробормотав «простите» я уткнулась в тарелку и принялась наворачивать подстывшую куриную котлету, чувствуя, как невыносимо горят кончики ушей.

— Ой, ребят, вам бы переодеться, конечно. — неожиданно вспомнила рыжая, прекращая

смеяться. — Пока все еще окраинный лес и люди тут привычные, но скоро вы начнете привлекать к себе ненужное внимание.

— Я, кстати, тоже об этом подумал. — согласно кивнул Максим, все еще не сводя с меня смешливого взгляда. — Я поищу здесь рынок или базар и что-нибудь прикуплю. Руслана, у тебя какой размер?

— Сорок четвертый, — буркнула, не поднимая головы.

— А ноги?

— Кроссовки снять не заставите! — тут же встрепенулась. Менять удобную и привычную обувь на что-то другое я не согласилась бы не под каким предлогом.

Хранитель пожал плечами и кивнул, прекращая, наконец, наблюдать за мной и возвращаясь к более интересному делу в виде своей порции обеда.

Мы с Ягой уже полчаса передвигались по заросшему лесу, не видя извилистой тропинки под ногами. Гигантские кроны неизвестных мне деревьев задумчиво шумели над головами и величественно покачивались на ветру, а все пространство вокруг заполнил папоротник, чьи ветки доставали мне почти до шеи. Пробираясь через эти заросли было трудно, и мы, держась друг за друга, старались не споткнуться о торчащие из земли корявые корни. Лес густел, пропуская все меньше солнечного света в свои недра. Место и без того было жутковатым, а пару минут назад я еще и начала чувствовать на себе чей-то неприятный взгляд, заставляющий колющие мурашки бежать вдоль позвоночника.

— Не бойся, — шепнула мне на ухо рыжая, поправляя очки. — Это — мавки. Они чувствуют страх и питаются им. Поэтому постарайся успокоиться.

Я сглотнула, крепче вцепляясь в пальцы Яги и уговаривая себя не смотреть по сторонам. Однако проигнорировать волшебных обитательниц Леса все-таки не удалось. Сначала я увидела только одну. Невероятно красивая и очень высокая девушка босиком стояла на большом каменном валуне чуть правее нашего пути. Ее голова, украшенная огромным венком из все того же папоротника и ярко-желтых незнакомых мне цветов, была наклонена под неестественным углом, а до ужаса пронзительные серебряные глаза словно смотрели в самую глубину души. Кудрявые иссиня-черные волосы шелковой волной спускались по спине и плечам, переливаясь от каждого мимолетного движения. Одета мавка была в ослепительно белое кружевное платье с длинными рукавами, достающее ей примерно до середины щиколотки.

Я честно уговаривала себя не смотреть опасной красавице в глаза, но взгляд словно приковывали жуткие, чуть светящиеся серебряные радужки без зрачка. Я судорожно сглотнула и мгновенно утонула в них. Тут же внутри где-то внутри колючим клубочком свернулся животный ужас, а к горлу подступила горькая тошнота. Девушка, окончательно захватив меня в плен своего взгляда, прищурилась, плавно распрямила длинную шею и растянула бледные губы в кривой усмешке. Она что-то беззвучно зашептала, а я почувствовала все нарастающий упадок сил, словно мавка по глоточкам выпивала из меня энергию. Ее бледно-молочная кожа засеребрилась еще сильнее, разгоняя вокруг себя мрачную темноту уже совсем сгустившегося леса.

— С ума сошла? Не смотри! — дернула меня за ладонь Яга, когда я, больше не в силах сопротивляться, словно вкопанная застыла на месте. — Она же из тебя сейчас все соки выпьет! Нельзя им в глаза смотреть!

Послушно кивнула и, мелко задрожав, поспешно отвернулась от сказочной девушки, тут же замечая еще одну в дали, но старательно игнорируя и ее. Мавки начинали появляться все чаще, одна за другой. Они неотрывно следили за нами и не отводили пристального взгляда ни на секунду. Это пугало. Пугало до дрожи в коленках и желания свернуться клубочком где-нибудь под ближайшим кустом, лишь бы не чувствовать на себе этого колючего и смертельно опасного внимания сотен пронзительных глаз.

— Долго еще? — прошептала, закусывая губу и стараясь сдерживать царапающийся

изнутри страх.

— Почти пришли. — обнадежила Яга.

И не обманула, через пару минут мы выбрались, наконец, из заросшей чащи, оставляя жутких красавиц позади и оказываясь на берегу огромного лесного озера.

— Ф-ф-фух, — облегченно выдохнула, прищуриваясь на непривычное яркое солнце, которое уже не загораживали незнакомые деревья. — Ну и ужас!

— А что ты думала? — фыркнула рыжая девушка. — Сказочный Лес полон всякой нечисти. Эти девицы столько людей погубили, не сосчитать. Глазищами своими завораживают, в лес за собой уводят и всю силу до последней капли выпивают.

Мышцы от воспоминаний снова свело, и я попыталась сделать пару глубоких вдохов, чтобы успокоиться.

— А где русалки? — спросила спустя пару секунд, внимательно оглядываясь и не замечая ни одну представительницу полурыбьего-получеловечьего мира.

Яга глубоко вздохнула и села прямо на землю в паре шагов от воды, поджигая под себя ноги. Я удивленно проследила за ее действиями и опустилась рядом.

— Подождем. — ответила на мой вопрос спутница. — Они создания крайне вредные, уже знают, что мы здесь, но сразу ни за что не выйдут.

Озеро было спокойным. Гладкая водная гладь едва заметно колыхалась, задевая прибитые к берегу кувшинки розового и белого цветов. Несмотря на палящее солнце, прямо над поверхностью клубился не очень густой туман, из-за которого не было видно противоположного берега. Вода удивляла своей чистотой, открывающей взгляду песчаное дно, которое казалось обманчиво близким. На самом же деле глубина составляла метра два не меньше, и это только у берега, боюсь представить, что там, в середине. Мы сидели уже минут десять, молча слушая легкие плески воды и жутковатый шум леса за спиной, когда русалки все-таки явились нашему взору.

Сначала где-то далеко в тумане раздался тяжелый всплеск, словно крупная рыба хлестнула хвостом по водной глади. Постепенно количество подобных звуков стало увеличиваться, пока метрах в трех от берега не появились несколько человеческих голов, они высунулись лишь наполовину и сверкали горящими глазами. Я мгновенно вскочила на ноги, стараясь получше рассмотреть медленно приближающихся к нам русалок и чувствуя, как от волнения бешено колотится сердце. Одна из них, плывущая в самом начале, снова нырнула под воду, хлестнув по воде огромным чешуйчатым хвостом, что ярко блестел на гаснувших солнечных лучах.

Русалка оказалась в паре сантиметров от нас спустя долю секунды, заставляя меня испуганно вздрогнуть от неожиданности. Она неожиданно ловко выпрыгнула из воды, хватаясь непропорционально длинными руками за широкую ветку нависшего над озерной гладью дерева, и забираясь на нее. Я во все глаза уставилась на героиню сотен мифов и легенд, пытаюсь как можно лучше рассмотреть ее и запомнить.

Девушка была по пояс голой, а от талии по канону начинался тот самый хвост зеленовато-болотного цвета, покрытый сверкающими, словно куча драгоценных камней, чешуйками. Отливающие красным волосы русалки были заплетены в небрежную широкую косу с парой распущенных прядей на висках. Из-за влажности они выглядели тусклыми и тяжелыми, а небольшая ракушка на макушке, видимо, служащая заколкой, довершала весь образ. Девушку нельзя было назвать красивой. Синюшный цвет кожи, длинные руки, сильно выступающие вены, вдавленный нос и через чур яркие зеленые глаза придавали ей утраченные, однако что-то завораживающие в ее внешности все-таки присутствовало. Я, не отрываясь наблюдала за этим чудом, жадно ловя каждое движение русалки, что начала плавно расплетать свою косу тонкими перепончатыми пальцами.

— Ариэль? — зачарованно прошептала не в силах оторваться от гипнотизирующей и завораживающей картины.

Русалка вскинула голову, а затем обиженно отозвалась, мигом разбивая всю волшебную

обстановку:

— Чего обзываешься? Алёнкой меня кличут!

Она по-простецки цокнула и спрыгнула обратно в воду, окатывая нас с Ягой брызгами. Рыжая девушка рядом захохотала, наблюдая за моей реакцией, а я только хлопала глазами, понимая, что снова попала под магические чары.

— Да отомри ты. — потешалась она. — И не бойся. Алёнка тебе не мавка. Русалки исключительно по мужской части.

— А что это тогда только что было? — сипло поинтересовалась, на всякий случай потирая глаза.

— Ну, зачаровать то мы и девушек можем, — пояснила Алёнка, фыркая. — Вот только у нас и так план по населению перевыполнен в озере! Водяной батюшка сердится, запрещает еще тащить.

— А что девушки, которые за вами в озеро идут тоже русалками становятся?

— Агась, — весело кивнула хвостатая собеседница.

— А мужчины? Русалами?

— Пффф, где ты слов-то эдаких нахваталась? — ехидно поинтересовалась Аленка, вскидывая широкоую черную бровь, сильно констатирующую с синим цветом кожи. — Утопают они. Только мы прежде дело свое сделаем, а потом и отпускаем их с Богом.

Я покраснела, догадываясь, какое дело совершают русалки с беднягами и мотнула головой, отгоняя мысленные картинки.

— Ладно, хватит языками чесать, — фыркнула Яга, прерывая нашу беседу. — Алёнка, мы по делу!

Русалка заинтересованно посмотрела на мою спутницу, а та вкратце поведала ей причину нашего прихода. Красноволосая, видимо, очень хорошо знала Василису и даже была ей подругой, потому что сильно разозлилась, услышав о ее похищении. Она что-то злобно прошипев на своем русалочьем по поводу будущей жестокой смерти посмеявшегося посягнуть на Васю Ивана и пару раз окунулась, пытаясь остудить пыл.

— Так ты поможешь нам? — поторопила разошедшуюся русалку Яга. — Времени у нас мало. Каждая минута на счету.

— Нету у меня зелья этого! — расстроено поведала Алёнка, почесывая макушку. — Водяной батюшка все забрал. Запретил нам с сестрицами чем-то подобным владеть, сказал, что безответственные шибко.

Ну что ж. Все идет прекрасно, но только мимо. И что же нам теперь делать?

Яга, которая полностью разделяла мое внутренне негодование, громко рявкнула на хвостатую:

— Так чего ты тут плещешься до сих пор?! Быстро приведи его!

Русалка испуганно закивала и в ту же секунду исчезла под водой. Наблюдающие, но так и не решившиеся приблизиться к нам сестрицы тоже пропали, а я удивленно повернулась к сердитой девушке.

— Чего ты на нее так резко?

— Да потому что ленивая, полчаса бы еще телилась! — отозвалась Яга, нервно постукивая ногой по земле.

Алёнка вернулась спустя минут десять, приводя вместе с собой еще одно действующее лицо. Водяной выглядел как... Русал. Seriously говорю. С точно таким же хвостом как у Алёнки, таким же цветом кожи, глаз и волос, вот только вместо большого бюста и тонкой талии у него имелось крупное брюшко, смешно нависающее над хвостом. На вид ему

было лет шестьдесят, а то и больше и смотрелся он, правда, очень комично.

— Не серчай, Яга, — сразу же как только появился, пробулькала он. — Совсем дочки мои от рук отбились, вот и пришлось все волшебные и важные вещи от греха подальше забрать!

Алёнка насупилась, но промолчала, а водяной вытянул вперед пухленькую ручку, протягивая нам зажатый в ладони пузырек. Яга, кивнув, забрала зелье, тут же пряча его глубоко в висящую на плече сумку.

— Ты ведь знаешь основные условия его действия, верно? — поинтересовался хозяин Озера, хмуря брови.

А такое есть? Ребята мне не рассказывали. Рыжая девушка, видимо, тоже не знала ни о чем подобном, поэтому отрицательно помотала головой.

— Только в том случае приворот распадётся, ежели привороженная уже в сердце любовь имеет и именно эта любовь её противоядием и напоит! — тяжело вздохнув, протянул водяной, поднимая к небу кривоватый синий палец.

— Ах, ты про это! — махнула рукой Яга. — Про это знаю! Спасибо, Водяной-батюшка, что помог. — Вежливо поклонилась она. — Туго бы нам без этого зелья пришлось...

Бежали обратно быстро. Неожиданно сгустившиеся тучи подгоняли мрачными раскатами грома, предупреждающими о надвигающейся грозе. И до этого темный лес стал совершенно непроходимым, дальше собственного носа разглядеть что-то было весьма затруднительно. Я постоянно спотыкалась, и, если бы не Яга, непонятно как находящая дорогу в почти непроглядном мраке, непременно бы заблудилась или свалилась в какую-нибудь канаву. К слову, мавки нас больше не тревожили. Скорее всего тоже испугались надвигающейся бури.

До деревни добрались минут через сорок и почти без проблем. Тучи все еще клубились позади, а дождь лишь мелко-мелко накрапывал, только собираясь войти в раж. Даже ветер на время прекратил шуметь, давая нам возможность успеть спрятаться от надвигающейся непогоды. Мы с Ягой в приподнятом настроении расстались у края «Русалочьих Слез» — девушке нужно было завершить какие-то свои дела, а я направилась в таверну, где ждали друзья. Вот только отсутствию проблем я обрадовалась слишком рано, потому что эти проблемы тут же на меня и свалились.

В паре шагов от входа в местное заведение ночлега и общепита стояли три морды (другого подходящего слова, чтобы их описать, не находилось), мрачно бубнящие что-то друг другу и пугающие окружающий народ внушительными мускулами. По выражению этих самых морд без труда можно было определить полное отсутствие интеллекта у их хозяев, и восполняющую данный недочет кровожадность. Троица провожала внимательным взглядом каждого прохожего, видимо, оценивая его на предмет денежного имения, и вяло переговаривалась.

У меня денег не было, как и желания просто попадаться в поле зрения бандитов. Однако, учитывая, что стояли они прямо перед входом в таверну, особого выбора не было. Ладно, просто буду надеяться, что не привлеку внимание сих важных персон к скромной моей.

Я судорожно сглотнула и начала протискиваться ко входу бочком. Мысленно уверяя себя, а заодно и окружающих, что я маленькая и незаметная бабочка и вообще тут мимо случайно пролетала, мелкими шажками двигалась к цели, отводя глаза как можно дальше от троицы. Мозг отчаянно надеялся, что на этот раз задница его хозяйки минует «приключения».

Пф-ф, наивный.

— Это она! — раздался звонкий голос, когда до заветной цели оставалась всего жалкая пара шагов.

Я застыла на месте и медленно подняла голову, ошарашено натыкаясь на перекошенное лицо уже знакомой официантки. Девушка обвинительно тыкала мне в нос своим обломанным ногтем и нервно постукивала ногой. Я судорожно сглотнула, перевела взгляд с упревшего в меня пальца на скривленное лицо нахалки и от неожиданности

икнула.

— Вот эта мелочь? — неожиданно поинтересовалась одна из морд, удивленно разглядывая меня.

Я снова икнула и непроизвольно сделала шаг назад, понимая, что прочно вляпалась и нужно как-то выкручиваться из очень непростой ситуации. Осмотр окружения ничего не дал кроме полной уверенности, что мне конец. Людей вокруг нет, бежать особо некуда. Приехали...

Шкафоподобные мужики, тем временем, двинулись вперед, а я постаралась сделать лицо как можно более дружелюбным и приветливым. А вдруг поймут, что я не враг им, раздобрееют и уйдут себе своей дорогой. Вот только нервно дергающийся левый глаз и неконтролируемый истеричный оскал вместо дружелюбной улыбки вряд ли наталкивали гостей на мысль, что я очень рада их видеть.

5.2

— Ну че? — подойдя почти вплотную ко мне и дыхнув смрадным запахом вчерашнего перегара, информативно поинтересовался самый высокий из троих. — Че скажешь?

Я осторожно оглянулась, в надежде, что это они все-таки не ко мне обращаются. Надежда тут же задержалась в предсмертных муках — вокруг метров на пятьсот не было ни души. Вся деревня попряталась по домам, скрываясь от надвигающейся грозы. Сглотнув и переведя взгляд обратно на «милых мальчиков», я судорожно попыталась хоть что-то придумать. Видимо, зря. Мозг, под влиянием адреналина, работать перестал совсем.

— А вы в детстве были симпатичным или как сейчас? — выдала фразу, которую услышала от своей мамы, когда сосед сверху залил нас водой и еще пытался хамить.

Заметив мгновенно вытянувшиеся лица собеседников, я мысленно побилась лбом об стену. Ну и что за дурная привычка сначала говорить, а потом думать? Что вообще ты несешь, Лесницкая? Тебе же сейчас открутят голову, чтобы сия, абсолютно бесполезная, часть тела больше не мешала. Может, и жить проще станет?

— Ты чего вякнула, лахудра? — взревел мужик, хмуря сросшиеся на переносице брови.

Ой. Злятся, они. Плохо. Однако отступать назад уже поздно. Как там говорил один из моих многочисленных старших братьев — «если чувствуешь, что будут бить, ударь первым и свали, пока не очухались». Естественно, в прямом смысле я не собиралась вступать в драку с этими неприятными субъектами, ввиду сильной разницы в комплекции и силе, однако тактику «лучшая защита — нападение» применить все же решила.

Кто тут у них власть местная? Король? Наверное, король? В сказках же всегда они. Ух, только бы не ошибиться...

— Ты на кого повышаешь свой голос? — постаравшись сделать лицо как можно злее, дрожащим голосом рявкнула на опешившего от неожиданности собеседника. — Я, между прочим, главная жена третьего сына Короля батюшки — Серафима Узурьевна!

Собеседник задумался и застыл, а я скосила глаза на вход в таверну, мысленно планируя пути отступления.

— Какая такая жена? — тем временем вопрошал второй шкаф — рыжий и веснушчатый. — Какого такого короля? У нас в землях отродясь кроме царя никого не было, да и у того дочь!

Дура ты, Руслана, какой к черту король? Думай теперь, Лесницкая! Думай! Диплом за мозги получала, а не за красивые глазки!

— Так свергли царявашего! — гордо выпятив вперед грудь и задрав голову, выдала я, отчаянно надеясь, что эти недоразвитые субъекты не следят за новостями местной политики. — Теперь король правит!

— Это когда это? — опешил высокий. — Это что, правда, что ли?

— Правда, конечно, — замахала головой, мысленно ликуя, что бандиты повелись. — Да я тебе что, врать что ли стану? Неужели не знали раньше?

— Нет, — удивленно почесал макушку рыжий.

— А вы не слышали? — снизив голос до шепота, тем временем продолжала я свой отвлекающий маневр. — Король-то новый и законы новые ввел!

Парни дружно подались вперед и заинтересованно прислушались. А я, соорудив из себя невероятно умную и просвещенную барышню, поведала:

— Запрещено теперь бороды носить! — выдала, вспоминая первый попавшийся закон из учебников истории.

Ну, а что, Петру Первому можно, а остальным нет, что ли?

— Это как же? — в ужасе отпрянули все трое, одновременно накрывая свою растительность на лице огромными лапищами. — Это что же, серьезно?

— Дык это ж главное достоинство мужское! — пуще всех напугался рыжий, бережно поглаживая особенно длинную, но крайне реденькую бородку. — Это ж без нее засмеют же!

Я сделала вид, что настороженно оглядываюсь и убеждаюсь, что на нас не смотрят. Потом медленно поманила всех троих пальцем, призывая их наклониться ближе. Те послушались, приближаясь и стучаясь друг о друга лбами, а я шепотом продолжила:

— А что вам важнее: уважение, али жизнь собственная?

Шкафы переглянулись и дружно решили, что все-таки существование на этой бренной земле немного поважнее, а потом снова уставились на меня и поинтересовались, зачем, собственно, я такие вопросы задаю.

— А затем, — мудро изрекла, поднимая к небу палец. — Что казнь ныне за ношение бороды объявлена! Сейчас в деревне-то уйма посыльных королевских, чтобы нарушителей вычисляли да во дворец докладывали!

Мужики дружно икнули и в ужасе расширили глаза. А я продолжала мысленно молиться, чтобы в их головах не зашевелились уснувшие извилины (если они там были, конечно).

— Так что теперяче делать-то? — испуганно пискнул (и как только ноту-то такую взял) рыжий.

— Как что? — дернула плечами. — Резать, конечно!

На секунду мне показалось, что собеседники сейчас шлепнуться в обморок, уж слишком жалобные и потерянные лица у них были. Даже стыдно стало перед беднягами, но отступить было некуда.

— Как резать? — плаксиво провыл третий, доселе молчавший шкаф, хватаясь за голову. — А по иному-то никак?

— Никак! — уверенно мотнула головой. — Нет, вы, конечно, можете оставить. Но тогда спустя пару дней будете висеть на виселице!

— Господи, — перекрестился рыжий. Надо же, набожный какой, а по виду так и не скажешь. — Стыд-то какой! Как же быть-то теперь?!

Я быстренько оглянулась, случайно наткнулась взглядом на валяющийся неподалеку топор и хватаясь за еще одну безумную идею. Кто оставил сию крайне важную в деревенском хозяйстве вещь здесь, я понятия не имела, но была этому человеку крайне благодарна.

— Брейте! — Громко произнесла, ткнув пальцем в топор. — Я слыхала, прямо в этой таверне сидят те самые королевские посланники! Пока есть еще возможность и шанс, вы должны спасти вашу жизнь! А я, так и быть, супругу своему, сыну королевскому вас не выдам!

— Да как же брить-то! — ужаснулся высокий. — Да смеяться же будут люди!

— А вы потом посмеетесь над ними, когда полдеревни за неповиновение приказам на плаху отправят!

У мужиков было горе. Настоящее и осязаемое. Рыжий вообще слезу пустил, забывая, зачем он тут. Походкой обреченного на смерть человека он первый двинулся к топору, хватая того за древко и поднимая дрожащими руками. Я передернулась, с ужасом наблюдая за видом устрашающего огромного бандита с ржавым холодным оружием в руках. Выглядело бы совсем жутко, если бы не невероятно жалостливое лицо мужичка, у которого прямо сейчас отнимали самое лелеемое и дорогое. Остальные двое смотрели на него с вселенской грустью и сочувствием, в тоже время понимая, что подобная участь ожидает их всех.

— Что, прям тут что ли брить? — поднял на меня красные глаза рыжий. — Прямо сейчас?!

— Сию секунду! — подтвердила, медленно начиная пятиться к небольшому проходу, который-таки освободился и сейчас заманчиво сиял своей безопасной темнотой.

— Серафима Узурьевна, сестрица наша! — жалобно взывал мужик.

Ого, как быстро я из предмета мордобития в сестрицу превратилась.

— Родненькая! — тем временем продолжал бедняга, прижимая руки с топором к широкой груди. — Авось не обидели мы тебя! Прости уж сердечных! Бес попутал! Будь милостивой, замолви словечко за нас перед свекром-то своим!

— Упрямый он шибко, — грустно вздохнула, разрушая последние надежды бедняги. — Никого не слушает! Уперся бараном и не сдвинется!

Рыжий, наконец, окончательно понял, что деваться ему некуда и завыл. Громко так завыл, протяжно, мне аж совестно стало, честное слово. Потом как-нибудь непременно извинюсь. А пока лучше молча пятиться ко входу в таверну, пока недружелюбно настроенные поначалу морды друженько оплакивают бороду рыжего товарища, которую тот кромсал широким мужицкими движениями. Жуткое зрелище, если честно.

До спасительного входа в таверну остался один жалкий шаг, когда его Величество — Закон Подлости снова явил мне свой вредный лик.

— Руслана! — раздался удивленный голос Яги всего паре шагов от нас. — Ты чего до сих пор не зашла? А это кто?

Рыжий замер в процессе своего занятия, а я сглотнула, понимая, что снова в полной ж... кхм, проблемах. Вот, же, черт.

Все трое одновременно повернулись ко мне с вытянутыми лицами и дружно начали думать, медленно, со скрипом, крутя шестеренки в пропитых мозгах. Я ждать, пока до них дойдет вся суть ситуации, не стала, громко крикнула Яге: «Беги!» и завалилась-таки в таверну. Сзади раздался рык очухавшихся шкафов, но я уже со всех ног неслась к сидевшим за дальним столиком друзьям.

Максим с Кошеем что-то умиротворенно обсуждали, попивая горячий сбитень. Колобок читал, а Кот свернулся на лавочке калачиком и спал, громко мурлыча и изредка подергивая пушистым хвостом. Надо же, какая идиллия...

— Кошечка! Максимушка! — подлетела к дернувшимся парням, пугая их.

— Руслана, вернулись уже? — приподнял брови Кошей. — Мы т...

Он хотел что-то сказать, но времени выслушивать не было. Со стороны двери уже раздавались завывания и требования прибить наглую девку, поэтому я быстренько перебила Бессмертного:

— Я говорила, что считаю вас невероятно сильными и смелыми? — выдавала опешившим друзьям. — Вы — просто идеалы мужчин! За вами, как за каменной стеной. Любая будет в безопасности!

Колобок оторвался от книги и удивленно поднял на меня свои песочные глазки, явно не понимая, откуда взялся такой поток наглой лести. Зато до Максима дошло сразу.

— Ну и что ты опять натворила? — вкрадчиво поинтересовался он.

— Я? Да ничего особенного, — пожалала я дрожащими плечами под скептическим взглядом соседа, и добавила, ткнув пальцем себе за спину: — А вот они сейчас натворят.

Именно в этот момент дверь в таверну все-таки отворилась, и внутрь ввалились уже знакомые мужички. Их озверевшие морды пугали мирно обедающих посетителей жадной убийства и мрачными рыками. Особенно устрашающе выглядел рыжий со своей неровно обрезанной и топорщившейся в разные стороны реденькой бородкой. Они пару

минут оглядывались и, заметив сжавшуюся у дальнего столика меня, двинулись в нашу сторону. Где-то за их широкими спинами мелькала Яга, однако я о ней быстро забыла.

Максим с Кощеем удивленно наблюдали за приближением крайне агрессивных личностей, а потом медленно встали, видимо, осознавая, что мордобития не избежать. Хранитель идиотом не был, и быстро схватил меня за запястье, притягивая к себе и грозно шипя на ухо:

— Что это, черт возьми, значит, Руслана?

Меня аж мурашками обдало, однако ответить на важный вопрос я не успела. Троица оказалась рядом со столиком, грозно тыча своими пальцами-сосисками в сжавшуюся от страха меня.

— А ну иди сюда! — рычал рыжий. — Я тебе сейчас волосья твои повыдергиваю!

— Не надо, — пискнула, прячась за плечом Максима и от ужаса неся всякую чушь: — Я только недавно постриглась! Меня все устраивает!

Сосед с Кощеем дружно встали передо мной готовясь в случае чего защищать. Мне даже приятно на секунду стало, а потом снова страшно. Во-первых, противников больше по количеству, а во-вторых, каждый из них по комплекции шире Кощея и Максима вместе взятых, да еще и для Колобка место останется. Хлебушек, к слову, трусливо спрятался под стол, а ленивый Кот даже глазом не повел, продолжая посапывать.

— Шли бы вы, — мрачно изрек Хранитель, показательно трогая ножны на поясе.

Кстати, пока нас не было, парень уже успел переодеться, и сейчас на нем вместо привычных уже футболки, джинсов и куртки была абсолютно другая одежда. Свободные черные штаны из плотной ткани, зеленоватая жилетка, открывающая сильные руки, сапоги и коричневые ножны на поясе. В общем, выглядел он теперь как типичный путешественник в средневековье (ну, на картинках я видела именно таких). Интересно, он хоть с мечом обращаться то умеет, или так, для красоты повесил?

— Отдайте нам эту девку! — зарычал рыжий. — Она меня опозорила! Пусть теперь ответит!

— Вы первые начали! — справедливо возразила я, высовываясь из-за плеч парней и тут же прячась обратно.

Максим обернулся и удивленно приподнял брови, требуя ответов.

— Их эта твоя официантка наняла, чтобы они меня побили, — мгновенно пожаловалась я. — А я просто время тянула, чтобы сбежать!

Парень повернулся обратно и меч из ножен немного достал, угрожающе наклоняя голову. Ничего себе у него смелость. Вообще ведь не боится этих бугаев. Ну, или просто талантливо скрывает.

— Уходите отсюда. — раздался ровный голос Кощея. — Мы эту девушку не отдадим, а битву вам не выиграть.

От слов мужчины стало дико приятно. Еще бы. Два статных красавца защищают от звероподобных злодеев. Ситуация — просто мечта для любого любовного романа. Хватай и люби. Вот только один из защитников давно и прочно женат, а второй неисправимый засранец. Эх, все у меня не как у людей.

— А мы вас спрашивать не будем! — резко отрезал лысый. — Она обманула нас и за это ответит!

— Кто же виноват, что у вас задница вместо головы и думаете вы тоже этим органом. — хмыкнул Максим.

Господи, дай мне сил не влюбиться в этого человека, ну пожалуйста! У него же харизмы, обаяния и смелости больше, чем у всех моих знакомых до этого парней вместе взятых. Несмотря на невероятную разницу в комплекции Хранитель (как, впрочем, и Кощей) не

испытывал ни малейшего страха, перед противниками. От их гордых профилей исходило такое превосходство и сила, что бугаи начали понемногу сдуваться. Жаль не до конца.

— Отдайте девчонку, и мы вас не тронем, — пропустив мимо ушей ехидное оскорбление, рыкнул рыжий.

— У меня есть предложение получше, — вкрадчиво протянул Максим: — Убирайтесь отсюда, и мы не тронем вас.

Ух, ну все. Пропала ты, Лесницкая! И много ли нам, простым девушкам нужно?

— Ты шибко умный?

— Я шибко уставший, а вы шибко громкие. Поэтому не заставляйте меня становится еще и злым.

Бугаи, вопреки моим опасениям, в драку почему-то лезть не спешили. То ли тоже чувствовали исходящую от противников нехилую опасность, то ли на деле махать кулаками не умели, несмотря на впечатляющую гору мышц. Однако убираться вон тоже не собирались, с упорством баранов уставившись на Максима и Кощея.

— Отдай ее.

— Ты начинаешь мне надоедать. — мрачно произнес Хранитель. — Очень сильно...

— Из-за нее Гриша лишился бороды! — неожиданно жалобно взвыл высокий. — Мой брат опозорен!

Упомянутый Григорий всхлипнул, а я подавилась от такой резкой смены тактики. Интересно, на что он рассчитывал? Что Максим с Бессмертным проникнуться горем бедного рыжего бандита и на блюдечке с голубой каемочкой выставят им меня, дабы свершилась месть?!

— Твой брат опозорился, когда родился, — фыркнул Хранитель. — И, если вы сейчас же не свалите, честное слово, он лишится не только бороды, но и чего-то более важного.

— А ну, убирайтесь отсюда, окаянные! — неожиданно раздался позади еще один скрипучий голос.

Хозяин таверны с впечатляющим ножом в руке грозно двигался в нашу сторону, сдвинув на переносице густые седые брови.

— Всех гостей мне распугали, ироды! Вон пошли!

Дядечка был крайне разозлен и расстроен. И без того немногочисленные посетители таверны теперь окончательно разбежались, не желая быть вовлеченными в нашу разборку.

— Между прочим, это ваша работница их позвала, — мстительно заявила я, выглядывая из-за спины Максима.

— Марьяна! — рявкнул хозяин.

Испуганная девушка мигом материализовалась рядом. Видимо, подглядывала где-то, змея.

— Это твои приятели? — грозно рявкнул на нее дядечка.

— Нет! — мигом открестилась та. — Я первый раз их вижу!

— Врешь! — возмутилась я.

— Ды как это? — удивились бугаи. — Ты же нам сказала лахудру эту проучить!

— Ничего подобного, — побледнев, возразила официантка, вот только врать она совершенно не умела.

— Уведи их отсюда, а потом за работу! И не видать тебе выходного! Поняла?!

Марьяна испуганно закивала, и принялась подталкивать недовольно возмущающихся «друзей» к выходу. Хозяин же, тяжело дыша, повернулся к нам и рассыпался в извинениях за нерадивую сотрудницу, пообещав ужин за счет заведения. Мы отказываться, естественно, не стали, попросив только дядечку, чтобы ужин не подавала та самая Марьяна, а то не хотелось бы отведасть цианистого калия вместо соли. Дядечка клятвенно заверил нас, что ее на пушечный выстрел к кухне не подпустит и, громко шаркая ногами, удалился, а друзья медленно повернулись ко мне.

— Руслана... — вкрадчиво начал Хранитель.

— Что? — с вызовом спросила, гордо задирая голову и сжимая все еще трясущиеся от страха руки в замок. — Не смотри на меня так! Сам виноват! Если бы ты с ней не флиртовал, ничего бы этого не было!

— Да когда я с ней флиртовал?! — опешил парень.

— А то я не видела!

— Руслана, ничего подобного не было. — о, Кощеюшка подключился. Посмотрите-ка, защитник нашелся.

— А ты тоже хорош! — обвинительно ткнула пальцем в Бессмертного. — У тебя тоже глазки бегали! Ух, бессовестный, у самого жена похищена, а он тут официанткам в ее отсутствие подмигивает!

— Да ничего подобного! — растерялся мужчина. — Я Василисе верен!

Где-то за спинами захихикала Яга, а я обиделась окончательно.

— Что ты разошлась-то? — из-под стола показался Колобок.

— Молчи, трус! — тут же припечатала запрыгнувший на лавочку и опешивший Хлебушек. — Смысл сразу, как проблемы появились. А еще друг называется!

— Кто-то ревнует? — неожиданно раздался спокойный и смешливый голос Максима.

Я осеклась, мигом теряя весь боевой настрой и встречаясь с его пронзительными голубыми глазами. Да черт тебя дери, ревнует, и мне это вообще не нравится! Ни капельки!

— Вот еще, — тем не менее, соврала я, стараясь не показывать смятения. — Пойдемте уже. Время идет.

Развернулась к выходу, намереваясь как можно быстрее уйти из таверны и остудиться, но была ловко поймана за запястье все так же странно ухмыляющимся Хранителем.

— Куда ты? Буря на улице, — просветил он, внимательно заглядывая в мои глаза и даже не думая выпускать из стального захвата.

Ух, каков засранец.

— Переждем и пойдем, — добавил сжегивающий в кулак улыбку Кощей.

Он протянул мне длинный продолговатый ключ и пояснил:

— Мы комнаты сняли на ночь. Сейчас отправляться в путь — чистое самоубийство. Это от ваш...

Я не дослушала, выхватывая ключ из рук немного опешившего мужчины и бегом устремляясь вверх по лестнице.

Максиму удалось смутить меня! До жути смутить. Вернее, не совсем так. Скорее меня очень смущали собственные чувства, которые чересчур активно стали проявлять себя в обществе ехидного Хранителя.

Вот только влюбиться тебе, Лесницкая, сейчас не хватало! Честное слово, это последнее чего я хотела! После прошлых отношений, которые закончились весьма и весьма плачевно, новые заводить не хотелось в ближайшие лет десять, а то и больше. Прошлая «любовь» по имени Алексей Китов оставила о себе лишь больные воспоминания. В этого парня я по уши влюбилась еще на первом курсе. Он, в общем-то, тихую провинциалку особенно не замечал до того момента, как кто-то спустя год не поведал ему о моем существовании и о светлых чувствах с моей стороны. Кто оказался предателем, я не узнала, но была ему благодарна, потому что дело двинулось с мертвой точки. Алексей соизволил кинуть на меня пару взглядов и даже первый пригласил на свидание. Закрутилось все со страшной силой. Я полностью ушла в отношения и даже немного скатилась по обычно идеальной учебе. Влюблена была невероятно. Смотрела на парня сквозь розовые очки, игнорируя откровенно сволочную натуру.

Съехались уже на четвертом курсе, и я вот-вот планировала представить его родителям, однако, где-то через год после окончания института, когда я уже работала, а Алексей сидел дома фактически на моей шее, случился поворотный момент. Я, словно в идиотском фильме, пораньше вернулась с конторы, и, дабы порадовать любимого, накупила в магазине кучу продуктов. Шла и мечтала о том, как приготовлю ужин, поставлю свечи, музыку, как окунуться в романтику. Вот только парень в этот момент активно кунался в эту самую «романтику» с тощей незнакомой блондинкой, прямо на нашей кровати. В первый момент я даже не поняла, что происходит, а потом на голову голому и крайне удивленному появлению своей девушки Китову, вылился апельсиновый сок, а об лоб разбилась парочка свежих яиц. Алексей пытался что-то кричать про то, что он все объяснит, но я, на удивление, хладнокровно выставила его вон из квартиры в чем мать родила. Девушке искренне посочувствовала, но одеться тоже не позволила, скидывая все их вещи с балкона. Вот радости соседям то было, когда из подъезда неожиданно появились двое не одетых молодых людей, ловящих собственные вещи, что парили по воздуху с восьмого этажа.

Когда на съемной квартире ни осталось ни единого упоминания о парне, я, наконец, села и разревелась. Громко и безудержно, круша и ломая все вокруг. В срочном порядке приехала Светка, притащившая с собой три бутылки шампанского и огромное ведро с мороженым. Поедая холодное лакомство и запивая все это некрепким алкоголем, мы дружно решили, что все мужики — козлы, и не один не достоин наших слез. Однако плакать я не перестала и находилась в депрессии еще как минимум полгода. Помню, как игнорировала звонки братьев, которые, в моем тогдашнем понимании, были такими же представителями животного мира, как и весь мужской пол.

Родственников, которые насторожились подобным поведением, провести не удалось. Двое старших двоюродных братьев — Денис и Костя, примчались в Москву на самолете, обнаружили свою нерадивую сестричку в состоянии затяжного горя, быстренько выяснили причину ее поведения и пошли бить лица (читай, морды).

Алексей явился в этот же вечер с охапкой моих любимых раньше лилий и яркими фингалами под обоими глазами, и судорожно просил у меня прощения. Я цветы забрала и с особым удовольствием ему обратно бросила, навсегда переставая обожать эти цветы. Братья, притащившие изменщика ко мне и наблюдающие за всем этим, быстро поняли, что концерт закончен и пнули Алексея с лестницы, запретив появляться в зоне моей видимости.

В общем, крайне неприятная и обидная история завершилась для меня горьким разочарованием в отношениях и твердой уверенностью, что жизнь я свою закончу в окружении кучи романтических книг и пушистых кошек. Вот только чертов Хранитель сейчас рушил все мои планы, нагло вторгаясь в мысли и сердце и совершенно игнорируя любые попытки умоляющего остановиться разума.

6.1

С того момента, как мы покинули «Русалочьи Слезы» прошло две недели.

Четырнадцать долгих дней непрерывного пути по Лесу, за которые я десять тысяч раз успела проклясть себя за то, что вообще ввязалась во всю эту передрагу. Когда обещанная «пара деньков» пути до лагеря Ильи Муромца превратилась в неделю, а потом и вторую, мое внутреннее спокойствие серьезно пошатнулось. Понятия не имею, где я нашла силы, чтобы сдерживаться и не усугублять и без того уже отвратительное настроение в нашем отряде.

Хотелось нормально поспать в мягкой кровати под теплым одеялом и на чистых простынях. Хотелось по-человечески искупаться в горячей воде и понежиться в ванной с пушистой ароматной пеной. Хотелось просто поесть пусть не полезной, но привычной магазинной еды. Хотелось, черт возьми, растянуться на диване перед телевизором и весь день проплывать в потолок, лишь бы больше не чувствовать сходящих с ума от напряжения мышц. Всего этого хотелось до смерти, но я упрямо сцепляла зубы, сжимала кулаки и молчала, осознавая, что мои капризы не имеют никакого смысла. Никто меня за шкурку с собой не тащил, так что жаловаться я не имела права, тем более прекрасно понимала, что плохо тут не только мне одной.

Кощей хмурился все больше, постоянно повторяя, что время идет, и мы уже не можем знать точно, что случилось с Василисой. Яга с Котом из Русалочьих Слез отправились сразу домой, а волшебной тарелочкой с яблочком могла пользоваться лишь она. Вот Бессмертный и злился теперь на весь белый свет, вымещая гнев на встречающихся по дороге кустах. Местная фауна значительно поредела после встречи с его мечом, но мужчина хотя бы немного успокаивался.

Ситуация настолько давила и угнетала, что общее настроение с каждым днем скатывалось все дальше за отметку «минус». Максим вообще чувствовал какую-то беду своим Хранительским чутьем и нервничал, правда, стараясь не показывать этого открыто. Один только Колобок преспокойно себе катился, уверенно утверждая, что зря мы так себя изводим, и вообще нервные клетки не имеют свойства восстанавливаться. Только после грозного взгляда соседа и рыка со стороны Бессмертного говорящая выпечка решила, что лучше будет просто помолчать. Безопаснее для собственной ароматной шкурки. Мы с Максимом старательно и незаметно пытались поддерживать Кошею и отвлекать его нейтральными разговорами. Немного удавалось, но чем дальше мы бесполезно блуждали по чаще, тем яснее становилось, что скоро нашего терпения тоже перестанет хватать, и успокаивать придется нас.

Садящееся солнце уже касалось верхушек деревьев, когда мы, смертельно уставшие и вяло перебрасывающиеся короткими фразами, вывалились из плотных зарослей на поляну. Я встрепенулась, сначала было подумав, что это место идеально подойдет для сегодняшнего ночлега, однако необычная форма местности и чему-то обрадовавшиеся спутники навели на мысль, что все тут не так просто.

Поляна была абсолютно круглой. Казалось, будто кто-то поставил на этом месте идеально ровный купол, сажая вокруг него деревья, а внутри оставляя пустым. Лишь небольшой серый валун точно по середине портил ощущение. Я удивленно оглянулась, но так до конца и не поняла, природа ли так постаралась, или какой-то перфекционист вырубил все деревья по ровной траектории. В общем-то, это было не так важно, как странные действия Максима, который, устало ухмыльнувшись своим мыслям, молча сбросил с плеч походный мешок и направился к валуну. Опустился на колени и принялся что-то чертить на поросшем мхом камне.

— Что это? — шепотом поинтересовалась у Кошею, пока Хранитель продолжал совершать странные манипуляции.

— Мы пришли. — облегченно выдохнул тот. Он тоже сбросил с себя вещи и грузно уселся на мягкую траву. — Максим посылает Илье послание. Пользуется своей магией, чтобы доказать, что это именно мы, а не чужаки.

Я присвистнула. Так вот она, какая, та самая магия Хранителей, о которой рассказывал сосед. Помнится, он говорил, что у каждого Хранителя есть своя печать, которая при

помощи магии позволяет посылать «сообщения» на расстояния, но работает она только в определенных местах. Наверное, это полянка и была подобным местом.

Нарисовав на земле пару странных знаков и довольно хмыкнув, Максим достал из кармана небольшой клочок бумаги и что-то быстро начеркал на нем обычной шариковой ручкой. Затем встал и, скомкав листочек, бросил его точно в центр валуна. Едва коснувшись шершавой поверхности, бумажка вспыхнула ярким зеленым пламенем и исчезла, не оставляя после себя даже пепла. Хранитель удовлетворенно кивнул и развернулся к нам.

— Они получили, — оповестил, подходя ближе. — Теперь только ждать, когда заберут.

— А что мы потом делать будем? — поинтересовалась я.

За дни, проведенные в лесу после выхода из деревни, мы не встретили не единой живой души. Вообще никого. Хранителя это очень пугало, как и Кощея. Они говорили, что Сказочный Лес всегда кишит своими жителями, и мы обязаны были встречать кого-то по несколько раз на дню. Но прошло почти девять, а мы по-прежнему оставались единственными живыми существами, среди шумящих вокруг деревьев.

Это, к слову, довольно сильно нас сблизило. У меня создалось впечатление, что я знаю своих спутников не чуть больше двух недель, а, как минимум, несколько лет. Мы постоянно рассказывали друг другу о своей жизни, узнавая все больше и больше и привязываясь невидимыми нитями. Даже вредный Колобок ко мне подобрел и уже не старался язвить на каждую фразу, а ночами подбирался ближе, позволяя себя обнимать и греться о вечно теплый хлебный бочок.

В общем, насколько я поняла, отсутствие людей и нелюдей вокруг не было хорошим признаком. Мужчины предполагали, что всех жителей ближайших деревень завербовал себе Иван, но почему они так просто исчезли, и где находятся сейчас, никто не понимал. Тем более, что по пути мы встретили целую кучу безлюдных поселений, словно кто-то только что был здесь, но исчез, в спешке оставляя на произвол судьбы все хозяйство. Пустые дворы, некормленный домашний скот и странное чувство одичалости вселяли серьезное беспокойство. Да и вообще вся ситуация выглядела мрачной и слишком уж загадочной. Надеяться оставалось только на отряд сопротивления, может, хоть они немного прольют свет на происходящее.

— Пойдем по обстоятельствам, — тем временем ответил Максим на мой вопрос. — Руслана, только ради бога, не лезь никуда и, когда они появятся, просто молчи.

Я согласно кивнула, плотнее закуталась в темный плащ и посмотрела в постепенно темнеющую в лучах закатного солнца глубь леса. Моя одежда, к слову, тоже сменилась. Максим, как и обещал, все в той же деревеньке «Русалочьи Слезы» купил для меня странные, но довольно удобные, серые штаны из неплотной ткани, темно-синю рубашку с длинными рукавами и коричневый тканевый плащ с капюшоном, который хоть и выглядел довольно непривычно, но отлично спасал как от холода, так и от дождя. Теперь мой образ портили только потертые серые кроссовки, которые снимать я наотрез отказалась.

Пока мы стояли на поляне, каждый погруженный в свои мысли, из леса, наконец, появились люди. Небольшая процессия вооруженных до зубов мужчин двигалась в нашу сторону. Их суровые лица, может, и выражали дружелюбие, но крайне неохотно. Впереди процессии шагал высокий широкоплечий мужчина лет шестидесяти в самой настоящей кольчуге и с огромным мечом за поясом. Квадратное и слишком загорелое лицо украшала длинная черная борода с проблесками седины, а накаченное не по годам тело на удивление резво двигалось. Я сразу поняла, что это и есть тот самый Илья Муромец, потому что примерно таким его себе и представляла.

— Добрый день, Хранитель. Добрый день, Кощей, — довольно вежливо поздоровался богатырь.

Хлебушек недовольный тем, что его в это приветствие не включили, выкатился вперед и нахмурился.

— И тебе привет, Колобок. — совершенно неожиданно по-простецки улыбнулся Илья,

почесывая затылок. — Давно не виделись!

Говорящая выпечка удовлетворенно угукнула и вежливо поздоровалась в ответ. Я же, помня про данное Максиму обещание, старалась не привлекать к себе внимание. Однако остаться совсем незамеченной не удалось.

— А ты кто такая будешь? — прищурившись, пробасил богатырь, оглядывая меня с ног до головы. — Не встречал тебя раньше.

— Это Руслана, — тут же представил меня сосед.

Я против его вмешательства не была. Мужчину в кольчуге и отряд позади него откровенно побаивалась, да и вообще вся ситуация была странной и до пугающего серьезной.

— Она... — парень замялся.

— Она будущая Хранительница, — встрял Кощей, за что тут же получил наши с Максимом недобрые взгляды.

Зато богатырь подобному заявлению обрадовался. Обнажил в улыбке желтоватые зубы и развел крепкие руки в счастливом жесте. Я сглотнула, не ожидая таких бурных эмоций, и тоже постаралась нацепить на лицо дружелюбную улыбку.

— Значит, на нашей стороне уже целых пять Хранителей! — обрадовано сообщил Илья. — Этак мы и в перевес выйдем!

— Всего пять? — удивилась я. — А что, остальные семь все на стороне Ивана?

— На стороне Ивана трое известных нам Хранителей, — вместо Ильи отозвался один из его небольшого отряда.

Говоривший парень был примерно моего возраста. Высокий, худощавый и с длинными белыми волосами, заплетенными в тонкую косу. Интересно, тоже какой-то известный герой сказки или просто житель Леса?

— Предпочтения еще четверых нам пока неизвестны. Мы очень рады, что Вы теперь тоже с нами. — Он ободряюще мне улыбнулся, а я отчего-то смутилась.

— Она еще не Хранительница. — оборвал их воодушевление Максим. — Руслана даже не прошла проверку на истинность, поэтому мы ничего не можем утверждать точно.

Я скосила взгляд на хмурого соседа и еле сдержалась, чтобы не показать ему язык. Вредина. Только-только люди моему присутствию искренне обрадовались, а он все испортил. Хотя, чего уж скрывать, парень совершенно прав — бессмысленную надежду им давать точно не стоило. Тем более у них тут каждый настоящий Хранитель на вес золота, а я так, неизвестно кто.

— Пройдемте в лагерь, там вам все покажем, — чуть веселее произнес богатырь, кажется, пропустив последнюю фразу соседа мимо ушей. — Накормим вас, да расскажем, что дальше.

Временное пристанище отряда сопротивления скрывалось от нежелательных гостей в густой березовой роще. Заметить лагерь человеку, даже не подозревавшему о его существовании, было невозможно — периметр защищал непроницаемый магический купол, словно зеркало отражающий окружающую природу. Как объяснил мне Максим, пока мы бодро двигались за Ильей с его товарищами, в отряде богатыря было несколько чародеев. Несильных, но способных на простейшие заговоры и защитные чары. За все дни пути, в течение которых сосед рассказывал мне про волшебство, я все-таки не могла до конца осознать, что магия действительно здесь существует, и понять, как она работает. Однако, пройдя сейчас через защитную стену, с открытым ртом наблюдала, как на моих глазах словно из ниоткуда появляется место временной остановки отряда Ильи.

В лагере было шумно и суетливо. Между несколькими высокими походными шатрами ходили занятые работой мужчины. С небольшой полянки сбоку, где, видимо,

тренировались воины, доносились громкие голоса, лязг мечей и свисты стрел. Несколько юрких мальчишек сновали в лес и таскали охапками хворост, скидывая его у разгорающегося в центре костра. Пасущиеся неподалеку кони, временно освобожденные от сѐдел, изредка всхрапывали и свободно гуляли позади шатров под зорким присмотром низенького худощавого старичка с длинной седой бородой. Наше появление привлекло к себе всеобщее внимание, однако люди быстро вернулись к своим делам, лишь изредка бросая на гостей заинтересованные взгляды и перешептываясь между собой.

— Пойдемте. — махнул рукой в сторону самой большой палатки Илья, отрывая меня от разглядывания его войска. — Нужно о многом поговорить.

Кошей кивнул и, вместе с Колобком, Ильей и еще парой незнакомых мне воинов, исчез за тяжелой тканью, заменяющей в шатре дверь. Я двинулась за ними, однако Максим неожиданно схватил меня за локоть и остановил.

— Руслана, останься тут. — произнес он, бросая хмурый взгляд за мою спину.

— С чего это? — опешила я.

Парень сейчас не был похож на самого себя. Кажется, его что-то очень серьезно беспокоило. Я нахмурилась, а Хранитель, подождал, пока двое проходящих мимо и заинтересованно косящихся на нас мальчишек с наполненными водой котелками, отойдут подальше.

— Давай начистоту, — убедившись, что в радиусе десяти шагов больше никого нет, тихо произнес он: — Ты потащила сюда с нами, потому что у нас не было времени отправлять тебя назад.

Я начала догадываться, куда клонит парень, и сердце предательски сжалось от его дальнейших слов:

— Теперь всё становится по-настоящему опасно, Руслана. Поэтому, давай договоримся так: ты сидишь в лагере до того момента, пока мы не решим, что делать дальше. Как только что-то станет известно, я отведу тебя к ближайшей пограничной точке и открою портал. В Зорино ты не останешься, сразу уедешь и забудешь все произошедшее. Хорошо?

Под пристальным нетерпеливым взглядом собеседника я молчала пару минут, стараясь успокоиться и придать голосу твердости.

— Почему? — спросила, наконец, не поднимая голову на парня и бездумно смотря куда-то за его спину. — Почему ты так не хочешь, чтобы я попробовала помочь?

Парень замер, теряясь с ответом. Потом устало потер глаза, положил обе руки на мои плечи, словно создавая вокруг нас непроницаемый барьер, и так же тихо отозвался:

— Потому что это не твоя жизнь, Руслана. Пойми. Ты узнала обо всем случайно, и тебе здесь не место.

Обидные, но такие разумные слова больно резанули сердце и заставили передернуться. Я знала, что Максим говорит правильные вещи. Знала. Но не понимала, почему и он не хочет осознать, что я пошла за ними не только из-за любопытства или вредности. Я действительно хотела, да и хочу помочь. Вот только Хранитель по-прежнему видел во мне лишь случайно повиснувший на его шее балласт, и это очень обижало и раздражало.

— Знаешь, что, Максим... — решительно произнесла я, сжимая ладони в кулаки и с силой сбрасывая его руки со своих плеч. — Ты мне — никто. Ты не имеешь права указывать, что я должна делать. Я сама решу, где мне место. А то, что я тебе неприятна — не мои проблемы. Разбирайся с этим сам.

Сказала и развернулась, чтобы не смотреть на опешившего Хранителя. Упрямо трянула волосами и направилась в палатку, где несколько минут назад исчезли наши друзья. Вот только сделать выражение лица спокойным и унять дрожь в руках так и не удалось, хотя я очень старалась.

Внутри шатра нетерпеливо ждали только меня и Максима, и когда мы, дружно делая

вид, что не замечаем друг на друга, присоединились, к остальным, Илья неодобрительно покачал головой и начал, ткнув пальцем в разложенную на заваленном столе карту:

— Наша разведка выяснила, что Иван собирает армию. На его стороне много людей, но основной упор он делает на нежить.

— Нежить? — удивленно воскликнула я, но тут же осеклась под осуждающим взглядом Хранителя.

Ну да. Он же именно это только что пытался мне сказать: сколько бы вопросов я не задавала, я все равно много не знаю об этом мире и только лезу не в свое дело, отвлекая других. Все это было написано на раздраженном лице соседа, а кошки у меня на душе начали скрестись с утроенной силой.

Однако богатырь не отреагировал на мой вопрос так остро, и спокойно пояснил:

— С помощью Колдуньи он сумел подчинить себе шишиг, вурдалаков, мертвяков и прочих убогих созданий. Они уже убили кучу людей, а остальных обратили в бегство к окраинам.

Я испуганно сглотнула. Так вот в чем причина того, что деревни на нашем пути были пусты. Конечно, когда со всех сельских кладбищ на народ полезли живые мертвецы и всякие там оборотни, при этом уничтожая на своем пути всех и вся, никто не остался на месте. Какие уж тут вещи и дома, жизнь бы свою спасти. Неплохо Иван все рассчитал: и армию беспрекословную собрал, и народ заранее запугал.

— Он все еще готовится к удару, — продолжал Илья, и с каждым его словом лица остальных мрачнели все сильнее. — Первой его целью будут именно отряды сопротивления. Сейчас их пять. На Востоке и Западе, у Южной границы, у Голубого озера и наш, самый маленький, у Северного Ущелья. Он планирует разбить сначала сопротивление, потом забрать неугодных и не перешедших на его сторону Хранителей, а затем уже, с помощью предателей, открыть себе портал в Ваш мир. У нас пока не так много сил, и отбиться ежели что, уже не сможем. — хмуро заключил богатырь. — Завтра утром мы с отрядом делаем вылазку к его территории, дабы посмотреть, как Василису можно вытащить.

— Мы с вами, — решительно произнес Максим, а Кощей рядом, не задумываясь, кивнул.

— Люди очень нужны, — благодарно улыбнулся Илья. — Отправляемся на рассвете, так что поешьте хорошенько и выпитесь. Я прикажу приготовить палатку. Прости, Руслана, — повернулся ко мне, — ты не против переночевать с друзьями? Женщин, как и лишнего отдельного шатра, у нас в отряде нет.

Я равнодушно пожала плечами. Да какая мне разница. Мы уже столько дней бок о бок спим.

Дав добро, мы, пришибленные совершенно не радужной информацией, снова вышли на улицу и, вяло переставляя ноги, двинулись к пылающему в густеющих сумерках костру. Готовящий ужин невысокий рыжий паренек с россыпью бледных веснушек на вздернутом носу, приветливо махнул нам рукой, призывая ближе и ловко переворачивая аппетитно скворчащее над пламенем мясо.

— Усё готово будет, сейчас, — радостно сообщил нам поваренок. — Погодите пару минуточек. Усё почти.

Мы устало кивнули и присели на поваленные вокруг костра деревья. Колобок привалился ближе к моей ноге, и я заметила, как он упорно пытается бороться со сном. Улыбнулась и подняла все-таки задремавший хлебушек на руки, давая ему поудобнее устроиться у себя на коленях.

Пока мы были у Ильи, на лес окончательно спустилась ночь. Вокруг по-прежнему продолжали бродить занятые своими делами люди. Коренастый светловолосый мужчина в паре шагов от костра собирал стрелы в колчан, чуть позади него, совсем молодой паренек в свободной хлопковой рубашке тренировался в метании кинжалов, а ко все еще занимающемуся готовкой поваренку подошел высокий поджарый воин в кольчуге, начиная укладывать в походный мешок некоторые продукты. В общем, готовились к

утренней вылазке.

Все-таки, странное существо — человек, и даже жутко становится от такого, как быстро он ко всему адаптируется. Месяц-два назад, расскажи мне кто, я бы ни за что не поверила ни в существование Сказочного Леса, ни Василисы с Кощеем, ни, уж тем более, Колобка или русалок. А сейчас вот сижу и наблюдаю за подготовкой самых настоящих богатырей к битве с самым настоящим Иваном-Царевичем.

Было бы смешно, если бы не было так страшно.

— Руслана, — позвал меня Максим.

Я не отозвалась, не имея ни малейшего желания с ним разговаривать.

— Руслана, не веди себя как ребенок. — раздраженно фыркнул Хранитель, пытаюсь привлечь мое внимание.

— Сам такой.

— Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, — проигнорировал мои слова парень. — Но завтра ты точно никуда не пойдешь.

Я возмущенно встрепенулась, не выдерживая и все-таки поднимая на него рассерженный взгляд. Вот только парня это ничуть не тронуло.

— Начнешь спорить — я тебя свяжу. — жестко предупредил он.

По взгляду можно было понять абсолютно точно — свяжет и не почешется.

— Руслана, Максим прав. — встал на сторону соседа Кощей. — Отправляться к логову Ивана — слишком опасно. Тем более учитывая, что у него за армия. Ты хоть представляешь, кто такие вурдалаки?

Я не представляла. Да и представлять совершенно не собиралась. Я смертельно устала, хотела есть, спать, найти Василису и вернуться домой. Но почему, черт возьми, им постоянно нужно напоминать мне о моей бесполезности и никчемности? Почему вместо того, чтобы просто поговорить и спокойно все объяснить, нужно непременно указать мне на мое «место» и приказывать, что я должна делать? Почему? Я взрослый человек! А они обращаются со мной как с маленьким неразумным ребенком.

Стало чертовски обидно, а в груди обжигающей волной разгоралась злость.

— Знаете, что? — неожиданно громко процедила сквозь зубы, резко поднимаясь с места и скидывая с себя проснувшегося Колобка. — Ешьте сами свой ужин!

Сердце бешено колотилось. Тело потряхивало, а дрожащие ноги сами несли меня прочь от костра и что-то кричавших в след друзей.

Если быть честной, я до конца не понимала, откуда взялась эта злость. Прекрасно ведь знала, что друзья правы и я ничем помочь не смогу, а вот мешать точно буду. Да и вообще, я даже не собиралась никуда идти, о чем, между прочим, хотела сказать Максиму изначально! Вот только то ли из-за слишком большого количества потрясений на одну бедную голову, то ли из-за пренебрежительного и даже немного унижительного тона Хранителя, но прямо сейчас психануть мне хотелось куда больше, чем оправдаться. Растущий в геометрической прогрессии гнев не давал дышать и требовал срочного выхода. Если точнее, у меня просто начиналась истерика.

— Где наша палатка? — рывкнула на незнакомого паренька, попавшегося под руку.

Думаю, тут вряд ли остались те, кто не знали о нашем приходе, так что он должен был быть в курсе временного пристанища путешественников. Паренек испуганно от меня отшатнулся и махнул рукой в сторону. Я, коротко поблагодарила его и понеслась в указанном направлении, стремясь как можно быстрее оказаться наедине с собой и, наконец-то, хорошенько выплакаться.

Показывать кому-то свои слезы не собиралась. В конце концов я знала, что рано или

поздно нервная система должна была дать сбой из-за непрекращающегося потока удивительных событий, и возможность поплакать в одиночестве казалась сейчас подарком свыше.

6.2

Ворвавшись в темное и душное помещение, я сразу же зарылась в одеяло на импровизированной постели у дальней перегородки и совершенно не женственно заревела. Плевать было на все. И на Ивана, который угрожал не только сказочному, но и нашему миру, и на Хранителя, который с каждым днем все прочнее оседал в моем сердце, но при этом вел себя, как порядочная скотина, и на Кощея с Колобком, принявших его сторону. Вообще на все плевать! Пусть делают, что хотят! Вот возьму и исполню желание Максима: дожусь, пока они вернутся и уеду отсюда, раз и навсегда забывая обо всем. Вернусь в Москву, поживу у Светки, может быть найду работу или признаюсь во всем родителям. Не важно! Главное — стану жить, как прежде, и ни разу не вспомню ни Лес, ни его сказочных жителей!

Да вот ни черта! Себе то не ври, Лесницкая! И вспоминать будешь и скучать. Разве ты сможешь находиться где-то в городе и каждый день спокойно ходить в надоевший неуютный офис, при этом зная, что где-то живут самые настоящие Василиса и Кощей Бессмертный? Разве сможешь жить по-прежнему, понимая, что всего в семистах километрах находится Лес, по чьим тропкам катится Колобок, а в глубоком чистом озере плещутся красноволосые русалки? Сможешь спокойно осознавать, что в темной мрачной чаще обитают смертельно опасные красавицы-мавки, а где-то далеко от границы организует свой отряд отважный богатырь Илья-Муромец? Сможешь, в конце концов, нормально жить, не видя каждый день смешливых пронзительно-голубых глаз с серыми прожилками и яркими ободками?

Не сможешь, Лесницкая. А если придется, то просто сойдешь с ума.

— Руслана, — сквозь истерику донесся до меня растерянный голос обладателя глаз, о которых я только что вспоминала.

Парень мялся у входа, не решаясь подойти ближе и беспомощно оглядываясь.

— Руслана, ты плачешь?

— Нет, я смеюсь, — всхлипнула, совершенно не желая поворачиваться и показывать соседу опухшее лицо.

— Я боюсь женских слез. — честно предупредил он меня. — И совсем не знаю, как вести себя с ревушими девушками.

— Я тебя сюда не звала! — возмущенно хлюпнула носом.

— Я извиниться пришел.

Я удивленно замерла, прекращая плакать. Такого поворота событий я точно не могла предугадать. Чтобы Максим вдруг решил извиниться? Небо что ли на землю свалилась, пока я здесь плакала?

Хранитель еще немного потоптался у входа, а потом двинулся ко мне, нерешительно садясь на край импровизированной лежанки из кучи сваленных на земле теплых тряпок.

— Прости, я слишком на тебя давлю.

Я сглотнула, не ожидая такой быстрой капитуляции и не понимая, что теперь должна делать. Кающийся Максим в планы моей истерики никак не входил. Я была уверена, что, если сосед явится, он начнет спорить и ругаться, и уж тогда-то я с чистой совестью могу окончательно поддаться эмоциям и высказать, наконец, Хранителю все, что думаю о нем и ситуации в целом. Однако парень сейчас совершенно искренне извинялся, чем вводил меня в состояние ступора.

— На тебя слишком много свалилось в последнее время, а я был неосмотрительным и нагрубил.

— Ты серьезно? — непроизвольно всхлипнула, во все глаза рассматривая растерянного Максима (редкое, к слову, зрелище).

— Серьезно. Прости.

— А с чего это вдруг? — поинтересовалась, нерешительно приподнимаясь на локтях. — Значит, завтра иду с вами?

— Нет, конечно, — мгновенно открестился сосед. — Завтра ты, в любом случае, сидишь в лагере.

Ну, все понятно. Ничего не меняется. Все такой же приказной тон и наплевательское отношение к моему личному мнению.

— Ты — скотина! — обвинительно припечатала, чувствуя, что только отошедшая истерика снова занимает свои позиции. — Все мужики скотины!

— Так уж и все? — хмыкнув, приподнял бровь собеседник.

— Все! — завывала я, откидываясь назад на одеяло и понимая, что нервы сдают окончательно, лишая меня возможности контролировать вылетающие изо рта слова. — И босс мой скотина, потому что уволил! И Алексей скотина, потому что на какую-то тощую блондинку променял! И ты скотина, потому что... — тут я замялась, не зная, какой аргумент лучше привести. В голову ничего путного не лезло, и я ограничилась логичным: — Потому что — скотина.

Хранитель удивленно кашлянул, но промолчал, а я продолжила, где-то на периферии сознания ловя себя на мысли, что завтра обязательно пожалею об этом срыве:

— И вообще! Все это, бред сумасшедшего! Как могут сказки существовать в реальности?! Это же невозможно! Магия, нежить, говорящий хлеб! Да я больна! Я каждую минуту ожидаю, что очнусь в психушке! А все ты виноват!

— Я тебя за собой следить не тащил. — справедливо возразил парень. — Ты сама решила, что чужая личная жизнь тебя касается.

— Ничего подобного, — скуксилась, всхлипывая и ощущая, как стыдливо горят щеки. — Я не специально! Сначала мне просто было скучно, а потом я помочь хотела!

— Скучно ей было! — фыркнул Максим. — Зато мне было весело, когда я вернулся, а Кентервильское привидение заявляет, что видело, как новая соседка пошла в лес следом за мной. Ты хоть представляешь, что я себе напридумывал, когда ворвался к тебе домой, а там только пьющие рабочие, которые говорят, что хозяйки с утра не видели? Я в джип, и снова в лес. Тебя нет нигде. А что было бы, если бы ты не Василису встретила, а кого-нибудь похуже?

Я подняла заплаканные глаза на возмущающегося Максима и с надеждой спросила:

— Ты что, волновался за меня?

— За тебя нет, — тут же разбил все мои романтические мечты сосед. — А вот за Лес — да.

— Ну тебя, — всхлипнула, отворачиваясь и снова начиная плакать.

Спустя пару минут моих завываний, рука Хранителя нерешительно коснулась плеча и осторожно потеребила.

— Руслана. — тихо позвал парень.

Я дернулась, но тот не отпустил.

— Руслана, не плачь, пожалуйста. Я правда ненавижу ревущих девушек. — голос звучал до смешного жалобно и, если бы не ситуация, я бы непременно засмеялась. — Ну черт!

Максим не выдержал и, ругнувшись, лег рядом, без усилий разворачивая меня к себе лицом. Мой покрасневший и опухший нос уткнулся в ключицы Хранителя и уловил едва заметный приятный еловый запах. Истерика от неожиданности застряла в горле, а сердце зашло в новом приступе.

— Отпусти, — пискнула, машинально упираясь сжатыми кулаками ему в грудь и пытаюсь хотя бы на сантиметр сдвинуться.

— Не дождешься, — фыркнул парень, игнорируя мои жалкие попытки освободиться и лишь сильнее напрягая обнимающую меня руку.

— Максим, пусти!

— Не отпущу, пока не успокоишься! — заявил он, притягивая еще ближе к себе.

Где-то внутри гнев отступал под натиском теплой волны невероятно приятного чувства, растекающейся от кончиков пальцев до макушки. Вдоль позвоночника предательски побежали колючие мурашки, а холодные ладони вспотели от нервного напряжения.

— Я спокойна! — прошептала я.

Это было самой настоящей ложью. Близость парня прогнала истерику, но напрочь вывела из жалких остатков душевного равновесия. Бешено стучащий орган, гоняющий по организму кровь, успокаиваться никак не желал, а скулы сводило от нестерпимого желания блаженно улыбнуться, которое я сдерживала из последних сил.

— Сейчас спокойна, а потом опять реветь начнешь. Третьего приступа истерики я точно не переживу и пойду вешаться. Готова взять на себя вину негеройской смерти Хранителя?

— Идиот, — буркнула шепотом, а сосед мягко засмеялся.

Его рука неожиданно прочертила еле заметную дорожку вдоль позвоночника, а я задрожала.

Нет. Нет, не реагируй на него так, Лесницкая, не смей! Однако тело слушаться не желало, мгновенно покрываясь мурашками и начиная труситься. Пальцы Максима вроде бы в успокаивающем жесте продолжали поглаживать мою спину, а я закусил губу, сильнее утыкаясь в грудь обнимающему меня парню и понимая, что совершенно не в силах прогнать от себя бушующие чувства.

— Руслана, — низким голосом прошептал мне на ухо Хранитель, отчего по телу прошлась новая горячая волна.

— Что? — тихо спросила, зажмуривая глаза.

— Про босса твоего я знаю... А, кто такой Алексей?

Вопрос был неожиданным, однако я нашла в себе силы коротко и обиженно ответить:

— Предатель — бывший.

Максим понятливо хмыкнул, а потом спросил еще, поглаживая меня по спине:

— А настоящий есть?

Я продолжала таять под легкими прикосновениями рук парня, который ничего особенного не делал, и вяло отозвалась:

— Нет. — опомнилась и поинтересовалась: — А что тебя так это интересует?

— Просто так, — фыркнул Хранитель, а потом наклонился ближе и прошептал, обдавая горячим дыханием кожу на виске: — Спи.

— Что прям так? — опешила, поднимая глаза и встречаясь со смеющимися взглядом соседа, который вмиг натолкнул меня на мысль отомстить за его наглость своей вредностью.

— А что?

— Ты лежишь рядом!

— Тебе не нравится?

Я осеклась, а потом решительно выдавила из себя наглую ложь:

— Нет, конечно! Я девушка, что обо мне подумают, когда увидят, что я сплю с чужим парнем?!

Максим не поверил мне. Совершенно. Хмыкнул и лишь сильнее прижал к себе, сокращая расстояние между нашими лицами до ничтожного и еле заметно усмехаясь:

— Палатка общая, а место мало. Не будешь же ты меня прогонять.

— Буду! — тут же выдохнула, старательно игнорируя гипнотизирующие серые омуты. — Иди вон к другой стене!

— Не хочу! — упрямылся парень. — Мне рядом с тобой уютно. Не люблю замерзать во сне.

— Тогда спи с Кощеем! — продолжала протестовать я. Крайне неохотно, между прочим. — Из него тоже неплохая грелка получится.

Максим расхохотался, а потом абсолютно неожиданно наклонился и чмокнул меня в нос, вводя в продолжительный ступор:

— Спи, Руслана. Завтра будет тяжелый день.

Сказал и закрыл глаза, делая вид, что засыпает. А я тяжело задышала, расширившимися от шока глазами смотря на спокойное и смешливое лицо парня в паре сантиметров от моего. Ну и какого черта он творит? Спать? Спать?!

Руки Хранителя на талии сжались сильнее.

— Прекрати пыхтеть, как обиженный ежик. — сонно хмыкнул он. — Я, между прочим, чертовски устал, так что хватит прожигать меня взглядом и возиться. Спи.

И уснул. Просто взял и уснул за пару секунд, начиная негромко посапывать и оставляя меня наедине с сошедшими с ума мыслями, что грозились вот-вот разорвать разум на части. Не знаю, как мне удалось уговорить себя успокоиться и не наброситься на сладко дремлющего соседа с кулаками. Видимо, усталость сыграла свою роль, и уже через несколько минут сон сморил и меня, вынуждая отказаться от попыток выбраться из обнимающих крепких рук и отложить важные размышления на завтрашний день...

Утро встретило уютным сопением Максима над ухом и грозным матом за стенами палатки. Я сонно приоткрыла глаза и моргнула, пытаясь отделить реальность от еще не ушедшего до конца сна. Зябко поежилась и прислушалась к голосам снаружи. Их было сразу несколько, и все они умело витиевато ругались, но по обрывкам фраз я так и не смогла понять, что, собственно, случилось. Тем более с каждой секундой слова разбирать было все труднее из-за громкого шума неизвестного происхождения и разбушевавшегося ветра, от которого опасно шатались стены палатки. Казалось, что на поляну, как минимум, приземлялся вертолет.

— Максим, проснись, — потормошила расслабленно сопящего парня.

Бесполезно. На улице Армагеддон творился, а он даже бровью не повёл.

— Максим! — гаркнула на ухо Хранителю.

Парень, недовольно поморщившись, соизволил, наконец, разлепить глаза и уставился на меня взглядом смертельно уставшего человека.

— Руслана, будь человеком, дай поспать, — пробурчал он, притягивая меня к себе ближе и утыкаясь носом в мою шею.

От подобных манипуляций парня, лично у меня сон прошел моментально, зато Хранитель снова провалился в царство Морфея, не испытывая ни малейших угрызений совести. Я переборола в себе желание жестоко отомстить парню за наглость, и, тяжело выдохнув, осторожно выбралась из его объятий. Пусть поспит, пока есть возможность. За

те дни, что мы шли, парень спал от силы четыре часа в сутки, что вряд ли положительно отразилось на его здоровье.

Гул снаружи нарастал, а стены палатки зашатались еще сильнее. Я нахмурилась и, бросив на сладко сопящего соседа еще один взгляд, вылезла на улицу.

Солнце еще не встало, но ночная темнота уже сменилась предрассветными сумерками. Ярко горевший вчера костер сейчас медленно тлел, а сильный ветер растаскивал по земле его потухающие угли. Несмотря на ранний час, обитатели лагеря были уже на ногах. Более того, взбудораженные люди, словно сумасшедшие, бегали вокруг, о чем-то перекрикиваясь и махая руками в сторону леса. Я удивленно хлопнула глазами, наблюдая за их судорожными перемещениями и подумала, что лучше все-таки вернуться и разбудить Максима. Вокруг явно творилось что-то непонятное.

Развернулась в сторону палатки и, неожиданно, наткнулась на уже знакомого со вчерашнего вечера парня с длинной белой косой.

— Что случилось? — закричала ему, стараясь переорать оглушающий шум.

Тот как-то загадочно улыбнулся и поднял вверх палец. Я проследила за его рукой и замерла.

В небе, прямо над нами, находился гигантский, крылатый, чешуйчатый... Дракон! Самый настоящий! Он махал своими огромными крыльями, зависнув над нашей поляной и, видимо, искал место для посадки. Его размеры были настолько большими, что в поле нашего зрения умещалось только огромное брюхо с толстыми когтистыми лапами, которые монстр поджимал под себя в попытке приземлиться. Моя челюсть плавно отпала, а я все продолжала ошарашенно рассматривать гигантское чудо. Из-за ветра, поднимаемого его крыльями, палатки и деревья вокруг шатались, а люди хватались с земли легкие вещи, чтобы не дать им улететь.

Спустя две минуты бесполезных попыток Дракона сесть, лес пронзил гортанный рык, словно чудовище разозлилось и решило таким образом выплеснуть негативные эмоции. Где-то со стороны его головы, которой не было видно нам, поднялось облачко дыма и быстро рассеялось в воздухе.

Мамочка моя! Он еще и огнем плюется! Обалдеть!

— Руслана! — донесся до меня крик.

Я оглянулась на все того же блондина, который, неожиданно, схватил меня за локоть.

— Нужно уходить! Он может психануть и сесть!

— А что? У вас драконы тоже водятся? — выдохнула, игнорируя предупреждение парня и по-прежнему зачарованно рассматривая чешуйчатое брюхо.

— Драконы не водятся. — фыркнул тот. — А вот Змей Горыныч о трех головах имеется. И, если мы сейчас же отсюда не уйдем, он превратит нас в лепешку.

Он потянул меня в сторону, а я, восторгаясь, вырвалась, снова бросаясь ко входу в палатку.

— Там Максим! — крикнула удивленному блондину.

Нырнула внутрь, и тут же уткнулась носом в грудь вылезающего наружу недовольного Хранителя. Парень схватил меня за плечи, не давая упасть от неожиданности, и вытащил нас обоих на улицу.

— Тут я, — хмуро произнес он, тяжело вздыхая. — Разорались с утра пораньше. Только заснул нормально.

— Да какой сон! — возмутилась я и ткнула пальцем в небо: — Смотри!

— А то я не видел, — ехидно фыркнул Максим.

Он крепко схватил меня за ладонь и потянул за собой, двигаясь следом за блондином,

что уже направлялся в лес от опасной поляны зоны.

Обитатели лагеря, тем временем, проверили все палатки на предмет еще не проснувшихся товарищей, вывели всех наружу, и тоже устремились скрыться за деревьями, при этом, почему-то, не разбегаясь далеко. Все дружно подняли головы к небу, где за верхушками качающихся от ветра деревьев по-прежнему виднелось чешуйчатое тело, а я все никак не могла понять, почему никто не атакует потенциальную угрозу. Лучники со спокойными выражениями лиц стояли рядом, иногда бросая жалостливые взгляды в сторону лагеря. Некоторые вообще расслабленно уселись на траву и весело о чем-то разговаривали, словно наблюдая за цирковым представлением.

— Куда мне сесть, мать вашу?! — неожиданно пронесся над лесом громкий рёв, который заложил уши и заставил нас всех передернуться.

Монстр сделал пару взмахов крыльями, поднимаясь повыше и разворачиваясь. Где-то в районе его голов, с громким треском повалилось парочка деревьев.

— Не могли, ешки-матрешки, еще поуже поляну найти? Я вам бабочка что ли? — продолжал ругаться разозленный Змей, а Максим слева от меня неожиданно засмеялся, как, впрочем, и все остальные.

— Он что, за нас? — догадавшись, поинтересовалась у Хранителя.

Тот кивнул и, сложив руки лодочкой, заорал:

— Горыныч! Километрах в пяти есть лесоповал. Там приземлись, а мы сейчас придем!

— Ух, мне бы вас поджарить хорошенько, да на шашлык пустить, дабы впредь головами думали! — этот громовой голос разительно отличался от предыдущего. Он был немного ниже и звучнее, но по-прежнему исходил от того же тела. Неужели другая голова?

— Сам себе пузо отъел, вот и не умещаешься, — басом загоготал Илья Муромец. — Лети давай, и так нам тут все палатки, ирод, поносил!

— А вы их ставить сначала научите! — рыкнул Горыныч, делая широкий взмах крыльями и взмывая сразу метров на тридцать.

Я зачарованно наблюдала, как крылатое чудо удаляется и быстро развернулась к Максиму, начиная трясти того за руку.

— Куда он полетел?! Пойдем скорее! Пойдем!

Парень захохотал.

— Ты как маленький ребенок, Руслана, честное слово.

— Сам такой, — махнула я головой. — Ну пойдем! Я хочу посмотреть! Пожалуйста!

Змей Горыныч, как и было велено, приземлился примерно километрах в пяти от нашей стоянки. Здесь неподалеку раньше, видимо, работали лесорубы и место было более-менее свободным. Правда пограничные деревья эта туша все-таки снесла.

Я во все глаза начала рассматривать крылатое чудо, когда мы были еще метрах в пятистах от него. Огромное тело, на котором свободно могло бы поместиться три, а то и четыре больших танка. Обтянутые плотной кожей крылья, которые сейчас Змей сложил по бокам, делая их почти незаметными. Две громадные лапищи, с длинными и острыми когтями, каждый из которых размером с семи-восьмилетнего ребенка. Все это очень напоминало мне дракона из иллюстраций книг (только раз в пять больше, чем я себе представляла) или даже какого-то динозавра. Вот только то, что начиналось выше грудины этой махины разбивало мне разум на части и заставляло задуматься, а не чокнулась ли я, часом, окончательно. Это были три относительно тонкие и подвижные для его тела шеи, которые шатались в разные стороны. Каждая из них заканчивалась вытянутой длинной мордой с широко раскрытой зубастой пастью и глубокими ноздрями, из которых иногда вырывался желтоватый дым. Меня удивило, что все три головы были не похожи друг на друга, начиная от строения костей и заканчивая банальным цветом

огромных выпученных глаз со змеиными зрачками.

— Это все ты виноват. — сокрушалась самая крайняя голова, стреляя ярко-песочными глазищами в своего соседа. — Я говорила, что нужно левее!

— Ой, да что ты! Самая умная? — спорила с ней вторая, с бледно-голубыми, почти белыми, радужками глаз.

Третья с темно-красными, спокойно наблюдала за перепелкой первых двоих, даже не думая вмешиваться.

— Я сейчас упаду в обморок. — прошептала я, рассматривая Горыныча. — Это уже слишком...

— Ловить не буду. — предупредил Максим и вкрадчиво добавил: — Оставлю здесь на съедение местному зверью.

Я пропустила ехидный комментарий Хранителя мимо ушей и, словно загипнотизированная, двинулась за потянувшимися к Горынычу людьми. Подойдя поближе, Илья залиvisto свистнул, стремясь привлечь к себе внимание, что, впрочем, осталось незамеченным. Змею, казалось, было плевать на появившихся на поляне гостей, и он распалялся все сильнее. Синеглазая и желтоглазая головы уже перешли от слов к действиям и бодали друг друга мордами.

— Никогда мне не доверяешь! — ревела средняя голова. — Постоянно я во всем виноват!

— Потому что ты глупец! — орала крайняя. — Я тебе сто раз говорила, чтобы ты слушался нас!

— Да с чего я должен вас слушаться?!

— Они что, — шепотом поинтересовалась я у Хранителя, — разных полов, что ли?

— Ага, — фыркнул тот, складывая на груди руки.

— Серьезно?! — опешила, даже не зная, как реагировать. В голове сей факт укладываться абсолютно не хотел. — Как это возможно?

— Понятия не имею. Я в их физиологии не разбирался. — хмыкнул Максим, которому наблюдать за перепалкой Горыныча явно надоело. Как, впрочем, и остальным из отряда, и крайней красноглазой голове, до этого терпеливо молчавшей.

— А ну-ка цыц. — рявкнула она, выпуская из ноздри тоненькую струйку дыма.

От потока горячего воздуха пошатнулись деревья, а заодно и мы, случайно попавшие под раздачу.

— Ишь развели курятник! — продолжала нравоучения морда. — И не стыдно?

Две соседних ей, обиженно фыркнули и гордо отвернулись друг от друга, а она все-таки повернулась к нам, чуть наклоняя шею:

— Доброго дня, людишки.

Последнее слово прозвучало немного обидно, но внимания на это никто не обратил.

— И тебе не хворать, Горыныч. — громко отозвался Илья. — Мы тебя так рано не ждали. Сегодня к Ивановой границе собирались на вылазку.

— А вот и зря! — обиженно отозвалась средняя голова. — Мы, между прочим, с важными новостями. Плохими.

— Что случилось? — нахмурился Богатырь.

— Он — разведчик, — шепнул Максим ничего не понимающей мне на ухо.

Я закашлялась. Seriously? Горыныч?! Разведчик? С его-то габаритами?!

— Иван войско собирает, — тем временем продолжал Змей. — Большое войско!

— Это мы и без тебя знаем, трехголовый — Илья задумчиво почесал висок. — Что-нибудь посущественнее узнал?

— Узнал. — одновременно кивнули все три морды. — Войско это под землей у Ивана скрывается. Лучей солнечных боится. Несколько тысяч мертвяков в подземельях силы набираются. Да только супротив солнца им все равно не попереть. Природа, куда деваться.

— Отличная новость! — восторженно воскликнул Илья.

— А что же? — задумчиво протянул Кощей. — Днем замок совсем без защиты?

— Ды как же без защиты, — фыркнула желтоглазая. — Солдаты Ивановские повсюду. И где набрал столько, окаанный? И с луками стоят, и с мечами, и с топорами, и с палицами. Нигде лазеек нет, не добраться внутрь, ну никак.

— А если с воздуха?

— А с воздуха намагичено там шибко, — задумчиво фыркнула красноглазая голова. — Четыре Хранителя в замке засели, да магией своей занимаются!

— Как четыре? — охнул Кощей. — Три же было!

— Дык с Северных Лесов еще один к ним перекинулся, — отозвался Горыныч. — Сергеем, кажется, кличут.

Илья мрачно выругался, а остальные нахмурились. Да уж. Не слишком радужная картина вырисовывается. И чем дальше, тем страшнее.

— И как же попасть внутрь? — Максим задумчиво теребил рукоять висящего на поясе меча.

— А нам сверху ничего и не видно больше. Это уж вы сами теперяча. Тем более, раз собирались на разведку идти. — отозвался Горыныч.

Ему, видимо, было неудобно долго стоять неподвижно, поэтому он, переминаясь с лапы на лапу так, что земля под нашими ногами задрожала, немного развернулся, случайно поваливая хвостом еще несколько елей позади себя.

— Он прав! — громко хлопнул в ладоши Илья. — Нечего тут языками чесать. Два часа до выхода осталось. Возвращаемся!

Маленький отряд, быстро попрощавшись с чешуйчатым монстром, двинулся обратно в сторону лагеря, а Максим неожиданно схватил меня за руку и потянул к покачивающемуся Горынычу. Я удивленно хлопнула глазами, а парень на мой немой вопрос коротко хмыкнул:

— Познакомлю.

6.3

Я с трудом сдержала восторженный визг и послушно последовала за Хранителем.

На расстоянии вытянутой руки Горыныч казался просто невероятно огромным. Расстояние от земли до подбородка двигающихся голов, наверное, равнялось высотой двадцатизэтажному дому, а грудина вообще была необъятной. Мы подошли настолько близко, насколько это было возможно и безопасно, и Максим свистнул, привлекая к себе внимание. Три головы одновременно уставились на нас и медленно двинулись ближе к земле.

Выглядело жутковато. Извивающиеся шеи на самом деле напоминали змей, а раздвоенные языки, которые отчетливо виднелись из приоткрытых пастей, вместе с острыми клыками наводили трепетный ужас. Вот только вместо желания сбежать у меня почему-то прорезалось другое и не менее острое — потрогать их за морду. Но я подумала, что вряд ли гордому Горынычу подобное понравится, и решила оставить свои хотения при себе.

— Привет, Максим, — жеманно прошипела желтоглазая голова, как только все три опустились чуть выше уровня наших глаз.

Нет, вы посмотрите на него. Даже морда Горыныча и та с ним кокетничает.

— Хранитель, а кто это с тобой? — спросила синеглазая морда, замечая меня.

— Привет! — помахала, растерянно улыбнувшись. — Я — Руслана!

Чудище прищурилось, внимательно меня рассматривая.

— Ого, Максим. И давно ты суженной обзавелся? — наконец, заинтересованно приподняла брови красноглазая.

Две других загоготали, я стремительно покраснела, а Хранитель насмешливо фыркнул:

— Да вот недавно. Свалилась на мою голову. Теперь нервы треплет.

Я даже не успела возмутиться такой наглой лжи, теряясь между желанием язвительно ответить на заявление о расшатанных мною нервах и поинтересоваться, а когда это я, собственно, успела стать его суженной? И что это за слово вообще такое странное?

— А вообще, она внучка Марьи Егорьевны. — заметив мое возмущенное пыхтение фыркнул Максим, удивляя меня еще больше. Обычно парень не упоминал об этом и уж точно не представлял меня другим подобным образом. Боялся, что все начнут меня считать Истиной Хранительницей, а я в итоге ей не окажусь. Однако, сейчас почему-то сказал, что незамедлительно вызвало уже привычную реакцию:

— Seriously? — обрадовались все три головы одним громогласным рёвом. — Дык Хранительница что ли? Ой, радость какая!

— Нет, — тут же отрицательно замотала головой я и тише добавила: — Вернее, еще пока не знаю.

— Дык это дело поправимое, — ничуть не расстроился Горыныч. — Ворон Ягушкин тебя и проверит, и поможет.

Я не хотела рушить настроение обрадовавшегося чудища, но и врать тоже не собиралась.

— Приболел Ворон, — вздохнула, косясь на задумчивого соседа, — а Яга улетела домой. Не можем сейчас проверить.

— Ну ничего! — успокаивающе фыркнула красноглазая морда. — Вот Ваньку победим и узнаешь!

Ее соседи важно покивали, почти в половину сгибая длинные шеи, а в мою голову закрался вопрос, сводящий с ума своей настойчивостью. Правда, я не была уверена, будет ли вежливым задавать его.

— Послушайте... — начала, но тут же осеклась, не зная, как продолжить.

Максим, перехватив мой озадаченный взгляд, хмыкнул и одобряюще кивнул, прибавляя мне решимости в удовлетворении собственного любопытства.

— А как вы живете? Ну вы же... — замялась, подбирая подходящее слово, — разные!

Горыныч задумчиво дыхнул дымом, видимо, соображая, что именно я имею в виду. Пару секунд растерянно хлопал огромными глазами, а я уже пожалела, что вообще задала глупый вопрос. Но до желтоглазой морды, наконец, дошло, и она, мрачно хмыкнув рыкнула:

— Да хреново живем, если ты об этом. Эти мужланы никакого покоя не дают!

Две остальные головы тоже поняли, о чем я спрашивала, и тут же разозлились на обидное высказывание своей соседки.

— Да кто бы говорил! — рявкнул на нее синеглазый. — Вообще ничего сделать не можешь! Висишь тут и бездельничаешь!

— Да что ты! — ехидно отозвалась та. — Сам-то много мыслей умных надумал? Дураком родился, дураком и помрешь!

— Ты только не забывай, что помрем вместе-то!

— Ой, да я прям сейчас готова, лишь бы твою болтовню больше не слышать!

— Да чт...

— Эмм... — я подняла руки, пытаюсь привлечь внимание снова разошедшегося Горыныча.

Максим откровенно потешался, а красноглазая голова, судя по всему, самая адекватная и спокойная, уже клевала носом. Зря я вообще этот разговор завела. Сейчас разойдутся, а я так и не узнаю кое-чего еще, что меня интересовало не меньше.

— Простите! — тихонько покашляла, понимая, что меня не слушают. — Извините!

Ноль внимания и реакции. Хотя, я тут для них как пищавший комарик.

— Не так ты себе Змея Горыныча представляла? — прошептал мне на ухо Хранитель.

Я повернулась к смеющемуся парню и тоже фыркнула.

— Честно говоря, я вообще его никак не представляла, — тихо отозвалась. — Просто не задумывалась никогда над сказками с ним. И не очень любила в детстве.

Парень понятиливо хмыкнул и задрал голову.

— Горыныч, завязывай, а то опять сейчас передеретесь! — крикнул он.

Головы снова друг на друга надулись и повернулись к нам. Я подождала и, поняв, что ругаться они больше не намерены, задала еще один вопрос:

— А вы правда огнем дышать можете?!

— Можем, конечно, — гордо задрала подбородок средняя голова. — Показать?

— Не надо, — тут же отказался Максим, хотя я только что собиралась громко заорать «Давайте!» — Ладно, Горыныч, пора нам. Скоро отходить уже.

— Удачи, Хранитель. — кивнула кареглазая голова. — И тебе, Руслана, удачи.

Мы с Максимом дружно попрощались, и парень потянул меня обратно. Я все еще оглядывалась на Змея, который, кажется, собрался немного вздремнуть, а когда тот окончательно исчез за деревьями, недовольно потерела идущего впереди парня за руку.

— Ну и чего ты?

— А ты хотела, чтобы он тут весь лес к чертям спалил и раскрыл врагам наше местонахождение?

Я обиженно засопела, понимая, что сглупила. Вот только любопытство не порок, как говорится, и желание увидеть когда-нибудь дышащего огнем трехголового чудовища никуда не делось, прочно оседая на задворках подсознания.

Лагерь суетился еще сильнее, чем вчера. Небольшой отряд, что вот-вот должен был отправиться к логову Ивана, активно готовился к походу, завершая незаконченные вчера дела. Я сидела у костра и грустным взглядом наблюдала за людьми вокруг, а мрачные мысли атаковывали гудящий мозг подобно стае громко каркающих ворон. Отмахиваться от них не было ни сил, ни желания, поэтому сердце сжималось стальным обручем тревоги.

Максим не появлялся рядом уже полчаса, исчезнув в главном шатре вместе с Ильей, как только мы вернулись в рощу. Колобок и Кощей пошли туда же, а вот я решила не нервировать больше Хранителя и не лезть не в свое дело. В конце концов, ему сейчас нужно сосредоточиться, а не раздражаться на меня, как бы обидно это не звучало.

Около огня снова вчерашний поваренок, чью стряпню мне так и не довелось попробовать. Мальчонка, в очередной раз пробегая мимо, дружелюбно мне улыбнулся и сунул в замерзшие руки кружку с горячим чаем, снова возвращаясь к своему делу.

— Что готовишь? — благодарно кивнув, поинтересовалась, чтобы нарушить давящее на уши молчание.

— Кашу, — довольно отозвался рыжик, тряхнув медными кудряшками. — Сейчас все кушать будут. Вы не голодная?

Я пожала плечами, поднимая ко рту чашку с дымящейся в ней жидкостью и делая аккуратный глоток. Чай оказался очень вкусным и даже бодрящим. Наверное, был сделан из чего-то вроде чародейских трав, которые Яга для нас в пути собирала. Я улыбнулась, вспоминая о недавней знакомой, и отпила еще, обжигаясь, но опустошая кружку наполовину.

Солнце уже давно встало, и я с ленивым интересом оглядывала утренний лес, что уже стал привычным. Погода сегодня благоволила собирающимся на разведку путникам и была просто чудесной. Ясное небо, без единого намека на облачка радовало глаза своей чистой синевой. Дул легкий прохладный ветерок, благодаря которому клубящийся на рассвете туман не сгустился, а развеялся, оставив после себя лишь быстро исчезающие капельки росы. С небольшой речушки сразу за ельником отчетливо доносился приятный запах водорослей и свежести, а пробуждающиеся утренние птички разбавляли тихие звуки леса своим веселым задорным щебетанием и вселяли надежду, что все будет хорошо, и мои опасения совершенно беспочвенны.

— Чудесный день, не правда ли?

Я испуганно вздрогнула и подняла голову. На дерево рядом со мной опустился тот самый блондин с длинной косой. Парень приветливо улыбнулся, обнажая ровные белые зубы, и протянул озябшие пальцы к костру.

— Меня Андрей зовут, — представился он, отворачиваясь от огня ко мне и любопытно наклоняя голову. — А твое имя я знаю, Руслана. Его все здесь знают.

Я пожала плечами и отвернулась, чтобы не встречаться с внимательным взглядом собеседника. От него становилось немного не по себе.

— Ты тоже идешь на разведку? — спросила, не зная, о чем еще можно поговорить с незнакомцем.

Кружка в руках потихоньку остывала, и я благодарно кивнула подскочившему ко мне поваренку, который долил мне еще порцию вкуснейшего горячего чая.

— Нет, — мотнул головой блондин. — Я лагерь защищаю.

Я понятоливо кивнула, и мы оба замолчали, задумчиво наблюдая за танцующими пламенными языками. В тишине сидеть тоже было приятно, но немного неловко. Разговаривать с новым знакомым не хотелось, хотя парень показался мне крайне приятным. Просто сейчас я бы предпочла остаться наедине с собой и своими мыслями, а не судорожно думать, как поддержать затухающую беседу.

— А ты тоже какой-то известный сказочный герой? — вежливо поинтересовалась, только чтобы разрушить напряжение.

— Ну, это как посмотреть, — фыркнул Андрей, добродушно улыбаясь. — Все мы здесь сказочные герои. Просто кто-то главный, а кто-то второстепенный. Я, к примеру, просто солдат из деревни. Не думаю, что кто-то из сказочников сосредотачивал на моей скромной персоне свое внимание.

Я снова кивнула, задумчиво закусывая губу и не зная, о чем еще можно поговорить. В голове опять начала густиться каша из мыслей и тревог, связанных с походом, что вот-вот должен был оторвать от меня Максима и Кощея. Единственных близких мне здесь людей.

— А ты, Руслана? — неожиданно поинтересовался Андрей, поворачиваясь.

Я стушевалась под его пронзительным взглядом и непонимающе нахмурилась:

— Что я?

— Ты хочешь быть Хранительницей?

Я моргнула и отвернулась. Хороший вопрос. Хочу ли я? Да понятия не имею. Знаю, что не смогу спокойно жить, после всего, что произошло, но вот, хочу ли быть Хранительницей? Чего скрывать, я уже задумывалась об этом раньше, но старательно гнала подобные мысли прочь, убеждая себя, что размышлять об этом слишком рано. Проверку на истинность я еще не прошла, и когда пройду, неизвестно. Максим вон до сих пор уверен, что результат окажется отрицательным. А он ведь опытный Хранитель, наверняка что-то чувствует и понимает.

Беловолосый парень все еще ждал моего ответа, а я не знала, что должна сказать, чтобы не разочаровать или не обмануть. Все-таки он, наверняка, как и все остальные обрадовался новому Хранителю на стороне сопротивления, и вот так просто рушить зародившиеся надежды не хотелось. Как и врать.

От неловкой ситуации меня спас появившийся рядом Максим.

— А я думал, ты уже по мне тоскуешь и считаешь секунды до новой встречи, — шутливо покачал головой Хранитель, подходя ближе и переводя смешливый взгляд с меня на блондина. — А ты даже слезинки еще не проронила. И где твоя совесть, Руслана?

— Там же, где твоя. — вяло отмахнулась я от соседа. Нервы были натянуты, словно тетива, а душу острыми зубами грызла тревога. И повода шутить над этим я не видела.

Максим мое настроение понял и бросил в сторону Андрея красноречивый взгляд. Тот немного суксился и молча удалился, принимаясь помогать кому-то из отряда. Хранитель удовлетворенно кивнул и присел рядом. На его лице отразилась задумчивость, а пальцы начали крутить небольшой кинжал в кожаном чехле.

— Так волнуешься?

— Нет.

— Врешь же.

Я промолчала. Ну и зачем спрашивать, если у меня на лице все написано? Да, волнуюсь. Да, с ума, черт возьми, схожу. Буйная фантазия нарисовала уже огромную кучу различных исходов событий и ни один из них не был положительным.

Поваренок бросил на замолчавших нас заинтересованный взгляд и лучезарно улыбнулся. Выхватил из груды чистой посуды рядом с костром две глубокие миски и,

при помощи большого круглого половника, до краев наполнил их дымящейся кашей из общего котла.

— Кушайте, — вежливо произнес он, протягивая одну тарелку мне, а другую кивнувшему Максиму.

Мой желудок, лишенный вчерашнего ужина, громко заурчал, и я сглотнула голодную слюну, втягивая аппетитный запах мясной каши из незнакомой крупы. Рыжик вручил нам по ложке, а я осторожно поинтересовалась:

— А как же остальные? Может, подождем?

— Кушайте, — снова повторил паренек, беспечно махая рукой и отскакивая обратно к костру.

Больше говорить ничего было не нужно. Я зачерпнула первую ложку и, обжигаясь, проглотила, тут же начиная шипеть от боли. Более аккуратно завтракающий Хранитель хмыкнул и покачал головой, начиная уминать свою порцию.

Вкусный завтрак в уютном молчании немного поднял мое настроение, и все стало казаться относительно неплохим. Я блаженно потянулась, поглаживая уже не бурчащий от голода живот, и оглянулась.

Природа вокруг проснулась окончательно. В ельнике орудовали громкие дятлы и кукушки, над поляной с жужжанием проносились трудяги-пчелы и жирные шмели, а к костру постепенно стягивалось все больше народу. Рыжий поваренок, которого, как оказалось, звали Степкой, сновал туда-сюда, кормя бесконечный поток голодных ртов и то и дело ставя новые порции готовиться. В моей голове уже несколько раз промелькнула мысль сходить ополоснуться в речке неподалеку, но я твердо решила сделать это только после того, как уйдут Илья с отрядом.

Мысль о походе, мелькнувшая первый раз за последние двадцать минут, снова вернула меня в дурное расположение духа. Максим уже не сидел рядом, о чем-то разговаривая с Кошеем с другой стороны костра, и я, бросив на него печальный взгляд, снова предалась мрачным мыслям.

— Руслана, ты сейчас отгрызешь себе все пальцы.

Я дернулась, удивленно переводя взгляд на собственные руки с облупленными ногтями, которые я только что нервно покусывала, даже не замечая этого.

— А я думала, что отучилась от этой привычки еще в школе, — пробормотала, поспешно зажимая ладони между коленей и поднимая взгляд на подошедшего Андрея.

Парень выглядел иначе, чем полчаса назад. Простые хлопковые штаны и льняную широкую рубашку сменили плотные тяжелые брюки, высокие сапоги и тонкая кольчуга, подпоясанная широким ремнем, на котором крепился продолговатый кинжал и ножны для меча. Из-за плеч торчали изогнутый колчан со стрелами и лук, а волосы блондин снова заплет в длинную косу, правда, на это раз, затягивая тугим железным обручем вокруг головы. Я удивленно оглянулась и поняла, что большинство в лагере тоже переоделись и вооружились, словно прямо сейчас готовились к битве.

— Что-то случилось? — обеспокоенно спросила, краем глаза замечая, как Максим недовольно косится на присевшего рядом со мной блондина.

— Ты о чём? — тем временем пожал плечи тот, забирая из рук поваренка свою порцию завтрака.

— Оружие... — замявшись, кивнула я. — Зачем оно тебе?

Андрей отправил в рот пару ложек каши и обыденно пояснил:

— Так, если Иван отряд поймает, то и на нас сразу выйдет. Нужно будет лагерь защищать, вот мы и готовимся.

У меня внутри что-то оборвалось, а как раз прокатывающийся мимо Колобок застыл. Он

несколько раз перевёл взгляд с побледневшей меня на спокойно поглощающего кашу блондина и, неожиданно рывкнул, пугая подавившегося парня:

— Ты чего несёшь, окаянный?!

К нам тут же повернулись несколько удивленных лиц, а Максим с Кошеем нахмурились. Вот только я никого вокруг уже не замечала. В голове забилась новая бешеная мысль: они же сразу просчитали вариант, что разведка может не вернуться. И даже план дальнейшего действия продумали, молодцы какие. Кажется, от нервов у меня резко подскочила температура. От лица отлила кровь, зато ладони вспотели так, словно я засунула руки в парилку. Опять затрясся противный нерв под коленкой, а в горле встал осязаемый горький ком, мешающий нормально дышать. Нет, я, конечно, еще со вчерашнего дня уже на придумывала себе самые худшие исходы событий, но это были только мои мысли! И я хотя бы пыталась уговаривать себя, что это меня не ввели в курс дела, а у них там все под контролем, и все опасения абсолютно беспочвенны!

Так что же получается?! Ошибалась?!

Ошибалась...

— Ты ж ее до сердечного приступа так доведешь, ирод ты безмозглый! — продолжал ругаться Колобок на Андрея, удивленно хлопавшего глазами.

Максим встал со своего места и двинулся в нашу сторону.

— Что у вас тут?

— У нас тут Руслана сейчас Богу душу отдаст, — мрачно отозвался хлебушек. — Живой воды бы ей, а то, вон, руки как у старухи трясутся.

— Не правда, — тут же попыталась оправдаться я, но даже голос предательски сломался и задрожал.

Странно, а я думала, что вчерашний срыв облегчит мне участь и уменьшит нервное напряжение. Оказывается, все было только впереди.

Максим удивленно приподнял брови и опустил на корточки напротив меня, кладя свои большие ладони на мои трясущиеся коленки и стараясь заглянуть в глаза.

— Руслана, — вкрадчиво позвал он.

— Все нормально, — тут же соврала я. Вот только не хватало еще, чтобы со мной все тут как с маленьким ребенком возились. И так дружина недовольно косится на единственную в отряде девушку. Надеюсь, у них, хотя бы нет этих сексистских высказываний, как у моряков, вроде «женщина на корабле — жди беды!».

Максим прочитал в моих глазах мольбу не давать окружающим повода для насмешек и, кивнул стоящему рядом Кошее. Тот тоже все понял, за что я была невероятно благодарна.

— И чего столпились? — рывкнул Бессмертный бросающим на нас заинтересованные взгляды зевакам. — Своих дел мало?! Разведка через пятнадцать минут выходит! Собираться!

Мужчины и мальчишки, привлеченные руганью Колобка и топтавшиеся рядом в надежде узреть скандал, удивленно переглянулись и скусались, понимая, что с Кошеем спорить бесполезно. Те, кто еще не доели свои порции, быстро отправили в рот последние ложки и двинулись прочь от костра, а хлебушек, мрачно подпрыгивая, подгонял их.

Андрею, к слову, тоже досталось, причем, опять же от Максима. Хранитель снова обдал блондина тяжелым взглядом, без слов позволяющим понять парню, что ему сейчас лучше ретироваться. Буркнув какие-то извинения, блондин, так и не доев завтрак, удалился следом за остальными, а Максим снова повернулся ко мне. Его теплые ладони обжигали кожу на коленках даже сквозь ткань штанов, и я с огромным трудом сдержала рвущийся наружу всхлип.

— Руслана. Все хорошо будет. — голос Хранителя был уверенным и спокойным. В отличии от моего душевного равновесия.

— Я знаю, — кивнула я. Эмоции внутри бушевали, словно бешеные, но я совершенно не хотела выставлять себя нервной истеричкой.

— Неужели, ты в нас не веришь? — с легкой ехидной улыбкой поинтересовался парень, чуть сильнее сжимая на моих коленях пальцы. — Сама же говорила — мы лучшие. За нами, как за каменной стеной.

Вот именно! И эта каменная стена прямо сейчас собирается отправиться черт знает куда и черт знает с какими последствиями.

— Руслана, ты нервничаешь абсолютно напрасно. — мягко пожурил Кошей. — Неужели ты думаешь, что за столько лет мы впервые идем на что-то подобное? В Сказочном Лесе много желающих нарушить порядок, и мы нередко участвовали в битвах вместе с дружинами богатырей и Стражами. Войны у нас храбрые. Горой друг за друга, так что не пропадем!

— Я знаю, — хмуро отозвалась я. — Но, черт возьми, совершенно не завидую их женам! Это ж так чокнуться можно, сидеть и сходить с ума, думая, что твой любимый где-то там в опас...

До меня не сразу дошло, что я только что начала говорить, а когда дошло, было уже поздно. Краска в мгновение ока залила лицо, Максим ехидно заулыбался, а Кошей с Колобком понимающе переглянулись.

— Я не то имела в виду! — тут же встрепенулась, случайно отталкивая сидящего напротив Хранителя.

Тот только фыркнул и поднялся на ноги, осматривая меня теперь сверху вниз своими до одури красивыми глазами.

— Что ты ухмыляешься? — чувствуя, как к нервным переживаниям добавляется еще и злость на саму себя и вредного соседа. — Вот что ты ухмыляешься? Смешно?

— Женщины, — фыркнул Колобок, закатывая глаза. — То в любви признаются, то сразу скандалить начинают.

Я опешила от подобной наглости со стороны предателя-хлебушка и взволнованно вскочила на ноги.

— Кому это я в любви признавалась?!

Максим показательно задумался, с трудом сдерживая улыбку, а Бессмертный тактично отвел взгляд. Один только Колобок вполне себе красноречиво бросал взгляды в сторону Хранителя. Уверена, были бы у этого хлебобулочного засранца руки, он, совершенно не стеснясь, даже пальцем бы в него тыкнул.

Господи, стыдно-то как...

— Вы издеваетесь надо мной?! — мрачно поинтересовалась я, хмурым выражением лица пытаюсь скрыть сильное смущение.

Парни переглянулись и тут же подняли кверху руки в сдающемся жесте, говоря что-то вроде «Да как можно.» Цирк на выезде, ей Богу. Похоже, я одна тут с ума от переживаний схожу, а им все по барабану, лишь бы похихикать.

Я даже не знала, чего хочется сильнее — снова трусливо сбежать в палатку, или все-таки дать волю чувствам и закатить грандиозный скандал. Последнего я делать никогда не умела, но и первое сейчас как-то не прельщало. Тем более, к нам уже направлялся Илья и с несколькими людьми из своей дружины в полном походном облачении.

— Пора нам. — пробасил богатырь с интересом оглядывая нашу четверку и, видимо, пытаюсь понять причину таких красноречивых выражений на лицах. Однако интересоваться не стал, за что я его мысленно поблагодарила. Хоть кому-то здесь

знакомо понятие «тактичность».

Максим с Кощеем дружно кивнули, подхватывая с земли уже приготовленные заранее сумки.

Муромец, убедился, что все в сборе, дал пару указаний остававшимся в лагере и первым двинулся в самую чащу леса, игнорируя широкую тропинку. Остальные последовали за ним. Кощей, проходя мимо меня, одобряюще улыбнулся и похлопал по плечу, а сосед, неожиданно, крепко прижал к себе, заставляя уткнуться носом ему в грудь и в мгновение ока забыть все обиды.

— Мы с тобой серьезно поговорим, когда я вернусь, — прошептал он мне на ухо, обдавая кожу на виске горячим дыханием. — И, ради Бога, Русланка, прекрати придумывать всякие ужасы. Все будет нормально.

По телу привычно пронеслась горячая волна, а где-то в животе от ласкового обращения «Русланка» скрутился тугой щекочущий комочек счастья. Я даже сообразить ничего не успела, как парень чмокнул меня в лоб и, не оглядываясь, двинулся следом за уже исчезнувшим за деревьями отряде.

— Отомри. — хмыкнул Колобок рядом с моими ногами. — Поверь, Руслана. Эти из любой ямы выберутся...

7.1

За толстыми стенами шатра в очередной раз вспыхнул яркий свет и озарил все внутри до мельчайших деталей. Через пару секунд, когда всполох исчез, уши заложило от громкого раската грома, а тяжелые капли дождя с удвоенной силой застучали по тяжелой ткани. Я нервно поежилась и, укутавшись в теплое меховое одеяло, поднялась на лежанке, устало взъерошивая волосы. Сон приходит никак не желал, а разбушевавшаяся гроза только ухудшала дурное предчувствие и усиливала атаку мрачных мыслей. Колобок рядом испуганно вздрогнул от нового громового переката и тоже распахнул глаза, придвигаясь ближе ко мне.

— Боишься? — с вялой полуулыбкой спросила, ласково поглаживая хлебушек по макушке.

— Я ничего не боюсь! — гордо отозвался Колобок, но отодвигаться не стал.

Непогода с каждым мгновением все сильнее входила в раж. Ливень хлестал сплошной стеной, а всполохи молний почти не тухли, сменяя друг друга каждую секунду под новые раскаты грома. Сильный ветер завывал и заставлял лес грозно шуметь и пугать даже меня, хотя грозы я никогда не боялась. Полумрак внутри шатра, разгоняемый только слабым огоньком свечи и частыми вспышками молний, сильно давил на нервную систему. Из головы по-прежнему не выходил отправившийся на разведку отряд. К вечеру после их ухода, когда на чистом солнечном небе, неожиданно, начали появляться серые облака, постепенно превращающиеся в клубящиеся черные тучи, на сердце стало еще беспокойней. Я с трудом выпрашивала у оставшихся в лагере себе хоть какую-нибудь работу, дабы отвлечься от мрачных мыслей. В итоге остаток дня провела, помогая Стёпке, а ближе к ночи, вместе со всеми металась по роще, утаскивая в шатры лежавшие на улице вещи и спасая их от начинающегося дождя.

Я передернула плечами от очередного громкого раската, и прикрыла глаза, снова поваливаясь на одеяла и уговаривая себя хоть немного уснуть. Рука автоматически поглаживала горячего дрожащего Колобка.

— Руслана, — прошептал тот испуганным голосом, спустя минут десять молчания.

— Что?

— Ты слышишь?

Я открыла глаза и непонимающе приподняла брови. Прислушалась, но кроме завываний ветра в чаще и шума ливня ничего не услышала. Даже гром гремел уже чуть реже.

— Что именно? — спросила, поворачиваясь в сторону хлебушка и с трудом разглядывая очертания его силуэта в отблесках горячей свечи.

Тот не успел мне ответить, как уже привычный шум непогоды, неожиданно, нарушил новый звук. Я испуганно подскочила на лежанке, чувствуя, как от кончиков пальцев до макушки проходит электрический разряд страха. Руки задрожали и теперь уже я прижимала к себе такого же испуганно Колобка, пытаюсь успокоиться.

Может, показалось?

Надежда на слуховые галлюцинации оказалась напрасной. Под очередную вспышку молнии раздался громкий протяжный вой, болезненно впившийся в разум. Мы с Колобком задрожали еще сильнее.

— Это что, волки? — осевшим голосом прошептала я.

Вой повторился. К нему присоединился еще один. Потом снова. И снова. Казалось, что целая стая бродит совсем рядом с нашим лагерем.

— Не к добру это. — прошептал Колобок. — Ох, Руслана, не к добру...

Я судорожно сглотнула. Вот теперь стало по-настоящему страшно. За все те дни, что мы бродили в лесу, диких животных не встречали ни разу. Помнится, Максим говорил, что в

Сказочном Лесу хоть и живут неразумные звери, но они редко выходят к людям, особенно, крупные, поэтому я даже не задумывалась над тем, что они могут причинить нам вред. Ну и, учитывая, что рядом всегда были Хранитель и Кощей, которым я безоговорочно доверяла, я до этого всегда чувствовала себя под защитой. Вот только доносившийся с улицы вой был слишком не похож на дружелюбное приветствие. Да еще и Колобок с этим своим «не к добру»...

Мы с хлебушком несколько минут сидели в испуганном молчании, прислушиваясь к будоражающим звукам снаружи, когда с улицы, неожиданно, подул сильный поток ветра. Тканевая тяжелая дверь в шатер чуть взметнулась вверх, пропуская внутрь ледяной сквозняк. Единственный предмет освещения внутри — толстая свеча в чашке, мгновенно потухла, оставляя замерших нас в кромешной темноте.

— Руслана, — истерически пробормотал Колобок, и я почувствовала, как его тельце заходило ходуном под моей рукой. — Мы умрем.

Я судорожно сглотнула и согласно кивнула. Совершенно не исключено, и очень даже вероятно.

Очередной вой раздался прямо около той самой стены, где находилась наша лежанка. Казалось, зверь с той стороны подошел почти вплотную к шатру. Колобок взвизгнул, а я мысленно начала вспоминать все известные мне молитвы, отползая ближе к центру палатки.

— Руслана! — сипло выдохнул хлебушек, расширенными от ужаса глазами смотря в сторону входа.

Я замерла и медленно проследила за его взглядом, впервые в жизни понимая, что значит выражение «кровь застыла в жилах». С той стороны в тканевую дверь кто-то скребся, а я судорожно пыталась вспомнить, почему не догадалась попросить оружия у кого-нибудь из дружины. Какой-нибудь захудалый кинжал мне совсем бы сейчас не помешал. И нет, я не говорю, что способна была бы отразить атаки врагов, но, по крайней мере не сидела бы сейчас застыв в одной позе ужаса и со смирением ожидая страшной участи.

Наше с Колобком напряжение достигло своего апогея ровно в тот момент, когда тяжелая ткань все-таки поддалась пытающемуся пробраться внутрь гостю. Мы заорали одновременно. Взяв одну и ту же высокую ноту. Хотя ладно, вру, до завизжавшего на немыслимой октаве хлебушка мне было далеко, хотя я старалась. Паника накрыла своим колючим крылом, а трусливый разум посоветовал попрощаться с жизнью. Почему-то вспомнился Максим, и сразу появилась мысль о том, что я просто дура, и надо было уже давно сказать парню, что он мне нравится. Хотя, шанс еще был. Вот сейчас загрызут нас волки и нужно успеть на последнем дыхании написать кровью любовное послание Хранителю. Пусть вернется, найдет мое бездыханное тело рядом с пронзительным признанием и мучается совестью, что оставил меня одну, до конца своих дней.

Из-за крика воздуха в легких становилось меньше и начинала кружиться голова. Я лишь на пару мгновений перевела дух, собираясь начинать кричать с новой силой, как, неожиданно, поняла, что помимо наших с Колобком голосов, где-то в той же тональности верещал еще один.

Я удивленно моргнула, переставая, наконец, сотрясать воздух визгами и ткнула по-прежнему захлёбывающегося криком хлебушка в бок. Тот тоже замолчал, как и третий голос.

— Что у вас тут?!

Мы вздрогнули, когда дверь шатра в очередной раз отогнулась и внутрь заглянули двое удивленных дружинников с большой свечой в руках, что была защищена от дождя стеклянным подсвечником с крышкой. Они ошарашено переводили взгляды со встрепанных и смертельно-бледных нас с Колобком на застывшего у входа Стёпки. Мальчонка тоже был сильно испуган и неуютно жался к стене, дрожащими руками укутываясь в промокшее под дождем одеяло.

— Что случилось? — снова повторил один из мужчин. — Чего разорались?

— Горло прочистить решили! — рывкнул Колобок, у которого нервно дергались оба песочных глаза. — Какого лешего вы только сейчас приперлись?! А если бы это волки были?! Али еще какие враги?!

Я все еще пыталась отойти от испуга и тяжело дышала, даже не удивляясь невежливому тону хлебushка. Мужчины что-то невнятно буркнули в оправдание своей нерасторопности и, оставив нам одну из ламп, исчезли на улице, а мы дружно уставились на замывшегося Степана.

— Я чуть не раскрошился от страха! — ругался Колобок. — Ты чего так пугаешь?!

— Простите, — пискнул поваренок. — Я не хотел. Просто грозы всегда боюсь, а мальчишки все спят. Засмеют меня, ежели признаюсь. Страшно, жуть... А еще волки эти...

Я не стала уточнять, как у рыжика вообще хватило смелости выбраться наружу и, переведя дыхание, похлопала по одеялу рядом с собой под недовольным взглядом Колобка.

— Иди сюда, Стёп, — улыбнулась, надеясь, что губы не дрожат от пережитого шока. — У нас места много.

Мальчонка, видимо, только этого и ждавший, сбросил с себя мокрое одеяло и в два прыжка оказался рядом с нами, закутываясь в один из теплых пледов на лежанке. Он поерзал, устраиваясь поуютнее и поднял на меня горящие благодарные глаза.

— Спасибо!

Я с улыбкой взъерошила его влажные кудряшки. Колобок что-то недовольно пробурчал, но прижался к мальчишке боком, незаметно пытаясь согреть.

Сердце понемногу восстанавливало свой привычный ритм. Резкие перекаты грома раздавались реже и издали, да и волки, видимо, испугавшись наших криков, разбежались. Завывания по-прежнему были слышны, правда, уже гораздо дальше. Ветер стал тише, дождь все еще лил, но это уже не пугало, а даже придавало атмосфере какого-то особенно уюта. Я посмотрела на блаженно щурящегося поваренка и поинтересовалась:

— А сколько тебе лет, Стёп?

— Уже десять! — гордо отозвался тот, обрадованный начавшемся разговором.

Мальчик явно долго решался прибежать к нам в шатер, продолжая бороться со своими страхами в одиночестве и боясь, что его поднимут на смех. А я вдруг вспомнила, как в детстве часто сбегала в комнату к родителям, когда старенький ночник в очередной раз начинал барахлить и отключался, погружая детскую в темноту. Папа с мамой всегда уступали мне немного места на своей большой кровати и уютно обнимали меня с двух сторон, что безжалостно прогоняло страх куда-то далеко.

Воспоминание о родителях отозвалось в сердце тупой ноющей болью, и я твердо решила, что, как только выберусь из Леса, тут же позвоню им и во всем признаюсь. А пока нужно было немного отвлечься самой и отвлечь все еще испуганного Стёпку.

— А кто твои родители?

Мальчик смешно дернул обсыпанным бледными веснушками носиком и пожал укутанными в одеяло плечами:

— Не знаю.

Я осеклась, понимая, что повела разговор в совершенно ненужное русло, однако Стёпка, кажется, особенно не расстроился, спокойно продолжая:

— Умерли они, мне четыре годка отроду было. Потом меня дядя Авдей воспитывал, и сюда тоже он привел.

Я вспомнила старика Авдея, что в первую ночь пас коней рядом с лагерем. Колобок рядом уже гораздо мягче посмотрел на сонно зевающего поваренка и прижался к нему сильнее. А тот, вдруг, неожиданно, нахмурил рыжие бровки, поворачивая ко мне серьезное лицо:

— Ты не думай, Руслана, я храбрый! То, что грозы боюсь — это не моя вина!

— Да я и не думаю, — тут же попыталась успокоить паренька, но тот только упрямо мотнул головой и продолжил:

— Когда Иван в наш дом пришел и мамку с папкой моих убил — тоже гроза была. Вот и никак не могу теперь справиться. Жуть берет, да и все тут! Но так я храбрый! Честно! Даже с мечом и луком обращаться уже умею!

От слов рыжика я похолодела и испуганно сглотнула, во все глаза наблюдая за говорящим мальчишкой, который все пытался убедить нас, что когда он подрастет, то непременно перестанет бояться и молний, и грома. Мы с Колобком переглянулись и дружно решили, что пора менять тему разговора. Теревить маленькому смельчаку рану совершенно не хотелось.

— А давайте в карты поиграем? — неожиданно подпрыгнул Колобок.

Мальчонка тут же нетерпеливо завозился, а я с радостью схватилась за возможность отвлечь его, а заодно и себя, от грустных мыслей и потянулась за лежащей под одеялом старой колодой. Ее еще утром притащил Андрей, сказав, чтобы я развлекалась хотя бы так, если будет скучно. И прозрачно намекнул, чтобы в напарники по игре звала его. Я блондина вежливо поблагодарила, пообещала подумать над его предложением, но колоду тут же забросила куда подальше. Андрея звать не хотелось. Парень был хорошим, но я чувствовала себя слишком неловко в его компании, а больше никого так хорошо в лагере не знала. Не с Колобком же играть.

— Тасовать умеешь? — деловито поинтересовался Стёпка, замечая, как я неуверенно достаю карты.

Я пожала плечами и передала право начать рыжику, признаваясь, что в этой игре сильна никогда не была. Мальчишка важно принял колоду и начал перемешивать ее, ловко орудуя худенькими пальцами с обгрызенными ногтями.

— Тогда я за тебя, Руслана! — перепрыгнул на мою сторону Колобок. Сам он, по объективной причине в виде отсутствия конечностей участвовать в игре не мог.

Я только кивнула, посильнее укуталась в уютное одеяло и краем мысли заметила, что ливень за окном уже окончательно спал на нет, превратившись в легкий моросящий дождик.

— В Дурака, Акулину али Козла? — нахмутив рыжие бровки поинтересовался Стёпка.

Я, кроме Дурака (да и то в общих чертах) ничего не знала, поэтому выбрала первого. Колобок моему выбору, почему-то не очень обрадовался, о чем тут же заявил своим недовольным бурчанием. Зато Стёпке было все равно, во что играть. Мальчонка так обрадовался возможности поднять себе настроение после не очень хорошей ночи, что согласился бы сейчас на любой наш выбор.

Спустя почти час непрерывных споров и азартных выкрикиваний говорящего хлебушка и покрасневшего поваренка, я начала засыпать. Еще несколько десятков минут назад, я окончательно утратила понимание игры, просто продолжая послушно поддаваться приказам возбужденно подпрыгивающего рядом Колобка. Выпечка, как и Стёпка, оказался крайне азартной и заигрывающейся личностью. Эти двое настолько ушли в игру, что, когда я предприняла жалкую попытку уговорить их пойти, наконец, спать, на меня недовольно зашипели.

Прошло еще немного времени, прежде чем мои глаза перестали меня слушаться и начали закрываться сами по себе. Грань между реальностью и сном стиралась, а я уже не слышала гневных окриков бодрого Колобка, вещающих что-то вроде «Чего сидишь, отбивай, дура!»

Я твердо решила, что на обзывательство обижусь завтра, а сейчас все-таки отдамся в объятия сна. Тем более, тот уже маячил мне смутным образом ехидно ухмыляющегося Максима и, почему-то, беременной Светки.

Странное все-таки у меня подсознание. Больное какое-то...

7.2

Утро встретило меня громким кукованием кукушки где-то совсем рядом с шатром и свежим холодком, что неласково обдувал вылезшие из-под одеяла босые ноги. Я с трудом приоткрыла глаза, широко зевнула и блаженно потянулась на лежанке, снова полностью закутываясь в одеяло.

Вставать не хотелось. Яркое солнце весело играло бликами и тенями от веток ближайших деревьев, отражающимися на тканевых стенах палатки. Снаружи были слышны мирные голоса дружинников и громкое переливчатое пение птиц. Где-то стучал топор и раздавалось редкое конское ржание, а рядом мирно посапывали Колобок и Стёпка. Последний полностью сбросил с себя одеяло, растянувшись на пледах в форме звезды и зябко дергая худыми плечиками.

После нервной ночи, такое уютное и светлое утро было лучшим лекарством. Я даже улыбнулась, жмурясь на солнечный зайчик, скакавший по моему лицу от небольшой щели у входа. Стёпка рядом всхрапнул и завопил, а я все-таки приподнялась, зевая и взъерошивая и без того встрепанные волосы. Потянулась и вылезла из-под одеяла, тут же передергивая плечами, хватая валяющийся рядом плащ и укутываясь в него. Стёпку и Колобка, прижавшихся друг к другу, укрыла спавшим пледом, накинув сверху еще и свой, и вылезла, наконец, наружу.

В лесу сильно пахло свежестью и сыростью. Капли росы на листьях кустов и деревьев весело сверкали на ярком утреннем солнышке, а большие грязевые лужи под ногами всю эту радужную картину портили. Я зашипела, сделав шаг из палатки и тут же утопив кроссовок в вязкой грязевой жиже, образовавшейся у порога нашего шатра.

— Доброе утро, Руслана!

Я с хлопаньем вырвала ногу из лужи и подняла взгляд на махающего мне Андрея. Парень сидел у костра, вокруг которого крутился Стёпкин друг — Ваня и готовил завтрак. Блондин, который этот самый завтрак сейчас поглощал, снова радостно мне помахал, а я, натянув на лицо вежливую улыбку, кивнула ему в ответ.

Попавшая в грязь нога мгновенно промокла, что приятных ощущений не добавило и бодрое настроение мгновенно омрачило. Я перепрыгнула на более-менее сухое место и со стоном стянула с себя кроссовок, переворачивая его и выливая изнутри с полстакана грязной воды.

— Прекрасно, — обреченно буркнула, закрывая глаза.

Новую обувь тут просить было не у кого. Скорее всего, самый маленький размер, который мне могут предложить, примерно, сорок третий, и то не факт. С моим тридцать шестым — это все равно, что натягивать на ноги ласты.

— Ну и погода вчера была, жуть! — передернул плечами Андрей, когда я, поморщившись, натянула-таки мокрую обувь обратно и присела к костру, вытягивая вперед ноги в надежде хоть немного подсушить.

— И не говори! — фыркнул поваренок рядом с нами. Это был невысокий черноволосый мальчишка примерно одного со Степаном возраста. — Все вокруг затопило! Еще и волки под ураган пришли — ужась дикая!

Я согласно кивнула и принялась за свою порцию. Сегодня это была все та же крупа, правда, без аппетитного мясного привкуса. Видимо, из-за размытой земли, дружинники не смогли утром поохотиться. Да и звери явно попрятались в места посуше, пережидая, пока вязкие грязевые лужи обмельчают.

— От разведки новостей нет? — задумчиво спросила я, вяло ковыряясь ложкой в тарелке. Аппетита совершенно не было, предложи мне сейчас хоть бифштекс. Видимо, сказывалось нервное напряжение.

— Нет пока, — махнул головой Андрей. — Руслана, не переживай. Илья сказал, что они вернутся сегодня к вечеру.

Я невесело хмыкнула. Обещал-то он обещал, вот только и отряду своему оставшемуся приказал в случае их невозвращения срочно сворачивать лагерь и искать новое укромное место. А они, кажется, это самое место уже даже выбрали. Блондин тактично мне об этом не напомнил, за что я была ему благодарна. Лучше уж мысленно саму себя накручивать, чем от чужих людей слышать.

Минут через двадцать, когда я уже закончила завтракать и помогала Ваньке собирать грязную посуду, из нашего шатра, наконец, показались заспанные Колобок и Стёпка. Мальчонка радостно сиял глазами, а вот Колобок что-то недовольно бурчал. Это что-то превратилось в поток нецензурных выражений, когда булочка, под громкий смех рыжика, с размаху плюхнулась в ту самую лужу рядом с палаткой, в которой какое-то время назад промок и мой кроссовок. Степан, продолжая заливисто смеяться, вытащил ругающееся хлебное тельце из жижи и перенес на место посуше. А я с удивлением наблюдала, как тот начинает высоко подскакивать, таким образом сбивая с себя грязь и отправляя летать вокруг себя ее ошметки. Те тут же повисли на стоявшем ближе всего Степке, отчего мальчонка взвизгнул, а вредный Колобок мстительно засмеялся.

— Доброе утро! — крикнул рыжик, прыжками направляясь к нам и стараясь стряхнуть с одежды грязь. — Ванька, спасибо, что подменил! Посуду я помою!

Ванька только махнул маленькой ручкой и по-мужски хлопнул подбежавшего Степана по плечу.

— Опять гроза испугала? — тихо поинтересовался он, а я восхитилась такому понимающему и серьезному тону. — Парни смеялись над тобой, я сказал, что ты в ночное дежурство ходил вместе с Авдеем.

Стёпка едва заметно покраснел и благодарно кивнул другу.

— Я помою, — снова повторил он, стараясь скрыть смущение и кивая в сторону груды грязной посуды. — Иди, тебе еще Ратмиру помогать.

Ваня, улыбнувшись, еще раз хлопнул своего маленького товарища по плечу и умчался в сторону что-то мастеровивших в ельнике дружинников, а я подошла ближе к Стёпке.

— Хороший у тебя друг, — произнесла, взъерошивая его рыжие кудряшки.

— Я знаю, — важно кивнул мальчик, поднимая на меня горящие от гордости глаза.

Колобок на нас недовольно покосился и проскакал мимо, ближе к костру, проигнорировав брошенное Андреем «Доброе утро». И чего это у него с утра такое настроение?

— Я помогу, — отвернувшись от булочки, улыбнулась, кивая на посуду.

Стёпка с улыбкой поблагодарил меня и взял в руки котелок с находившимися там тарелками. Я забрала оставшуюся часть и двинулась следом за ним к громко шумящей неподалеку речке. Правда, дойти нам до нее было не суждено. Мы отошли всего на несколько метров от костра, как мирные звуки утреннего леса, неожиданно, прервал громкий волчий вой.

Посуда из наших с поваренком рук одновременно выпала, рассыпаясь по траве. Благо та была скользкой, что значительно смягчило ее падение и не позволило разбиться. Мы замерли, а занимающиеся своими делами дружинники, рассредоточенные по всему лагерю, подскочили, хватая в руки оружие.

— К костру, — рывкнул на нас со Степаном высокий воин лет тридцати, быстро оказываясь рядом и мрачно смотря в сторону леса. — Быстро.

Ни у меня, ни у поваренка желания спорить не возникло. Мы подняли с земли посуду и метнулись обратно. Колобок встретил нас нервным подпрыгиванием и очередным сетованием: «Ох, не к добру!».

И без того взволнованная, я решила не прислушиваться к мрачным прогнозам паникующей выпечки и, взяв за руку хлопающего глазами Стёпку (даже не знаю, кто кого больше хотел успокоить), замерла, наблюдая за действиями дружинников.

Мужчины быстро согнали к костру всех детей и вытянулись вдоль периметра лагеря, напряженно всматриваясь в чащу.

— Никогда раньше днем не выли, — шепотом поведал подошедший к нам Ваня. — Что-то не так...

Вой повторился снова и, на это раз еще ближе. Мужчины напряглись сильнее и сделали шаг назад, сжимая круг. Несколько лучников, двинулись к крепким деревьям, по краям лагеря, в мгновения ока ловко взбираясь по толстым веткам и исчезая в густой листве.

— Никому с поляны не выходить! — рявкнул все тот же черноволосый дружинник. Его Стёпка Ратмиром называл, и именно он на время отсутствия Ильи остался в лагере главным.

Через несколько минут напряженной тишины в чаще завывли сразу несколько волков, причем, с разных сторон.

— Вот черти, — выругался кто-то. — Окружают.

— Не каркай! — тут же рявкнул на него другой. — Не посмеют напасть.

Я в это слабо верила и уже начинала испуганно трястись. Почувствовавший это Стёпка успокаивающе погладил меня по руке. Да уж, не соврал вчера, действительно храбрый. Десять лет, а вместо страха на лице серьезная решимость и готовность, в случае чего, тут же бросаться на помощь своим старшим товарищам.

— Помагичить бы нам немного, — произнес еще один мужчина. — Хоть барьер какой-поставить.

— Да кто магичить-то будет? — отозвался его сосед. — Максим с Ильей ушел, а больше у нас в рядах чародеев то и не...

Дружинник осекся и, неожиданно, развернулся в мою сторону, прищуриваясь и рассматривая выжидающим взглядом. За ним повернулись еще несколько человек, а я судорожно сглотнула, почувствовав себя породистым зверем, от которого ждали чуда. Я на чудеса была совершенно не способна и отчетливо осознала, что пора завязывать представляться даже «будущей Хранительницей» Слишком уж много надежд возлагают, которые я, ввиду объективных причин, оправдать не в состоянии. Вот только объясни это воинам, которые уставились на меня, словно я вот-вот должна была начать прыгать вокруг лагеря с бубном, отгоняя непрошенных гостей.

Я неловко переступила с ноги на ногу, и хотела уже было сказать хоть что-то в свое оправдание, но неожиданная помощь пришла в лице Колобка. Выпечка, разозлившись, высоко подпрыгнула и зычно рявкнула:

— А ну не глазейте тут, умники! Ишь, магию им подавай! У вас мечи в руках, чтобы в зубах ковыряться?

— Вот именно! — хмуро пробасил Ратмир. — Нечего языками зазря чесать! Вы воины, а не барышни на выданье!

Мужчины пристыженно кивнули и отвернулись, а я, облегченно выдохнув, с благодарностью кивнула прыгающему рядом Колобку.

Вой все не прекращался, однако и не приближался, по-прежнему доносясь откуда-то из глубины чащи. Спустя минут десять, Ратмир, наконец, понял, что весь день они так простоять не могут и, развернувшись, приказал:

— Всем вернуться к своим делам. Первая смена дежурит. С поляны никто не выходит, а если и выходит, то под охраной как минимум двоих. Все понятно?

Дружинники рявкнули «Так точно», и, не выпуская из рук оружие, разбрелись по роще, оставаясь при этом в поле зрения. Лучники с деревьев так и не слезли, а на земле по периметру лагеря остались стоять человек семь с мечами в руках. Нам же строго настрого запретили отходить от костра и шатров дальше, чем на два шага. Я мысленно порадовалась, что не успела еще попить воды, что-то не хотелось бегать к кустикам под

надзором какого-нибудь большого бородатого дядьки. Почему-то у меня даже не возникло мысли, что вся эта ситуация может серьезно затянуться. А зря...

Вечером этого дня ушедшая на разведку часть отряда так и не вернулась. Как, впрочем, и вечером следующего. Обещанный срок ожидания уже давно прошел, а Ратмир, который, видимо, тоже до последнего надеялся на благополучный исход событий, только к закату второго дня мрачно приказал свернуть лагерь, чтобы на рассвете отправляться в путь.

В тот момент меня словно ударили под дых чем-то тяжелым, и слабенькая надежда, что мы задержимся еще хотя бы чуть-чуть умерла в жалких мучениях. Все это время, я совершенно не хотела показывать себя слабачкой и истерить на глазах у окружающих, но и сдерживать себя было невозможно. Поэтому, когда рядом никого не оказывалось, я ныряла в палатку и начинала плакать, отчаянно кусая одеяло и надеясь, что меня никто не слышит. Колобок не в счет, он вечно сидел рядом и точно так же, как и я, дрожал от страха за Кощея, Максима и остальных. А мне теперь уже было все равно на то, кто и что обо мне подумает. Уже особенно не стесняясь, я вся в слезах несколько раз подходила к Андрею, пытаюсь уговорить, чтобы тот попросил свое начальство задержаться. Вот только блондин, бросая на меня сочувствующие взгляды, отвечал, что все это и так уже идет не по плану, а ухудшать ситуацию еще сильнее никто не станет.

Этой ночью я уже не плакала. Я отчаянно выла в подушку, чувствуя, как ласковая ладонь прибежавшего к нам Стёпки в попытке успокоить, гладит меня по трясущемуся плечу.

— Русланочка, — жалобно хныкал он, — ну не плачь, пожалуйста. Они просто отстали, и совсем скоро нас догонят, вот увидишь!

Я понимала, что мальчонка хочет меня успокоить, но, черт возьми, его словам хотелось верить. Я совершенно не могла представить, что с ребятами случилось что-то серьезное. Эта мысль казалось невыносимо неправильной и абсолютно невозможной.

— Держи карман шире, — мрачно пробубнил Колобок, которого тоже знатно потряхивало. — Как бы они, по-твоему, сквозь волчью стаю вокруг лагеря пробрались?

Я подавилась собственным всхлипом и в ужасе уставилась на хлебушек.

— Замолчи! — шикнул на него Стёпка, но было уже поздно. Выпечка озвучила мои самые жуткие страхи, которые я гнала подальше даже из собственных мыслей.

— Ты что? — просипела я. — Ты думаешь, они умерли?!

Колобок, видимо, так и думал, но изначально говорить мне об этом не собирался, случайно поддавшись нервному потрясению. Он нервно хлопнул глазами и отвел взгляд, чем окончательно довел меня до предобморочного состояния.

— Они же твои друзья! Как ты можешь?!

— Да я не имел в виду ничего такого, — попытался оправдаться хлебушек, но я его уже не слушала. В голове билась только одна мысль: «Это невозможно. Такого не может быть.» Перед мысленным взором то и дело вставали улыбающиеся лица Максима и Кощея, а я просто не могла понять, как Колобок даже на секундочку осмелился представить, что они погибли. Да еще и заявить об этом вслух.

Следующие три часа непрерывной истерики выжали из моего тела все соки, превратив его в вялую кисельную субстанцию. Из горла вместо всхлипов вырывались непонятные хриплые звуки, а вода в организме закончилась, из-за чего раздраженную слизистую глаз, слезам из которых взяться было больше неоткуда, сильно щипало.

Стёпка с Колобком беспокойно задремали полчаса назад, нервно дергаясь во сне, а я все лежала, красными глазами бездумно разглядывая тканевый потолок и слушая громкое уханье филина за стенами палатки. Где-то в лесу снова были волки, но за прошедшие дни этот звук стал уже привычным и пугал гораздо меньше. Хотя, честно говоря, меня сейчас уже ничего не пугало. Эмоции словно вышли вместе с бесконечным океаном слез. Я уже не могла адекватно соображать, а веки слипались, убеждая свою хозяйку погрузиться в спасительную темноту и отключиться от мира и этого бесконечного

отвратительного дня.

Еще пару часов назад я твердо решила, что завтра утром никуда не пойду и останусь в лагере. Плевать на волков. Плевать на Ивана. Я пришла сюда с Максимом и Кошечем, вместе с ними и уйду обратно. Версия Колобка о смерти друзей уже не рассматривалась, и, если бы недавно заснувший хлебушек, ни дай Бог, решил бы снова ее озвучить, то у меня точно стало бы на одного дрожжевого друга меньше.

Усталая дрема понемногу накрывала своим теплым крылом. Граница между реальностью и сном постепенно пропадала, а громкое уханье все того же филина, подлетевшего еще ближе к нашей палатке, теперь раздавалось где-то на периферии сознания. Перед мысленным взором по-прежнему мелькали улыбающиеся лица ушедших в разведку друзей, а по щекам все-таки прокатилась пара скудных слезинок. Рядом сонно всхрапнул Стёпка, а я окончательно провалилась в сон. Правда, ненадолго.

Прошло минут двадцать моего пребывания в беспокойно сонной неге, когда все тот же филин, неожиданно, оглушающе ухнул прямо рядом с нами и, громко хлопая огромными крыльями, удалился прочь. Этот звук оказался слишком громким и заставил проснуться не только меня, но и поваренка с Колобком. Мы трое резко подскочили, недоуменно хлопая глазами.

— Что это было? — испуганно поинтересовалась выпечка, в один прыжок оказываясь рядом со мной.

— Ничего страшного, — храбро фыркнул Стёпка, хотя я отчетливо видела, как дрожат его ладошки после внезапного пробуждения. — Просто сова.

Колобок недовольно на него покосился, а я нахмурилась. Тяжелая после многочасовой истерики и слишком короткого сна голова соображала с трудом. Все тело болело, лицо опухло, а до болезненно обострившегося слуха, неожиданно, донеслись странные звуки.

Сначала это были просто обычные шорохи леса, которые спустя пару секунд, почему-то, превратились в чей-то далекий шепот.

Сердце пропустило удар, а кончики пальцев на ногах заledenели.

— У меня глюки? — прошептала, дрожащими руками сжимая ткань теплого шерстяного одеяла.

— Если да, то они коллективные. — сглотнул Колобок, вытягиваясь и тоже прислушиваясь.

Мы сидели в тишине еще минут пять, прежде чем голоса стали отчетливее и их уже вряд ли можно было с чем-то перепутать. Я часто задышала, пытаюсь успокоить еще сильнее зашедшее сердце. Полная надежды мысль, что возвращается разведка, пронзила мой больной разум раскаленной иглой. В голове не возникло ни единой трезвой и адекватной мысли, способной затмить предыдущую, поэтому я резко вскочила на ноги, случайно сталкивая забравшегося на мои колени Колобка. Тот недовольно выругался, чего, впрочем, я уже не услышала.

— Руслана, стой! — рявкнул он, когда я, не обращая ни на что внимания, метнулась в сторону выхода из палатки. — Куда ты, дурная? А если это не они?!

Я от хлебушка только отмахнулась, совершенно не вслушиваясь в смысл его, вообще-то, разумных слов. Не удосужившись даже схватить валяющийся рядом плащ, я выскочила наружу, отбегая на несколько шагов в никуда и только после этого испуганно замирая.

Голосов слышно больше не было. Я потерла глаза пальцами, пытаюсь привыкнуть к беспросветному мраку, но снова ничего не увидела. Костер на территории лагеря, почему-то, не горел, а небо заполонили тучи, мешающие проникнуть хотя бы свету от луны или звезд. Я мысленно прокляла себя за привычку сначала делать, а потом думать, и испытала невероятно острое желание залезть обратно под тент. Правда, благодаря крошечной темноте, определить место нахождения нашей палатки не представлялось возможным.

— Где ты, сумасшедшая?! — раздалось откуда-то сбоку шипение Колобка.

Я встrepенулась, тут же поворачиваясь на звук.

— Я здесь! — воскликнула, зачем-то махая руками, хотя выпечка вряд ли была способна разглядеть мои жестикyляции.

Что-то бyбня себе под нос, Колобок двинулся на мой голос и через пару секунд оказался рядом, ткнувшись в ногу. За ним, видимо, последовал Стёпка, что сейчас нащупал мою ладонь и вцепился в нее своими холодными тонкими пальцами.

— Руслана, я ничего не слышу. — шепотом произнес он, сжимая мою руку крепче.

— Я тоже, — недовольно буркнул Колобок. — Куда тебя понесло-то, больная? Мало приключений на задницу?

Я отвечать вечно раздраженной булочке ничего не стала. Знаю, что снова не права, но поступить по-другому просто не могла, вот и ухватилась за крохотный намек на надежду.

— Руслана, давай вернемся, — произнес поварёнок, дергая руку. — Мне что-то здесь не очень нравится...

— Да что-то говоришь, — ядовито прошипел Колобок, по-прежнему прижимаясь к моей ноге своим горячим бочком. — А чего тогда следом полез, мелюзга?

— А ты? — не остался в долгу мальчик.

— Тише, — шикнула на них я.

Спорщики послушно замолчали, а я снова прислушалась к тишине, отчетливо различив, как где-то неподалеку хрустнула ветка.

Стало не просто страшно. На меня накатил дикий ужас, мешая адекватно соображать и обездвигивая, а вместе с ним совершенно не вовремя пришли жгучие чувства стыда и обиды. Почему-то перед глазами отчетливо предстала картинка, как на поляну прямо сейчас выползут голодные волки, и, именно из-за моей глупости, вместе со мной утащат и Стёпку с хлебушком.

Я уже собиралась быстро двигаться хотя бы примерно в ту сторону, откуда пришла (ну или хотя бы громко начинать звать на помощь), как рядом с нами, буквально в паре шагов, раздалось очередное громкое уханье вернувшегося обратно в рощу филина. Подлетела эта причина потери половины наших нервных клеток совершенно бесшумно, поэтому от его «миролюбивого» клича, мы дружно подпрыгнули и в унисон взвизгнули.

— Руслана? — неожиданно раздался знакомый голос, заставляя вздрогнуть в очередной раз.

Я в панике оглянулась в сторону, откуда он доносился и, прищурив глаза, разглядела небольшой огонек за темными стволами деревьев. Он все приближался, пока, наконец, не позволил различить сразу несколько человеческих силуэтов. Гости вышли на поляну, а я все острее чувствовала, что от обuявших эмоций не могу произнести ни слова.

— Руслана, почему вы еще здесь? — хмуро произнес усталый, но такой родной голос Максима.

А я даже не собиралась отвечать на этот вопрос, со всех ног бросаясь в сторону пришедшего отряда и с судорожными всхлипами повисая на шее охнувшего Хранителя.

8.1

Сдавив парня так, что у него вырвался из груди болезненный полустон, я не сразу сообразила, что что-то не так. Лишь после того, как Максим вкрадчиво попросил меня отцепиться от него, если я не хочу узреть его холодный трупик, я с ужасом отступила и поняла, что куртка на парне промокла отнюдь не из-за недавнего дождя. Под тусклым светом от факела в руках стоящего рядом Ильи я разглядела кровь на одежде парня, которая теперь испачкала и меня.

— Господи, — в ужасе прижала руки к губам. — Ты ранен?!

Максим лишь поморщился и молча пошел в сторону потухшего костра. Остальные двинулись следом, а я с ужасом замечала все больше и больше раненных в рядах отряд разведки. Кого-то вообще тащили на плечах, потому что переставлять ноги самостоятельно бедняга не мог.

— Что здесь происходит? — на поляне показались, наконец, Ратмир вместе с еще несколькими дружинниками.

— Ну неужели, — мрачно отреагировал на их появление Колобок, — как всегда вовремя.

Мужчины проигнорировали ядовитое замечание хлебushка и кинулись к вернувшимся товарищам. Те уже медленно рассаживались вокруг потухшего костра, который Максим пытался разжечь. Я с ужасом заметила, что движения левой рукой приносили ему неудобства и боль, и парень, в конце концов, просто плюнул, доверив добывание огня резво подскочившему к нему Стёпке.

— Где Авдей? Пусть сюда идёт! — гаркнул Ратмир, оглядываясь в сторону шатров. Шум постепенно будил все больше и больше народу, и на поляне, что уже освещалась постепенно разгорающимся пламенем, становилосьлюдно.

— Тут я, — прокряхтел старик, вылезая из своего убежища. В его руках был зажат большой потертый мешок с врачевательными смесями и приборами.

Я же поначалу не могла даже пошевелиться. Шок заставил впасть в ступор, а руки, испачканные в крови Максима, мелко подрагивали. Остальные куда быстрее меня оценили ситуацию, принимаясь помогать раненым. Прямо на улицу вынесли несколько шерстяных подстилок, уложили туда особенно сильно раненных. Слава Богу, смертельных повреждений ни у кого не было.

— Помочь не хочешь? — хмуро поинтересовался Колобок, подсакивая ко мне, — Чего застыла изваянием?

— Прости, — пробормотала испуганно. Я должна была хотя бы попытаться что-то сделать, но от потрясения меня до сих пор трясло. Вот же стыдоба. Тоже мне, Хранительница, чуть что, сразу в ступор.

Адекватный внутренний голос, впрочем, никак не хотел серьезно восприниматься неадекватными чувствами. Я с огромным трудом заставила себя двинуться к Авдею, чтобы спросить, чем могу помочь, но голос дрожал до того отчаянно, что старик только недовольно покосился на меня и покачал головой.

— Сядь лучше, — хрипло посоветовал он, — сейчас только тебя от обморока откачивать не хватало.

Стало неприятно и стыдно. Моя собственная трусость меня тоже не устраивала, но я совершенно не могла ничего поделать. Стараясь не смотреть в ту сторону, где один из дружинников по имени Имир перевязывал Максиму рану, я тихонько отошла к палатке и залезла внутрь. Мне требовалась всего пара минут, чтобы прийти в себя. Отсиживаться в стороне я точно не собиралась — просто взять себя в руки.

Дрожащими пальцами я пошарила по полу, нашла большую флягу с водой и осушила парой жадных глотков. Спокойно, Руслана, спокойно. Закрывает глаза и постаралась начать глубоко дышать. Где-то читала, что это отличный способ успокоиться. Вранье, ничего, кроме головокружения, я не добилась. Прошло минут пять, но мне показалось,

что в шатре я сидела целую вечность. И все это время в моей голове боролись друг с другом две мысли. Первая — выйти и помочь уже, наконец, чем смогу, вторая — отсидеться здесь и сделать вид, что заснула. Вторая была настолько трусливой и мерзкой, что мне стало стыдно от одного только ее наличия.

Вылезла я еще через пару минут. На поляне всюду носились люди, костров за это время собрали уже четыре штуки. Пламя поднималось ввысь, освещая все вокруг теплым светом. Я глубоко выдохнула и снова двинулась к Авдею. Старик находился у своей палатки и что-то пытался откопать в сумке.

— Чем помочь? — твердо спросила. Голос почти не дрожал, и никому не нужно было знать, каких усилий мне это стоило этого достигнуть.

Авдей поднял на меня усталые глаза, удивленно приподнял брови и, я готова поклясться, едва заметно улыбнулся тонкими блеклыми губами.

— К костру иди, — ответил, наконец, он, — там ребяташки травы промывают, да бинты стирают. Им помощи.

Я послушно кивнула, мысленно благодаря старика за то, что не послал меня перевязывать раны. Я бы этого точно не выдержала. Быстрым взглядом осмотрев поляну и найдя толпившихся у дальнего костра мальчишек, я двинулась к ним. Взгляд то и дело пытался найти Максима, пока я, наконец, с облегчением не заметила его в паре шагов от соседнего костра. Парень выглядел вполне нормально. Он сидел по пояс голый и, стараясь не шевелиться, о чем-то тихо переговаривался с Ильей. Все его правое плечо было перебинтовано. Желтоватая ткань тряпки пропиталась сукровицей и зеленым отваром, который Имир нанес Хранителю на рану.

Смотреть больше двух секунд на парня оказалось тяжело. Я огромным усилием воли поборолла очередной всхлип и отвернулась, чуть ли не бегом бросаясь к ребяташкам.

— Руслана! — Стёпка, завидев меня, замахал руками. — Ты как?

Теплая ладонь мальчика в утешающем жесте погладила меня по локтю и заставила застыдиться еще больше. Тут вон целый отряд раненных, а он еще и за меня переживает. Не Хранительница — обуза какая-то.

— Стёп, я помочь пришла, — попыталась улыбнуться я, — меня Авдей прислал.

Мальчишка понимающе закивал и, схватив меня за ладонь, потянул ближе к костру. Над ним стоял котелок, в котором кипела вода. Внутри лежали какие-то медицинские приборы вроде игл и щипцов. Они отдаленно напоминали те, которые я изредка видела по телевизору или в интернете, но все-таки их внешний вид значительно отличался. Складывалось ощущение, что их только что украли из какого-нибудь музея медицины.

— Не переживай, — шепнул мне Стёпка, заметив расширившиеся от страха глаза, — Авдей свое дело знает. Да и сильно раненных нет.

— Правда? — выдохнула я. — А что случилось, они рассказали?

Мальчишка кивнул. Перебросил мне несколько пучков травы, показал, как выглядят те, что лечебные, и велел быстро отделить от мусора и заварить в маленьком котелке. Я послушно принялась за работу. За это время Стёпка поведал мне все, что рассказала разведка. Оказалось, они опоздали не по своей воле. Все прошло хорошо, никто их не заметил и им даже удалось найти лазейки перед дворцом Ивана, через которые можно было проникнуть внутрь, забрать с собой Василису и беспрепятственно покинуть замок. Отряд уже возвращался обратно с хорошими новостями, но за пару километров от нашего лагеря они натолкнулись на магическую стену. Обойти её не получилось — кто-то будто бы накинул непроницаемый купол на наш лагерь. Пока Максим пытался снять его, прошел почти целый день. К ночи Хранителю удалось создать брешь в заслоне, и они двинулись в сторону лагеря, но тут их поджидала новая напасть — волки. Стая напала на них неожиданно. Когда уставшие после длительного дня дружинники схватились-таки за мечи и начали давать отпор — многих уже погрызли. Больше всего досталось самому молодому парню — Раду, парень потерял много крови и его рана, по заверениям Стёпки, выглядела просто ужасно. Сейчас он, уже подлатанный Авдеем,

крепко спал в своем шатре. Старик утверждал, что завтра утром все будет хорошо, хотя хромота паренек точно будет еще долго. Максиму досталось когтями одного из волков. Плечо исполосовали, но раны были не такие глубоки и страшные, чтобы сильно волноваться. Хранитель даже мечом с ними махать смог.

В общем, волков в итоге прогнали и до лагеря добрались. Осталось разобраться, как Иван вычислил, что мы находимся именно здесь, и почему выбрал такой странный способ атаки — окружить нас куполом и волками. Ведь вой мы услышали еще два дня назад, а нападать никто не спешил. Илья с Максимом были почти уверены, что главное целью Ивана было удержать нас на этой поляне, а не убивать. Вот только никто не понимал, зачем это Царевичу.

Светало. Все еще бродившие по поляне люди выглядели ужасно уставшими. У главного костра собрался срочный военный совет во главе с Ильей, Максимом и Кощеем. Они что-то обсуждали с другими воинами, хмурясь и иногда повышая голоса друг на друга.

Я уже с трудом соображала, что делаю, оттирая очередной медицинский инструмент или отстирывая испачканные в лекарствах или чье-то крови тряпки. Вчерашний день высосал из меня всю силу, а сегодняшняя ночь добила окончательно. Держаться на ногах заставляла одна единственная мысль — мне куда лучше, чем некоторым в отряде. Максим, вон, двое суток на ногах, при этом тратил силы на магию, потом его ранили, а потом еще и сражаться со стаей пришлось. А все равно стоит вон и не ноет. Спорит о чем-то с Имиром и даже не думает уходить отдыхать.

— Руслана, — кажется, я начала засыпать на ходу, когда Стёпка осторожно тронул меня за руку, вынуждая дернуться, — Руслана, иди спать, я тут все доделаю.

Надо же, а я и не заметила, как мы с мальчонкой остались вдвоем. Остальные ребята, как и некоторые люди из лагеря, уже разбрелись по шатрам. На поляне остался только тот самый совет из десяти человек, мы со Стёпкой, и несколько дружинников, чья очередь была охранять лагерь. В их числе был Андрей, который, казалось, был не очень доволен, что его в срочный военный совет не включили. Парень недовольно хмурил белые брови и что-то бурчал себе под нос. Его косые взгляды в сторону Ильи, впрочем, никто кроме меня не замечал.

— Нет, Стёп, я помогу, — упрямо мотнула головой я. Мальчишка тоже выглядел уставшим. Залегшие под красными глазами тени делали его лицо худое лицо жутковатым.

— Как хочешь, — вздохнул тот, понимая, что спорить со мной бесполезно, — Мы, вроде, и закончили уже всё. К реке только нужно, котелки отмыть. Пойдешь со мной?

Я утвердительно кивнула. Мы собрали все прокипяченные инструменты в хлопковую тряпочку и аккуратно положили на большой мешок Авдея. Выстиранные тряпки, которые здесь были за бинты и ватки, развесили на натянутую над почти потухшим костром палку. Огня в нем почти не было, что заставляло не бояться, что они загорятся, но идущий жар должен был помочь их высушить.

— Стой, куда? — окликнула я Стёпку, который уже двинулся в сторону леса.

— К реке, — оглянулся паренек, удивленно хлопнув глазами.

Я только головой покачала. Уйти сейчас вдвоем было ужасной идеей. Вокруг бродит стая волков и, возможно, отряд Ивана. А уставшие ребёнок и девушка — идеальная мишень для их лап и зубов. Ну и, как следствие, очередная порция проблем на голову отряда. Быть проблемой мне категорически не хотелось, поэтому я, велев Стёпке подождать, двинулась к Андрею. Подошла и коротко обрисовала парню ситуацию. Тот понимающе кивнул и кликнув еще одного друга из отряда, двинулся в сторону Стёпки. У мальчонки покраснели уши, когда он понял, что только что чуть не допустил большую ошибку. Я только хмыкнула, потрепав парнишку по светлым волосам. Руки у меня теперь были свободны — все котелки забрал себе Андрей, чем значительно облегчил мне участь.

— Руслана, — громкий окрик Максима заставил вздрогнуть. С той самой первой секунды, что мы встретились на поляне, он больше не разговаривал со мной — был занят. А я ни разу не подошла, чтобы поинтересоваться о его самочувствии. Достала с вопросами о

здоровье соседа Авдея и Имира, но к самому Максиму подойти так и не решилась. Слышать сейчас его голос было тяжело, а от внимательного хмурого взгляда почему-то становилось стыдно.

— Вы куда?

— К реке, — отозвалась я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, — мы попросили Андрея с нами сходить, не переживай.

Не уверенна, что он переживал, но сказать это почему-то казалось необходимыми. Максим мне ничего не ответил. Велел Андрею и его другу не спускать с нас глаз и снова вернулся к разговору с Ильей.

Солнце еще не показало свои яркие лучи, но в лесу рассвело окончательно. Вокруг вовсю щебетали птички, весело переговариваясь друг с другом, словно ничего и не случилось. Словно и не было этого ужаса на поляне. Хотя что им переживать-то, утро наступило — вот и счастье.

Я тяжело вздохнула и переступила крупную ветку. Земля, кстати, почти полностью была усыпана всяким мусором и ветками, видимо, поломанными вчерашним ветром. Идти к реке было куда сложнее, чем пару дней назад. Еще и скользкая трава заставляла несколько раз оступаться. Благо, Андрей был рядом и не позволял мне в прямом смысле ударить в грязь лицом, вовремя подхватывая под локоть.

— Спишь на ходу, — заметил он как я сжимаю в кулак зевок. — Может, лучше на поляну вернешься?

От усталости проснулось раздражение. Парень не сказал ничего плохого, но всеобщая уверенность в моей слабости изрядно бесила. Ссориться я не хотела, поэтому фразу парня просто оставила без внимания. Он, кажется, обиделся, и за оставшийся путь до речки не произнес ни фразы. Зато его друг Ярослав, которого Стёпка панибратски называл Яром, болтал без умолку. Этот большой бородатый человек будто бы и не устал вовсе за прошедшую ночь. Распускал шуточки и заставлял Стёпку залихватисто хохотать в полный голос. Я же в его смешные речи не вслушивалась — сил не было.

Вода в реке оказалась очень холодной. Странно, еще день назад я здесь спокойно плавала, а сейчас даже руку опустить казалось невозможным. Эх, сказки, что с них взять.

Мы со Стёпкой честно разделили посудины пополам и принялись мыть. Те, в которых варились особенные лечебные кашицы, отмываться совершенно не хотели. Как выяснилось, прилипшие к краям остатки лекарства сдирались только вместе с нашими ногтями и никак иначе.

— Эх, водоросли нужны, — вздохнул паренёк спустя несколько долгих минут бессмысленных попыток. Пальцы в воде уже заковенели и не гнулись, а сама мысль шагнуть подальше в речку за теми самыми водорослями показалась мне дикой.

— Может, прокипятить, — с надеждой предложила я альтернативный вариант.

— Пригорят, — со вздохом отозвался Стёпка, — тогда вообще только на выброс.

— Тык, ежели надо, давайте я нырну!

Мы со Стёпкой одновременно обернулись и удивленно уставились на широко улыбающегося Ярослава. Мужчина с готовностью стянул с себя верхний слой тонкой кольчуги и шагнул вперед к берегу. Попрыгал немного на месте для смелости, помахал руками, разгоняя кровь и ступил в ледяную воду. Я охнула, а Андрей с рыжиком изумленно покачали головами.

— А может, не надо? — протянула я, с беспокойством следя за действиями воина. Все-таки так просто такое купание точно не закончится. Придется потом еще и его лечить, уж лучше и правда просто выбросить котелки.

— Да не переживайте Вы, — махнул здоровой ручищей Ярослав. — я привычный. На Севере рос, для меня холодная вода, что молоко парное — одинаково полезно.

Он сделал еще шаг и даже не поморщился. Казалось, его совершенно не трогает ни низкая температура воды, ни колючие камешки на дне. Он дошел примерно до середины реки и уровень воды теперь достигал ему груди, наклонился и принялся срывать водоросли, которых нам с берега даже не было видно. Река была спокойной. Прозрачная водная гладь едва заметно проходила редкими волнами от несильного течения и действий Ярослава. Я устало покачала головой и решила отойти на пару шагов от берега, чтобы присесть на сухую траву и отдохнуть. Сил не осталось совсем. Я вдруг ощутила, насколько же на самом деле устала. Хотелось просто вернуться в палатку и забыться сном, желательно, рядом с Максимом. Чтобы точно знать, что Хранитель вернулся, лежит рядом живой и испаряться никуда не собирается.

Я рассеянно рвала вокруг себя мелкую травку и несфокусированным взглядом наблюдала за спинами Андрея и Стёпки, которые что-то ободряюще кричали продолжающему рвать водоросли Ярославу. Сон накатывал все сильнее и в какой-то момент мне показалось, что я задремала, поэтому, когда что-то холодное и тяжелое ткнулось мне сзади в плечо, я распахнула глаза от испуга. Сердце в страхе забилось. Где-то внутри задрожали поджилки, и я физически ощущала чужое тёплое дыхание на своем плече.

Закричать не получалось. Было настолько страшно, что я соображать нормально не могла, не то, что двигаться, или издавать какие-то звуки. Однако обернуться все-таки пришлось, потому что то, что находилось сзади оказалось существом нетерпеливым. Оно ткнулось еще пару раз в мое плечо, а потом до ушей донесся едва заметный рык. Я мысленно уже попрощалась с жизнью и медленно обернулась.

Волк стоял в паре сантиметров от меня. Его лохматая морда не выражала никаких дружественных намерений в мою сторону. Влажный блестящий нос недовольно дергался, оскал демонстрировал все острые зубы в пасти, а в серых глазах читалась жажда убийства.

— Мапочки, — одними губами просипела я, с трудом поднимаясь на дрожавшие ноги.

Первым желанием было кликнуть Андрея и Ярослава, но как только я собралась открыть рот, волк растянулся в еще более широком оскале, будто предупреждая, чтобы я не делала глупостей. А потом, кусты позади него зашевелились и среди веток появилось еще штук шесть таких же морд. Все одинаковые, озлобленные и тихо щелкающие пастьми. И лишь одна из них — самая большая и с шерстью насыщенного серого цвета, вместо блёклого, была мне смутно знакома. Вернее, не столько морда, сколько глаза, которые никак не вязались с привычным образом волка. Ярко-желтые с темными зрачками.

Ага, значит не показалось мне тогда в первый день в доме. Было там все-таки страшное чудовище. И предупреждало тебя, Лесницкая, чтобы ты сразу же сбежала к черту из этой деревни. Но твое безумное любопытство здравого смысла сильнее, верно ведь?

Волк с желтыми глазами явно был вожаком. Он, как и другие, не произнес и звука, но я при этом услышала в своей голове его сипящий голос. Слова было разобрать трудно из-за обильного количества рычащих звуков, но я, видимо, от страха, поняла все с первого раза.

— Если не хочешь, чтобы мужчины и ребёнок погибли от наших зубов, молчи.

Веское предупреждение. Я медленно оглянулась на реку. Андрей со Стёпкой смеялись, наблюдая за запутавшимся в водорослях Яром, который с трудом держался на ногах, пытался не упасть и смешно при этом дергал огромными ручищами.

— С нами пошли, Хр-р-ранительница. Молча.

Я снова повернулась к желтоглазому волку и вдруг почувствовала, как по щекам текут слезы. А еще окончательно убедилась в том, какая же я все-таки дура.

Уйти с побережья бесшумно не составило труда. Зычный гогот упавшего все-таки в воду Ярослава и заливистый смех Стёпки перекрыли все остальные звуки. Треск кустов, когда я аккуратно перелезала через ветки никто даже не заметил.

— Куда мы идем? — дрожащим шепотом спросила я, когда оказалась в плотном кольце волков. Они все шли за вожаком и не оставляли мне никакой возможности для побега. Да и куда я побегу? Для чего? Чтобы тут же пасть жертвой острейших зубов, позволяя отряду найти себя разодранную по кусочкам?

Волк мне ничего не ответил. Мягко ступая лапами по земле, он уводил меня дальше в чашу. Мы направлялись к старому дубу в нескольких метрах от нас. У его корней клубился серый туман, который странно двигался по ровной круглой траектории. Казалось, будто что-то по ту сторону затягивает его в огромную воронку, высасывая из нашего мира в другой.

Я испуганно сжалась и продолжала следовать за зверем по пятам к этому странному явлению. От страха сводило мышцы, и я спотыкалась на ровной земле, с трудом удерживаясь на ногах. Только одна мысль дарила утешение — мы отходили все дальше от реки, а значит Ярослав, Андрей и Стёпка оставались в безопасности. Я специально оглянулась напоследок, чтобы убедиться, что все волки последовали за своим вожаком и никто не задержался сторожить моих друзей.

— Куда мы? — сипло спросила я, с ужасом наблюдая за приближавшейся воронкой из тумана. От нее пахло сыростью и плесенью и даже на расстоянии нескольких шагов на кожу оседали разносимые ветром ледяные влажные капли.

— Молчи, — снова раздался рык в голове.

— Руслана!

Громкий крик Максима заставил сердце испуганно сжаться, но я не успела даже оглянуться. Сильный толчок в спину, и я полетела напрямик в туман. Тело тут же обмякло. Я с ужасом поняла, что не могу пошевелить и пальцем, а меня засасывает темнота, облепляя своими мерзкими щупальцами. Дыхание перехватило, влажность забила в легкие, и я благополучно потеряла сознание от удушья, не успев даже попрощаться с жизнью...

8.2

— Максим, отпусти парня, ты его убьешь.

Кощей попытался оттащить друга, который мертвой хваткой вцепился в воротник Андрея, но в очередной раз потерпел поражение. Разозленный Хранитель сжимал рубаху побледневшего солдата в кулаках, в его глазах читалась ярость, а видневшееся синее пятно на скуле блондина имело все шансы обрести собрата.

— Я сказал вам следить за ними! Как она в лесу одна оказалась?

— Не ведаю я! — попытался оправдаться Андрей, — мы у реки вместе были! Отмывали котелки, Руслана рядом сидела!

— Макс, отпусти его! — предпринял новую попытку Бессмертный.

Максим сделал над собой усилие и оттолкнул дружинника. Тот отшатнулся и с трудом устоял на подогнувшихся ногах. Кощей облегченно выдохнул и неловко похлопал друга по плечу.

— Зачем Ивану понадобилась Руслана? — Илья растерянно почесал небритый подбородок и бросил хмурый взгляд на Андрея. Тот понял все без слов и поспешил ретироваться подальше, дабы не навлечь на себя очередную порцию гнева Хранителя.

Ответа на вопрос Муромца не прозвучало. Никто не знал, почему вдруг именно Руслана оказалась похищена. Можно было бы, конечно, предположить, что это все из-за её сомнительного статуса Хранительницы, в котором, впрочем, сомневался каждый присутствующий, но это было слишком нелогично. Почему тогда Иван не выждал время и не напал на Максима, например, ведь его то истинность неоспорима? А Руслана мало того, что была бесполезна для Ивана, так еще и проблем могла навлечь гораздо больше.

— Хранитель, тебе нужно отдохнуть, — Илья положил тяжелую ладонь на плечо парню и надавил на нее. — Мы не спали несколько ночей, а Серый Волк воспользовался порталом. Мы не можем снова идти туда сейчас, нужно придумать план.

Максим тяжело выдохнул и прикрыл глаза. Он тоже это понимал, но слишком уж тяжело было перебороть мучительную тревогу за Руслану. Одной только мысли о том, что девушка находилась сейчас в лапах Ивана хватало, чтобы тело Хранителя сотрясала дрожь. Девушка же совершенно ничего не мыслила в их мире. Как ей сейчас должно быть страшно? Хорошо, если она увидится с Васей, а если у Ивана другие планы? Что с ней теперь будет?

Максим сжал зубы и едва сдержал сдавленный стон.

— Ты прав, — наконец процедил он, вставая на ноги, — нужно придумать, как действовать дальше.

— Русланочка! Милая! Очнись, пожалуйста!

Смутно знакомый голос сбивался на визг и продолжал давить на затуманенные мозги. Окружившая сознание темнота от внешних источников звуков поначалу отмахивалась и рассеиваться не собиралась, но те были слишком настойчивыми. Поняв, что пытающаяся добудиться меня визгливая особа никуда испаряться не желает, я сдавленно застонала и попыталась поднять руку, чтобы отмахнуться от неё. Произнести хоть слово не представлялось возможным. Язык прилип к пересохшему небу, а горло першило как при ангине.

— Руслана! Открой глаза, пожалуйста!

Что-то подсказывало мне, что выполнить просьбу будет непросто. Веки слиплись, будто бы на них вылили целый тюбик клея. Все тело покрывала мелкая испарина, а я даже не могла понять холодно мне или, наоборот, жарко.

— Открой! — продолжали завывать над ухом с таким отчаянием, что я на долю секунды

усомнилась, а не умерла ли уже часом? Чего бедняга так убивается?

— Руслана!

— Да тут я, — язык все-таки удалось привести в движение.

Заставить замолчать голосившую над ухом Василису хотелось смертельно, но та, услышав жалкое подобие ответа, не оправдала моих надежд и запричитала еще сильнее. Да еще и обниматься полезла, стискивая в стальных объятьях. Пришлось открывать-таки глаза и заставлять себя шевелиться, иначе девушка, в порыве радости, вполне могла задушить одну неудавшуюся Хранительницу, не позволив ей даже пройти инициацию. Сдавленно захрипев, я схватилась непослушными пальцами в Васиные плечи и попыталась оттолкнуть её. Бедный Кощей, и как только справляется с такой сильной женой?

— Вась, пусти, — сипло взмолилась я, — все хорошо со мной, честное слово!

Спустя несколько мгновений, показавшихся мне долгими минутами, Василиса все-таки разжала руки и позволила мне наполнить легкие живительным кислородом.

— Русланочка, — пока я хрипло пыталась отдышаться, гладила меня по голове Вася, — как же я рада, что с тобой все хорошо! Когда Ивановы слуги тебя бессильную сюда принесли, я уж и думать что не знала. Уж и плакала, и звала, а ты лежала все бездыханная, не откликалася.

— Ну с бездыханной ты перегнула, — с сомнением протянула я, а девушка будто и не услышала.

Она продолжала причитать, а я в это время, успокаивающе поглаживала ее по плечу и задумчиво рассматривала помещение, прищурив щиплющие глаза. Это была та самая комната, которую мы видели на «тарелочке с яблочком». Низкий бетонный потолок, разукрашенные в яркие тяжелые узоры стены, ни намек на окно, огромная кровать посередине и две двери. Одна из них была приоткрыта и открывала вид на деревянную ванну и предмет, отдаленно напоминающий унитаз. Вторая же, судя по всему, входная, была наглухо заперта. Кажется, именно в неё Василиса долбилась, проклиная Ивана на чем свет стоит, когда мы совершали односторонний сеанс связи.

— Как ты себя чувствуешь? — встрепенулась я. Мысли вяло переваливались в голове, и я только сейчас догадалась спросить об этом у девушки. Все-таки Василиса была пленницей, а с тех пор, как Яга улетела и забрала с собой волшебную тарелочку, мы даже не могли узнать, что с ней происходит.

— Да я-то хорошо, — отмахнулась Вася, — ты, Русланочка, как здесь оказалась?

Хороший вопрос, да вот только ответа на него я и сама не знаю. Выпив предложенный девушкой стакан воды, я вкратце рассказала ей о нашем путешествии. Судя по удивленным возгласам и гневным причитаниям Василисы, опоить ее приворотным зельем Иван еще не успел. Вася пыталась выпытать из меня каждую подробность, связанную с ее ненаглядным мужем, а своего похитителя покрывала всевозможными нехорошими словами, от которых лично у меня краснели кончики ушей. Предугадывая вопросы наперед, я и про планы Ивана насчет приворота тоже рассказала. Девушка побледнела, подозрительно покосилась на стакан у кровати и тихо выдохнула:

— Лучше убей меня, если это случится.

Такой кардинальный метод борьбы с нечестными планами Ивана меня совершенно не устраивал, поэтому я поспешила успокоить Василису. Повела девушке, что мы уже нашли противоядие и попросила не волноваться так сильно. Случись чего, Кощей всего-то нужно явиться во дворец и опоить ненаглядную русалочьим зельем. Если их чувства взаимны, то заклинание спадет, будто его и не было. Услышав это, Василиса немного уgomонилась. Во взаимности их чувств с Бессмертным, она ничуть не сомневалась. Ну и хорошо.

Я собиралась спросить у Василисы, узнала ли она что-нибудь за всё время своего заточения, но не успела. Дверь в комнату внезапно издала звук несмазанных петель и отворилась. Ого, вот это у них тут звукоизоляция. Мы даже шаги из коридора не

расслышали. Вася, как и я, замерла и повернула голову в сторону входа. От резкого движения её тяжелая коса возмущенно взметнулась в воздух, и мне пришлось пригнуться, чтобы не получить пару синяков. Василиса развернулась к двери, а как только увидела вошедшего, подскочила на месте. Сжала кулаки и двинулась вперед.

— Да как ты посмел, ирод проклятый! Как ты посмел Руслане вред причинить?! Ты даже не представляешь, Иван, что тебя ждёт, когда Кощеюшка мой и Максим здесь окажутся!

Ага, значит сам Иван почтил нас своим присутствием. Василиса продолжала гневаться, а я тоже поднялась на подгибающиеся ноги и попыталась рассмотреть главного злодея всея Сказочного Леса из-за спины подруги. Удалось не сразу. Девушка фактически набросилась на нашего гостя с кулаками и лишь благодаря уже знакомому Кикимору, что оттащил бунтарку обратно к кровати, на лице Ивана не осталось никаких повреждений. А лицо у него, к слову, было что надо. Я даже опешила, когда бросила на него первый взгляд. Да уж, тут точно не Дурак, а целый Царевич. Блондинистый злодей выглядел просто до неприличия хорошо. Правильные черты лица, небрежно уложенные волнистые светлые пряди и ярко-зеленые глаза делали парня неотразимым. Чего уж скрывать, даже Максим с Кошеем, какими бы симпатичными мне не казались, по внешности до Ивана не дотягивали. Правда, жесткий блеск в глазах и усталые глубокие круги под глазами портили приятную картину. Лично мне тут же захотелось от его взгляда куда-нибудь спрятаться. Парень был примерно моего возраста, может даже, чуть помладше, но исходившая от него властная энергия заставляла чувствовать себя ничтожеством.

— Угомонись, — Иван не кричал на Василису, но девушка смолкла и перестала верещать. Правда, все еще тяжело дышала и бросала гневные взгляды, хотя блондина они ни капли не заботили. Он кивнул Кикимору, что по-прежнему скручивал руки Васи, и тот отпрянул. Отвесил хозяину низкий поклон и мелкими шажочками перебрался за его спину к двери.

— Так вот ты какая, Руслана, — Иван рассматривал меня без интереса. В его глазах будто бы даже жалость появилась, а мне стало еще неудобнее. Не так я представляла злодея, совсем не так. За всю свою жизнь я впервые почувствовала себя настолько слабой и беспомощной. Казалось, я даже не могу заставить себя открыть рот, чтобы хоть что-то возразить Царевичу. Страх сковал все мышцы и затуманил разум, и один бог знает каких усилий мне стоило хотя бы немного успокоиться и постараться не показывать свои чувства нашему похитителю.

— Откуда ты меня знаешь?

На «ты» перешла намеренно, чтобы самой себе доказать, что я могу Ивана не бояться.

— Я знаю все о Лесе. И о его Хранителях тоже.

Ну что ж, и снова все понятно. У меня быстрее язык отвалиться, чем всем вокруг объясню, что никакая я не Хранительница. Пока по крайней мере.

Либо Иван, помимо всего прочего, умел читать мысли, либо у меня было слишком выразительное лицо. Царевич понял о чём я думаю, презрительно дернул губами, хмыкнул и произнес:

— Твою Истинность мы проверим прямо здесь.

— Это как же, интересно? — я постаралась добавить в голос язвительных ноток.

— Я найду способ.

Я недоверчиво фыркнула. Нет, может и хорошо, что проверку на истинность я пройду в замке. Может, это гарантирует мою безопасность? В конце концов, Максим был настолько уверен, что я не Хранительница, что я тоже в этом уже не сомневалась. Разве только совсем чуть-чуть. Зачем же Ивану держать у себя бесполезный балласт? Может, он убедится в моей ненужности и решит отпустить? А там уж я придумаю, как захватить с собой Василису, и мы вместе сбежим к отряду Муромца.

Мысли были обнадеживающими, но слишком уж невероятными. Я старалась гнать от себя другой вариант развития событий, при котором Иван просто убьет меня и выкинет

за ворота. И тогда в отряд Муромца я попаду уже холодным трупиком, если вообще попаду. А то ведь сгину, даже могилы не останется.

Ой, мамочки....

— И что, прямо сейчас пойдем? — я упрямо поджала губы, стараясь не поддаваться внутреннему страху. Прозвучало довольно грубо, и никому не нужно знать, что поджилки у меня внутри давно танцуют сальсу. Так и до нервного срыва недалеко. Даже странно, что я боюсь его настолько сильно. Может, какое-то колдовство?

— Не торопись, — снисходительно улыбнулся Иван. Он поднял вверх руку и Кикимор за его спиной, испуганно поклонившись, поспешил ретироваться из комнаты. Мы остались вдвоем. — Твое время еще придет.

— Так чего же тебе тогда нужно от меня сейчас?

Иван отвечать не стал. Тяжелым взглядом окинул насупившуюся Василису и устало выдохнул.

— Ужин вам принесут через пару часов. Василиса, — Царевич посмотрел на девушку и, будь я проклята, если в его интонации и взгляде не прозвучали нотки самой настоящей искренней нежности, — поешь хотя бы сегодня, пожалуйста. Я привел твою подругу.

Я удивленно приоткрыла рот, а Вася разозлилась. Подскочила на ноги и, сжав руки в кулаки, зло выпалила:

— Ты похитил мою подругу, это раз! А два — я лучше умру, чем приму что-то от тебя!

Иван снова тяжело вздохнул и обреченно покачал головой. До этого широко расправленные плечи и горделивая осанка поникли. Мужчина ссутулился и в мгновение ока растерял большую часть своей величественной красоты. Будто бы даже выглядеть стал старше. В глазах снова проявилась жестокость, а светлые широкие брови зло сошлись на переносице.

— Я не буду долго терпеть, Василиса. До нашей свадьбы осталось несколько дней. Советую тебе поскорее принять предложение. Не хочу тащить тебя под венец силой.

— Это поэтому решил зельем приворотным опоить, охальник? — встрепелась девушка, — Только знай, все равно я Кощея люблю, и ничего это не изменит!

— Вася! — охнула, хватая подругу за локоть. Вот же дурочка, нельзя было говорить Царевичу, что мы в курсе его планов!

Иван прикрыл глаза и сделал пару вдохов, пытаясь совладать с бушующей внутри злостью. Я в это время оттянула девушку подальше, чтобы уберечь ее от возможной вспышки злости хозяина замка: тот уже был на грани. Впрочем, надо отдать Царевичу должное, в себя он пришел быстро. Распахнул, наконец, глаза, одарил нас обеих презрительным цепким взглядом и прошипел:

— Все равно моей будешь, Василиса. А Кощея твоего я самолично на тот свет отправлю.

И вышел прочь из комнаты, с силой захлопнув за собой дубовую дверь, отчего зашатались стены. Вася опомнилась, кинулась к двери, и снова застучала по ней кулаками, проклиная Ивана и обещая ему все мыслимые и немыслимые небесные кары. А я только стояла, глазами от удивления хлопала и пыталась переварить все, что только что произошло.

Образ Ивана, какой я нарисовала себе во время похода по Лесу, стерся окончательно. После этой сцены мотивы Царевича мне были совершенно непонятны. Я ожидала спятившего безумца, одержимого властью, но где воодушевленные триады о захвате всего мира и всевластии? Где угрозы об уничтожении Леса? Откуда взялась такая забота о Ваське? Да, чего уж там говорить, я была уверена, что Василиса давно находится под приворотными чарами, ведь прошло уже столько времени со дня ее похищения. Если бы она ему была нужна только для того, чтобы захватить Лес, давно бы ее зельем опоил и как миленькую под алтарь увёл. А он терпит. Ждет, когда сама она согласится, хотя и знает, что не может этого произойти.

Я совсем ничего не понимала, кроме того, что Царевич внушал мне самый настоящий ужас. До сих пор тело трусило так, что зубы стучали друг о друга и грозились вот-вот скрошиться.

— Вася, — громко позвала все еще бушующую у двери подругу, — а ты ничего не хочешь мне рассказать?

Девушка запнулась, спустилась по стене на пол, закрыла лицо руками и тяжело вздохнула:

— Много чего, Руслана.

За последующий час, прерываясь на всхлипы и причитания, Василиса рассказала мне много нового. Причем, судя по всему, того, о чем не знали даже её муж и Максим. Оказывается, Иван не просто так позарился на красавицу девушку со значительной родословной. Мы то думали, что нужна ему Вася только для укрепления своего положения и утешения самолюбия, но, судя по тому, что рассказывала царевна и по тому, что я видела собственными глазами, Царевич по-настоящему её любил.

Первый раз Василиса и Иван повстречались еще в детстве. Маленькой царевне родители пророчили царевича из соседней страны в женихи. Обоим было лет по пять, когда их познакомили и, как выразилась сама девушка, заставили дружить. Сначала все было чудесно. Шустрый светловолосый мальчонка с россыпью веснушек на белых щеках очень нравился Василисе. Царевна тоже приглянулась мальчику, да так сильно, что у него-то вопрос с будущим замужеством не вызывал никаких сомнений. Лет в восемь они даже сыграли шуточную свадьбу и поклялись навсегда оставаться вместе. Все изменилось, когда обоим было лет по четырнадцать. Тогда Вася случайно услышала, как Иван приказывал своим слугам забить палками сына конюха, который, якобы, бросил на царевну косой взгляд, а его родителей сослать на каторгу. Незнакомая жестокость друга детства поразила девушку и в один миг перечеркнула многолетнюю дружбу. Василиса устроила публичную истерику и заставила Ивана отменить приказ, а после этого прибежала к родителям и категорично заявила, чтобы больше в их тереме и ноги Ивана не было. Родители Васю любили, а государств со свободными женихами в округе было еще много. Сильно не переживая, Ивана выставили за дверь и запретили впредь появляться.

С тех пор девушка не хотела больше ничего слышать про своего старого друга, но волей неволей приходилось. Года через три она узнала, что родители Ивана погибли на охоте, и в его царстве случился переворот. Сначала все думали, что Царевич тоже умер, но вскоре Васе начали приходить письма с заверениями любви, мольбами о прощении и просьбами присоединиться к нему. Разгневанная царевна запретила слугам доставлять ей письма от Ивана и через пару лет благополучно вышла замуж за Кощея.

— Да уж, — выдохнула я, когда Вася закончила свой рассказ, — жестоко.

Девушка захлебнулась от возмущения и вскочила на ноги.

— Руся! Это я жестоко поступила?! Он еще мальчиком готов был убить любого, кто смотрит в мою сторону! Что бы было, если бы я вышла за него замуж?!

Я поспешила убедить царевну, что имела в виду ситуацию в целом, и задумалась.

— Ладно, — пробормотала, когда успокоившаяся Вася присела на кровать рядом со мной. — С его чувствами мы разобрались. Что ему от мира то понадобилось? Неужто мстить начал?

— Он безумен, — вздохнула девушка. — Этим все объясняется.

— И что? — недоверчиво переспросила я, — ты совсем ничего не знаешь о его планах?

Василиса невесело хмыкнула и покачала головой:

— Знаю, Русланка, ох знаю. Не ведаю, рассказывали ли тебе про Книгу Сказок, на которой наш мир держится?

Я кивнула и задумчиво добавила:

— Яга говорила, что по легенде её Жар-Птица охраняет.

— Вот-вот, — подтвердила Вася со вздохом, — А Жар-Птица только Хранителей трогать не может. В Книге двенадцать глав, каждому Хранителю позволено прочитать одну и свою часть Знания Великого получить. Хочет Иван всех Хранителей вместе собрать, чтобы каждый своё узнал, а потом ему поведать. Ежели кто-то всю Книгу знать будет, такая сила да мощь у него появится, что и купол волшебный рухнет от чар его, будто стекляшка.

— И что будет тогда? — тихо спросила, чувствуя, как от страха пробивает на дрожь.

— Конец настанет, Руслана. Выберется Иван с войском своим прямиком в ваш мир. Разгромит все, вы и опомниться не успеете. Он же еще и перья Жар-Птицы украсть хочет. А это самая настоящая живая магия, с которой он всемогущ.

Звучало и без того устрашающе, а тут еще лицо Василисы застыла маска замогильного ужаса, будто бы все, о чем она рассказывает, уже произошло и с минуты на минуту на наши головы должен был обрушиться конец света. Что ж, ты хотела, Лесницкая, чтобы все понятнее стало? Теперь стало. Вот только что делать то с этим? Ни Кощей, ни Макс не знают о планах Ивана, а мы с Васей, хоть и знаем, но не можем им об этом рассказать.

Еду нам все-таки принесли. Через полчаса после ухода Ивана в комнату завалился Кикимор с двумя подносами. Как это хрупкий дядька удерживал их на кривых тонких ручках, понятия не имею. Он каким-то чудесным образом балансировал на деревянных ногах и умудрялся идти ровно, не расплескивая даже воду в хрустальных стаканах.

Первое о чём я подумала, когда деревянный охранник зашел в комнату — сбежать. Казалось, сшибить щупленького сказочного героя было делом плевым, особенно учитывая, что мы с Васей уже от него удрали однажды. Однако стоило мне выглянуть в распахнутую дверь и встретиться глазами с, как минимум, дюжиной оскалившихся волков — желание бунтовать пропало. Лучше я съем принесенный нам ужин, чем стану им сама.

Кикимор с презрением следил за моими действиями, ожидая, когда я отойду от двери. Я едва сдержалась, чтобы не показать ему в ответ язык и со вздохом вернулась к сидящей на кровати Василисе. Девушка гордо задрала голову и на предложенный ужин, от которого тянуло умопомрачительным ароматом свежеприготовленного мяса и выпечки, даже не взглянула. А вот я кинула всего один взгляд на подносы и уже не смогла его отвести. Чувствовала себя собакой Павловой под лампочкой — голодная слюна сочилась точь-в-точь, как у бедной подопытной известного биолога.

— Кушать подано, — дедуле на выражение наших лиц было плевать. Он водрузил подносы на прикроватный столик и направился обратно к двери. Я терпеливо ждала кулаки и постаралась сглатывать не слишком громко, ожидая пока Кикимор соизволит, наконец, покинуть комнату. Тот же вальяжно (специально что ли издевается) вышел в коридор и вытащил откуда-то (догадываюсь, что из пасти одного из волков) сматое одеяло. Бросил его в угол комнаты и усмехнулся.

— Ты, — тычок кривым пальцем в меня, — спишь здесь, — деревянный перст указал на спальную принадлежность, больше напоминающую половую тряпку.

Я подавилась воздухом и закашлялась. Василиса постучала меня по спине, но от гнева переборщила и вложила в этот жест доброй воли всю свою силу. Теперь помимо удушья надо мной нависла угроза перелома позвоночника.

— Вася, хватит, — прохрипела я, плавно соскальзывая на пол, лишь бы увернуться от сильных рук девушки.

— Ой, прости, — спохватилась та, поспешно отодвигаясь на другую сторону кровати. — Тебе не больно?

Я, все еще кашляя, поднялась с пола и показала девушке большой палец. Та удовлетворенно кивнула и всю свою ярость направила на застывшего у двери Кикимора. Дедуля наблюдал за нами с нескрываемой усмешкой, но под грозным взглядом Василисы

заметно струхнул. Видать, девушка знатно его достала за все эти дни. С её боевым характером, удивляюсь, как он не рассыпался до сих пор, пенёк трухлявый. Хотя, если подумать, листиков на нём стало куда меньше, чем при нашей первой встрече в лесу. А те, что были, пожелтели и пожухли. От стресса, наверное.

— Ты что еще выдумал, окаянный! Руслана тебе собака на полу спать? — Вася решила не мелочиться и самого начала своей тирады взять высокие ноты. Я от ее визга перестала кашлять, а Кикимор пошатнулся.

— Дык, хозяин приказал, — проблеял он, начиная пятиться к двери.

— Передай своему хозяину, что, если он не хочет, чтобы я разгромила его замок, пусть даст Руслане все самое лучшее, как мне! Почивальню удобную, еду вкусную! Баню!

Ага, осталось только в печку самой запрыгнуть. Не Василиса Прекрасная, а Баба-Яга, какая-то ей богу. А вообще, молодец она, конечно, не теряется. Вроде в плену, а условия свои гнёт, будь здоров. Мне от разыгрывающегося спектакля стало смешно, а Кикимору страшно.

— Дык, как же ж я ему передам-то, — затрясся он, — спит Иван. Велел до утра не беспокоить.

— А мне все равно! — не женственно гаркнула Василиса. Какой-то волк в коридоре перетрусил и тихонько заскулил. — Хоть под окном ему вой! Но чтобы у Русланы кровать была!

Я собиралась сначала убедить девушку, что ее огромной кровати нам с лихвой хватило бы, даже если бы я весила килограммов на сто больше, но не стала, вовремя соображая, что она просто из вредности пыталась довести дедушку до белого каления.

8.3

Короче говоря, гневающаяся пленная царевна в планы жителей замка не входила. Кровать мне и правда соорудили. Василиса сперва долго ругалась, что она меньше её, но тут уже я остановила девушку. Приключений на сегодня было достаточно — сил почти не оставалось, а я планировала обсудить с Кощеевой женой еще кое-что важное. План созрел постепенно, но к тому времени, как слуги установили еще одну кровать в комнате и застелили ее чистыми простынями, был почти готов, но все же требовал некоторых доработок. Осуществить их было желательно до ночи, поэтому я шепнула на ухо Василисе, чтобы она успокаивалась и выгоняла уже бедных слуг спать.

— Что такое? — кинулась она ко мне, когда вытолкала всех лишних за дверь, на прощание дав обещание, что завтра они обязательно «встретятся».

— Бежать надо, — уверенно кивнула я.

Вася удивленно вскинула брови, а я с размаху приземлилась на мягкую новую кроватку и в ту же секунду усомнилась в силе своего намерения. После долгих дней в лесу, ночевок на земле, эта постель показалась верхом блаженства. Василиса что-то спросила у меня, но я не услышала. Со стоном растянулась на мягком матрасе, укуталась чистыми простынями и блаженно закрыла глаза.

— Я передумала, — пробормотала, чувствуя расслабленную негу в каждой клеточке тела. — К черту побег, остаемся жить здесь.

Ох, а там же за дверью еще и ванна самая настоящая. Горячая вода...

— Руслана! — гневный окрик Василисы вырвал из полузабытья. Девушка нависла надо мной, уперев руки в бока и сведя на переносице брови. Я открыла глаза и тяжело вздохнула.

— Да шучу я, — пробормотала себе под нос. Вася недоверчиво на меня покосилась, но спорить не стала. Вместо этого примостилась на кровать напротив, сложила на груди руки и выжидательно нахмурилась.

— Руслана, я волнуюсь.

Василиса крутилась у зеркала и нервно теребила безупречную косу. Шикарный сарафан, расшитый драгоценными камнями по рукавам, воротнику и подолу сидел на девушке идеально. Неплотный корсет выгодно подчеркивал фигуру, а голубой цвет удивительно шел её васьковым глазам.

— Красавица, — я подняла вверх большой палец и улыбнулась. Вася смутилась и принялась наносить на ресницы угольную смесь.

Пока девушка наводила марафет я лазила по шкафам в надежде найти хоть что-нибудь, что могло бы нам помочь. В карманы брюк отправились несколько платков, неосмотрительная оставленная Кикимором вилка и клубок с нитками (черт его знает, как он вообще оказался у Васи под подушкой). Не густо. Полагаться придется только на собственный ноги и мозги.

— Я готова, — Василиса при полном параде грациозно выплыла из уборной и приосанилась. Я удовлетворенно кивнула.

— Все помнишь?

— Помню, — кивнула девушка. Волнение читалось в ее глазах, но решительный блеск перекрывал его.

Честно говоря, я боялась не меньше Васи. Перед Иваном я вообще чувствовала себя очень странно. Ему даже перечить и язвить не хотелось, до того жуткое впечатление он наводил. Однако, несмотря на страх перед Царевичем, все, о чём я думала сейчас — это оставшиеся в лесу люди. По их плану они должны были начать штурм замка в тот

момент, когда к ним присоединятся остальные Хранители. Но теперь стало очевидным, что это все — ловушка. Иван хочет собрать всех Хранителей в одном месте, чтобы те прочитали для него главы Книги. Если кто-то не пойдет добровольно — Царевичу ничего не стоило упрямец заставить. По словам Василисы, в подземельях замка были темницы и пыточные. Мышцы свело от страха, когда я на секундочку представила, как Максима ведут в эти самые пыточные и мучают там. Эта мысль пришлось тут же прогонять из головы, потому что еще чуть-чуть, и я бы начала паниковать. Нечего сидеть тут и трястись от страха, надо найти способ выбраться и предупредить всех.

— Готова? — в очередной раз поинтересовалась у царевны, а та уверенно кивнула:

— Да.

Медленным грациозным движением она надела стоящие у двери сапожки и вальяжно подплыла к двери. А затем размахнулась и постучала в неё ногой. Я подпрыгнула от неожиданности. Никогда наверно не устану удивляться её силище.

Вася колотилась в дверь минут пять, не меньше. Скоро просто долбиться девушке надоело, и она принялась сопровождать стук еще и голосовым сопровождением. Минута промедления могла быть опасна для обитателей замка и угрожала разбитой хрупкой посудой и осыпавшейся штукатуркой. Василиса вышла на невиданные фальцеты. Я даже испугалась, что мои барабанные перепонки не выдержат такой нагрузки и разорвутся.

— Вась, — попыталась было я остановить девушку я, но та только подмигнула мне и продолжила голосить.

Кикимор появился в дверях комнаты через пару мгновений. Бежал, видать с другого конца замка. Запыхался, бедняга. Корявой рукой чесал свой лоб и все никак не мог восстановить дыхание.

— Чего тебе? — прохрипел он, согнувшись в три погибели, чтобы дышать легче было.

Василиса на секунду замолчала, а потом снова набрала в легкие воздуха и гаркнула:

— Тебе?!

Кикимор быстро понял свою оплошность. На его затылке от страха завял еще один листик, а губы у дедули затряслись.

— П-п-простите, я не то хотел сказать. В смысле, Вам...

Было видно, что Кикимор Василису недолюбливал. Недолюбливал и боялся, но куда не мог деться — Иван приказал обращаться с ней как с принцессой и готовиться к тому, что она станет его законной женой. И вот сейчас он посмел невесту собственного Хозяина назвать на «ты», тем самым подгадив себе и оказав услугу нам. У Василисы в глазах загорелся победный огонек, и девушка мгновенно зацепилась за любезно предоставленную дедулей возможность начать грандиозный скандал.

— Да как ты смеешь?! Мне! Василисе! Тыкать!

Кикимора стало искренне жаль. Казалось, еще немного и беднягу придется откачивать с валокордином. Он снова заблеял извинения, а Василиса презрительно смотрела на него сверху вниз, застыв каменным изваянием.

— Хочу спуститься в столовую!

Дедуля оборвался на полуслове и удивленно хлопнул зелеными глазами.

— Дык, неположено-ж, — нервно кашлянул он.

Царица медленно подняла левую бровь, а я в очередной раз восхитилась живой глубоко внутри нее стержневой натурой. Интересно, она, когда Кошечку скандалы закатывает, тоже так себя ведет? Или это просто проявление чудесного актерского таланта?

— Что значит не положено? — голос Василисы звучал обманчиво спокойно, что пугало

куда больше, чем если бы девушка закричала. Кикимора, как и меня, проняло, но уступать так сразу дедуля был не намерен, за что я его начала уважать.

— Дык запретил Иван вам из комнаты выходить.

— Мне. Нужно. Прогуляться. — выделяя каждое слово многозначительной паузой припечатала царевна.

— Так, может, я вам завтрак в комна...

— В столовую!

Сказочный дедуля испуганно заозирался, надеясь, что хоть кто-то из обитателей замка придет ему на помощь, но вступать в спор с Василисой никто не спешил. Собственная шура дороже, понимаю.

— Иван к ужину прибудет, — снова попробовал поспорить Кикимор. — Спросим у него, с ними и потрапезничаете.

— К ужину я могу передумать, — на удивление спокойно протянула Вася и сложила на груди руки, а в этот момент в игру включилась я.

— Дедуль, вы поймите, — зашептала заговорщицким тоном, — мы вчера с Васей поговорили, и я убедила ее, что Кощей Ивану и в подметки не годится. Сложно её переубедить — глупая еще, молодая. Но, может, и удалось мне. Смотрите, какой прогресс, она, вон, с утра марафет навела, да решила к завтраку спуститься. Глядишь, к вечеру и на предложение согласна будет.

В отличии от Васи, меня высшие силы актерским талантом не наградили, и выданная фраза прозвучала глупо и неправдоподобно. Я была абсолютно уверена, что нас сейчас запрут в комнате и попросят придумать что-то поинтереснее, но, на наше счастье, Кикимор оказался сказочным персонажем недалекого ума. Он оценил вид Василисы (не зря прихорашивалась) и глубоко задумался.

— Хорошо, — выдал он наконец, — Но я приставлю к вам волков.

— Еще псы за мной не ходили, — презрительно бросила девушка. — Хочешь сторожить — сам ходи. Я не выношу запаха шерсти.

Кикимор этого не ожидал, а я в очередной раз мысленно похвалила сообразительную Васю.

Я обреченно покачала головой и постаралась как можно красочнее объяснить дедуле, как «обрадуется» Иван, когда узнает, что Василиса соблаговолила, наконец, поменять свое отношение к хозяину замка, а Кикимор испортил это дело.

Дедуля попытался обдумать ситуацию, но, видимо, мозгов у него было куда меньше, чем страха перед Иваном. Мы с Кошеевой женой продолжали давить бедняге на психику и у него не осталось выбора. Еще раз предупредив, что у неё чуткий нос, и чтобы волков на расстоянии пары верст рядом не было, Василиса поставила, наконец, точку в этом разговоре. Кикимор сдался окончательно и бесповоротно, но, на всякий случай, пообещал, что не спустит с нас глаз.

Пока спускались на первый этаж (нас, оказывается, держали у крыши на третьем), я удивленно озиралась по сторонам. Замок Ивана разительно отличался от замка Кощея. Если бы я не знала ничего ни об одном хозяине, ни о другом, то не задумываясь решила бы, что злодей — Бессмертный. В его мрачных хоробах, отстроенных в стиле готики, все вокруг дышало жуткой атмосферой, а здесь обстановка была гораздо веселее. В коридоре паркет радовал глаза светло-коричневым оттенком, стены были выложены деревянной кладкой со вставками для книг, коих тут наблюдалось огромное количество, а колонны у лестницы украшали объемные резные фигуры. По перилам шел удивительно красивый витиеватый узор: казалось, будто бы ветки дикого плюща оплели своды, а потом кто-то поколдовал и сделал их деревянными — до того правдоподобно и живо выглядела резная листва. Лестница начиналась узкой ступенькой, на которой могли поместиться человека два, не больше, а к своему подножью расширялась до размеров большого корыта. Факелы горели на каждом шагу на разных уровнях, из-за чего

освещение было даже чрезмерным. Вот разве может такой прекрасный дом, в котором будто бы каждое бревнышко пропитано волшебством и радостью, принадлежать такому плохому человеку? Несправедливо! Вася, в отличие от меня, по сторонам не озиралась и восхищенно не вздыхала. Видать девушке, привыкшей ко вкусу мужа, подобный интерьер оказался не по душе.

Столовая, в которую нас привел Кикимор, была меньше, чем я себя представляла. Пред нами предстал зал с вытянутым столом персон на восемь, может быть, десять. Все вокруг было сделано из дерева — стулья с резными спинками, стол, несколько шкафов, а вот две дальние стены были проложены красным кирпичом. В одной из них примостился огромный камин, на который я тут же начала пускать слюнки. Всегда о таком мечтала.

— Присаживайтесь, — процедил Кикимор, размахивая кривой рукой. — Завтрак сейчас принесут.

Пока дедуля вместе со слугами бегал вокруг разыгрывающей недовольство Василисы, я внимательно изучала огромные окна столовой. Высотой метра два и вполтину меньше в ширину, они были бы подходящими для нашего побега, но только в абсолютно идеальных цветных стеклах не было даже намека на ручку или, на худой конец, форточку. И почему, интересно, в замке так прохладно, если все закупорено как в теплице?

Вася краем глаза оценила обстановку и печально вздохнула. Решила свой гнев выплеснуть на Кикимора и снова начала оду под названием «Что за ужасную кашу вы принесли?».

Не знаю, притворялась девушка или нет, но лично мне каша очень даже понравилась. Наваристая, чуть подслащенная и щедро сдобренная свежими ягодами. Чудо просто. Я бы с удовольствием еще порцию съела, о чем и сообщила дедуле. Тот, кажется, спокойную меня на фоне стервозной Василисы уже начинал любить, потому что облегченно вздохнул и беспрекословно велел вынести мне добавки.

В общем, завтрак проходил вполне себе весело. Особенно для царевны — девушка развлекалась вовсю, заставляя выть от отчаяния всех слуг. Не удивлюсь, если кто-нибудь по итогу наплевал ей в кашу или чай. Когда моя тарелка опустела во второй раз, а Вася, заявила, наконец, что больше не голодна, по залу пронесся синхронный вздох облегчения. Зря это они, всё только начиналось. Кикимор сам того не понимая снабдил нас очень ценной информацией. Он проговорился, что Иван возвращается к вечеру, а значит, у нас была еще пара часов, чтобы придумать, как именно выбраться из замка и дать дёру.

— Хочу на свежий воздух!

Дедуля поперхнулся от неожиданности и умоляюще посмотрел на меня. Я тоже не ожидала от девушки такой откровенной наглости и незаметно показала ей большой палец. Умница.

— На улицу не положено, — нахмурился Кикимор, откашлявшись.

Вася дернула бровью и снова сложила на груди руки. Кажется, беднягу уже автоматически начинало трясти от вида этой позы: как правило за ней следовала продолжительная истерика.

— А знаешь ли ты, дедушка, — ласково начала Вася, с первых слов доводя Кикимора до нервного тика. У него задергался глаз, а с головы слетела еще парочка пожухлых листочков. — Знаешь ли, что я уже которую седмицу взаперти без окон, без дверей сижу?

Последние слова, которые девушка прокричала, разнеслись по залу с гулким эхом. Я услышала, как где-то в стороне лопнуло что-то стеклянное, но списала все на самовнушение. Ух, Василиса.

— Не нервнируйте её, — прошептала на ухо застывшему изваянием Кикимору, чем только сильнее напугала беднягу.

— Ась?! — подпрыгнул он, расширяя от ужаса глаза и оборачиваясь на меня.

— Не нервнируйте, говорю, её, — мило улыбнулась я, пожимая плечами. — Непросто, знаете ли, вот так решение своё изменить. Да и представьте, какого девушке к потенциальному супругу бледной, словно смерть идти. На солнышко ей надо, на свежий воздух.

Василиса важно кивнула, подтверждая мои слова, а Кикимор разве что креститься не начал.

— Да как же я, — забормотал он себе под нос, начиная нарезать круги вокруг стола. — Как же я Ивану то объясню? Прознает — голову с плеч снесёт.

— Да ладно вам, дедуль, — махнула я рукой. — Вы посмотрите на нас. Разве мы кому-нибудь расскажем?

Кикимор моим заискивающим словам не поверил и पुще прежнего нахмурился. Я же решила зайти с другой стороны и пустить в дело тяжелую артиллерию. Я несла откровенную ерунду и не понимала больше половины сказанного, но Кикимор проникся. Моя лекция о пользе свежего воздуха для девушек вообще и невест в частности произвела на него внушительное впечатление. Когда дело дошло до описания здоровья будущих Ивановых и Василисиных наследников, не выдержала уже царевна, ушипнув меня за бок и заставив болезненно ойкнуть. Я виновато покосилась на возмущенную Васю и пожала плечами.

— Ладно, — махнул, наконец, рукой ошарашенный дедуля. — Будет вам сад. Но за вами будут следить.

— Только не волки, — скривилась девушка.

Кикимор печально кивнул. А я мысленно захлопала в ладоши.

Садик, куда Кикимор в сопровождении нескольких слуг вывел нас, был и правда крошечным. Кажется, предназначался он для рабочей силы замка, потому что вышли мы через заднюю дверь кухни. Василиса вопросительно покосилась на меня, будто бы спрашивая, нужно ли снова начинать скандал, но я замотала головой. Место тут хоть было и мало, но, наличие большого количества нестриженных кустов и ведущих в них едва заметных тропинок дарило надежду на наличие тайных ходов. Если здесь обитают слуги, значит, наверняка, есть возможность выйти за пределы замка не через главный вход. И охраны тут тоже гораздо меньше. Вернее, судя по всему, ее вообще нет.

Теперь перед Василисой стояла задача — отвлечь Кикимора и слуг, а предо мной — найти выход с полянки. Я почти сразу заприметила пару подходящих тропинок, но пока не могла сообразить, куда они выводят. Василиса правильно поняла мой красноречивый взгляд и, гордо выпрямив спину, двинулась вглубь садика. Кикимор, вопреки моим ожиданиям оглянулся на меня. Пришлось догонять.

— И как вы прикажете жить в замке, где так ужасно ухаживают за садом? — вопрошала девушка, презрительно оглядываясь по сторонам. Я делала тоже самое, но совсем с другой целью.

Спустя полчаса прогулки, когда от стенаний Василисы начало тошнить даже меня, я, наконец, выяснила то, что было нужно. Прямо у входа начиналась утоптанная тропинка, которая тянулась за кривую яблоню и упиралась в кусты неизвестного мне растения. Именно по ней за время нашей прогулки проскользнули несколько слуг, и, обратно уже не вернулись, и именно оттуда приходили те, кого я еще не видела. Скорее всего, за кустами находился служебный выход. Смелое, конечно, предположение, но, как говорится: кто не рискует, тот не пьет боярышник.

— Вась, — шепнула девушке на ушко, — скажи, что хочешь есть.

Кикимор подозрительно следил за нашими перешептываниями. Я мило улыбнулась дедуле, а Василиса заявила:

— Я проголодалась!

Кикимор устало закатил глаза, а со стороны слуг донеслись отчаянные стоны.

— Пройдемте тогда в столовую... — начал было дедуля, но я его перебила:

— Зачем в столовую? Кухня же вот. — махнула рукой на низкую деревянную дверь. — Не колготитесь дедушка, давайте туда зайдем да перекусим что-нибудь.

Кикимор одарил меня благоговейным взглядом и быстро закивал, надеясь, что Василиса не заголосит что-нибудь о недостойных ее условиях. Василиса не заголосила, и хрупкий мир временно был восстановлен. Ровно до того момента, пока мы оказались на кухне. Вокруг кипела работа и умопомрачительно вкусно пахло мясным бульоном.

— А есть у вас фрукты? — мило поинтересовалась я. Кикимор покосился на Васю, но та только важно кивнула подтверждая, что хочет того же.

Нам принесли огромную тарелку с натуральными природными вкусностями. Чего только там не было: от яблок до ежевики (это из тех, что знала) и еще пара плодов, которые видела в первый раз. Василиса чинно взяла маленькую зеленую ягодку со смешными длинными усиками и отправила в рот. Судя по тому, что в конвульсиях девушка дергаться не начала, ягодка была вполне съедобна. Для нее по крайней мере. Я мысленно взмолилась, чтобы на этот раз театральный талант меня не подвел и последовала примеру царевны.

Изобразить судорогу оказалось не так сложно. Я даже загордилась собой, когда вполне достоверно грохнулась на пол и принялась дергаться в судороге. Паника вокруг поднялась — будь здоров. Василиса во все горло кричала «Убили!», Кикимор нарезал вокруг меня круги, будто я была новогодней ёлкой, а слуги, кажется, принимали решение раз и навсегда покинуть нервную работу.

— Зовите врачевателя! — орал чей-то бас.

— Дык нет его! — голосили ему в ответ, — с вечера вчерашнего уехал.

— Так помрёт же!

— Ох, было бы неплохо.

Тихое бурчание последнего услышала не только я, но и Вася. Девушка, что уже бухнулась на колени рядом со мной и слёзно молила прийти в себя, задохнулась от возмущения, а потом так яростно вскинула голову, что шутник, наверное, тут же разучился говорить.

Что тут началось. Василиса подняла такой крик, что Кикимор даже рта открыть не мог. Воцарился гвалт. Девушка грозила, что, если её любимая подруга скончается здесь и сейчас, то уж она Ивану пожалуется и никто с кухни живым не выйдет. Если прежде до моей скорой кончины никому дела не было, то теперь все заволновались по-настоящему. Уж когда своя-то шкура подгорает, оно страшнее.

— Всех на плаху пустить заставлю! — гневалась Вася, натурально изображая убитую горем подругу, — всех до единого!

Уж тут как забегали. Кто-то меня под мышки поднять попытался, но девушка быстро его осадила:

— А ну не тронь! А вдруг хуже сделаешь?

Не знаю, сделал бы этот кто-то хуже, но от страха выпустил он меня из своих рук. Тело со стуком встретилось с полом, и я с трудом сдержала стон. Не по сценарию, как говорится.

— Найдите в замке хоть кого-нибудь, кто в лекарском деле разбирается! — ревела Вася.

Судя по всему, без приказа свыше никто бежать не осмелился, но как только Кикимор рявкнул: «Выполнять!», двери захлопали, ноги затопали, и через несколько мгновений на кухне остались только мы вдвоем и кипящий на печи суп. Медлить было нельзя. Возможный обладатель навыков врачевания мог оказаться за любым поворотом, что грозило нам неутешительными последствиями.

— Вася, давай, — рявкнула я, подскакивая.

Опешивший от неожиданного чуда целительства Кикимор застыл, а не растерявшаяся Василиса с размаху съездила бедняге скалкой по затылку. Что случилось с ним дальше, узнавать не было времени. Мы дружно бросились к выходу в сад и по той самой тропинке устремились к кустам.

Мои предположения оказались верными. Кусты не смыкались между собой. Сразу за небольшой яблоней находилась арка, где лишь пара веточек перекрывали ход. Рискованно, конечно, было полагать, что он не ведет куда-нибудь на центральную площадь, но и в это раз нам повезло. Преодолев препятствие, мы оказались на небольшой огороженной полянке, которая заканчивалась двустворчатыми воротами, а те, в свою очередь, были... открыты!

8.4

Такой удачи я точно не ожидала. Мелькнула мысль, что слишком уж всё просто получается, но я отогнала её прочь. Мало ли, может, судьба в кои-то веки решила послать мне удачи, а я её критикую.

Мне из-за штанов и отвоеванных в честном бою с Максимом и Кошеем кроссовок бежать было куда легче, чем Васе. Но девушка не растерялась, подхватила нелегкие юбки и припустила, не обращая внимания на каблуки на сапожках. Когда мы вылетели за ворота, которые оказались выходом в лес, она уже обогнала меня. Не надо было мне прогуливать пары физкультуры, ох не надо. Да и когда Алексей предлагал заняться с ним утренними пробежками, зря я всегда отнекивалась и заявляла, что неспортивная натура.

Между воротами и опушкой леса было пространство метров в тридцать. Мы как раз достигли первых деревьев, когда позади послышался волчий вой и звук погони.

— Беда, — охнула Василиса, — Руслана, давай быстрее!

Тропинка закончилась резко. Просто в какой-то момент вместо протоптанной травки под ногами оказались ухабы, ветки и ямы. В то же мгновение наш бег из обычного превратился в бег с препятствиями по пересеченной местности. В груди сжимался комок страха, который начинал пульсировать каждый раз, когда позади раздавался очередной лай или вой. Мы неслись с такой скоростью, с которой я никогда в жизни не бегала. Бок кололо иголками, лёгкие сжимал беспощадный стальной обруч, а глаза предательски слезились. Где-то в ушах оглушительно билось сердце, и ноги в какой-то момент перестали слушаться свою хозяйку.

— Вася, — прохрипела я через пять минут, показавшихся мне вечностью, — я больше не могу!

— Давай, Руслана! — девушка обернулась. Отпустила одну сторону сарафана, чтобы протянуть мне руку, но тут же об этом пожалела. Юбка зацепилась за куст, и тот с треском порвал толстую ткань. Девушка чертыхнулась, пытаясь выпутаться из плена. Я воспользовалась минутной передышкой, оперев руки в колени и мечтая хотя бы о глотке воды.

— Бежим! — снова рявкнула Вася, когда, наконец, смогла отобрать у цепких веточек свой подол. — Мы сможем!

Я в этом сильно сомневалась. Куда нам против стаи волков? Да и, если честно, подозрительным, казалось, уже то, что нас до сих пор не поймали. Через пару минут, за которые я уже несколько раз успела проклясть все вокруг и попрощаться с жизнью, всё встало на свои места. Мы вылетели на очередную крошечную поляну, на которой нас уже ждали. Лично я из-за сильнейшего головокружения даже сообразила не сразу, что человек в окружении волков перед нами — Иван. Вася было дернула меня за руку в обратную сторону, но волки окружали нас со всех сторон. Позади оказался тот огромный серый, которого я видела первый раз в доме Марьи Егорьевны, и который потом похитил меня у реки.

Иван выглядел расслабленным. Стоял рядом с огромным черным конём, держал в одной руке его узды, а второй ласково похлопывал монстра по шее. На нас он смотрел с какой-то отеческой улыбкой.

— Ты же вечером должен был вернуться. — прохрипела я, бессильно садясь на корточки и пытаясь отдышаться. От быстрого бега у меня отключились мозги, и сейчас я не испытывала прежнего страха перед этим человеком. Все, что я чувствовала — горящий бок, пересохшее горло и сводящие судорогами мышцы в ногах. А мечтала только о глотке воды и мягкой постели.

— Какая же ты слабая, Хранительница, — вздохнул Иван. Он отдал узды одному из слуг, которые только что вместе с Кикимором появились из леса, и двинулся к нам.

Я только отмахнулась. И без тебя знаю. Издеваешься еще, засранец.

Стоит сказать, что Василисе тоже было нехорошо. Она, конечно, не умирала, как я, но дышала тяжело. Вероятнее всего, только положение и гордость не позволяли девушке присесть рядом. Мне же на все вышеперечисленное было плевать, и под снисходительным взглядом Ивана, я плюхнулась прямо на пятую точку.

— Неужели вы думали, что ваш глупый план мог сработать?

Иван потешался над нами, причем с таким самодовольством, что становилось тошно. Судя по всему, ловушку нам подстроили с самого начала, слишком уж легко удался наш спектакль.

— Сволочь, — с чувством выдала я.

Иван мой выпад проигнорировал и остановился напротив Василисы. Девушка старалась дышать спокойно, но ее быстро вздымающаяся грудь и покрасневшее лицо показывали, что не так-то просто ей это дается.

— Говорил же, что не отпущу тебя. — ласково проговорил Царевич. Василиса скривилась и сложила на груди руки.

Я задрала голову к небу и постаралась успокоить дыхание. Полуденное солнце не слепило из-за большого количества огромных облаков. Они мерно плыли мимо, не обращая внимания ни на что вокруг. Белесые, чистые, и лишь некоторые из них чернели, намекая, что скоро им на смену придут грозовые тучи. Подождите-ка...

Я сглотнула, наблюдая как за одним из облаков промелькнула чья-то тень. Огромная, крылатая и... трёхголовая!

Так вот, как Горыныч прячется! За облаками! Ох, хитро!

Так. Нужно срочно что-то придумать.

Пока Иван говорил что-то Василисе, я, изображая из себя предсмертные хрипы, нащупала на земле тонкую веточку и принялась вычерчивать на земле позади себя буквы. Со стороны должно было казаться, что я просто чешу затекшую поясницу. На это ушло всего пара секунд, но, когда рядом со мной оказался Кикимор, я серьезно испугалась. Впрочем, дедуля ничего не заметил. Прошел мимо и вежливо поклонился Ивану.

— Воды принес, — прокряхтел он, вытягивая вперед небольшую флягу.

Иван кивнул и повернулся к Василисе.

— Выпей. Вижу же, что тяжело тебе.

Вася гордо отвернула голову и сделала вид, что не услышала.

— Упрямая. — фыркнул Иван.

Я же в отличие от Василисы уставилась на покрытую капельками фляжку с благоговением. Боже, я была готова на что угодно, лишь бы сделать хотя бы пару глотков. Василиса, конечно, молодец. И откуда только в ней столько выдержки?

— Попейте, — прокряхтел Кикимор.

Вася снова дернула головой, а я медленно поднялась на подгибающиеся ноги. Вот же они люди нехорошие. А я тут что, по их мнению, не умираю?

— Дайте мне глоточек, — получилось жалобно и так тихо, что услышал только Кикимор. Видимо, симпатия, которую Кикимор проявлял ко мне с утра, еще не прошла, потому что, пока Иван что-то доказывал Василисе, дедуля тяжело вздохнул, но все-таки протянул мне флягу.

— Один глоточек, — прошептал он.

Я согласна закивала и фактически вырвала из корявых рук посудину. Крышка открылась с легким хлопком, и я тут же присосалась к горлышку, где-то на границы сознания

отмечая громкий крик Ивана:

— Не-е-ет!

Вода была невероятно вкусной. Словно ее только что собрали из чистейших прохладных источников. Она едва заметно пахла травами, а от каждого глоточка по телу разливалась блаженная нега. Я никогда не пила ничего подобного. Кто-то вырвал у меня из рук флягу, и я разочарованно застонала.

— Что ты творишь, глупец? — взревел Иван, встряхивая флякон и понимая, что там осталось совсем немного. — Что ты наделал?!

Ну и зачем так кричать? Подумаешь, дал попить бедной девушке. Где это запреще...

Я подняла глаза, чтобы высказать Ивану все, что накопилась внутри, но, внезапно, обомлела. Сердце забилося, будто сумасшедшее, кровь прилила к ушам, а в животе тугим комком свернулось щемящее чувство.

— Боже, — пробормотала, во все глаза разглядывая Самого Прекрасного Мужчину на Земле.

— Руслана, — обеспокоенно позвала меня Василиса, но я только отмахнулась от назойливой девушки. Глупая. Её любит такой Мужчина, а она нос воротит.

— Ванечка, — пробормотала, делая шаг вперед и поднимая руку. Светлых волнистых волос хотелось коснуться так сильно, что кончики пальцев неприятно закололо. — Ваня...

— О, Боги, — простонал Иван, отшатываясь от меня. — Ты, — снова взревел, разворачиваясь к испуганному Кикимору, — демоново отродье! Бесплезная деревяшка!

Дедуля испуганно икнул и будто бы уменьшился в размерах. Иван рассвирепел и замахнулся рукой с зажатой в ней флягой. От удара по лицу Кикимора спасло чудо и собственная вёрткость, удивительная для его возраста.

— Хозяин, — пропищал он севшим от ужаса голосом.

Иван ничего не ответил. Развернулся и кинулся к своему огромному коню.

— Ваня, — бросилась я за ним, путаясь в собственных ногах, которые почему-то стали ватными, — Ваня, куда же ты! А я?!

Я залюбовалась, как любимый запрыгнул в седло. Грациозный. Статный. Мечта всей жизни. Боже, сердце сейчас сойдет с ума!

— Руслана, что с тобой?! — кто-то схватил меня за руку и постарался удержать, но я только зло отмахнулась. Знала, что это была Василиса, и чувство бешеной ревности начало кусать внутренности. Иван уже прищипорил своего коня, и тот с места пустился в галоп.

Ладно, он точно в замок вернется. Никуда не денется.

— Отцепись, — зло огрызнулась я, вырывая руку из захвата. В глазах Василисы плескался ужас, и это еще сильнее меня разозлило. — Только попробуй навредить Ивану! Если узнаю — останешься без косы!

— Ну и что это значит? — Максим присел на корточки и руками раздвинул стелящуюся по земле траву. Закорючки на земле, которые, по заверению Горыныча, оставила здесь Руслана, разобрать было невозможно. Корявые буквы мало того, что были расположены задом наперед, так еще и в слова складываться никак не желали. На другом языке что ли она писала?

Хранитель попытался прочитать еще раз, потерпел поражение, и раздраженно закрыл глаза.

— Откуда у этого человека растут руки? — процедил он сквозь зубы. Прошедшие пара ночей были очень трудными. Максим постоянно винил себя, что не смог уберечь девушку, и строил догадки, что Иван мог с ней сделать. Догадки были одна хуже другой, и Хранитель был взвинчен настолько, что к нему боялся подходить даже Илья.

Кощей присел рядом с другом, но тоже ничего не смог понять. Максим устало взъерошил волосы и потер переносицу.

— Что еще сказал Горыныч?

— Убежать, видать, они пытались, — растеряно почесал голову Илья. — Да только не вышло у них. Поймал Иван. Горыныч говорит, разглядела его Руслана в облаках, вот и начала что-то на земле чертить.

Все трое снова задумчиво замолчали. Тяжелые тучи плыли с востока и своими кучерявыми лапами обнимали большую часть небосвода. Ветер протяжно завывал, приближалась гроза.

— Вот криворукая, — их молчание нарушил звонкий голос Колобка. Выпечка подскочила к ним и теперь с сомнением рассматривала выведенные на земле каракули, — ну, если писать в школе не научили, нарисовала бы что-нибудь.

Максим грозно взглянул на кругляш, и тот буркнув извинения, поспешил ускакать обратно. Под горячую руку Хранителя Колобок попадать не спешил.

— Не понимаю я, — устало протянул Максим, вставая на ноги и раздраженно мотая головой. — Нет у Русланы дара Хранительницы. Я уверен в том, что нет. Зачем она Ивану?

— Как ты можешь быть уверен? — недоверчиво переспросил Кощей. — Может, все же ошибаешься? Сколь я не думал, а другой причины не могу найти. Ну зачем ему Руслана еще понадобилась?

Хранитель упрямо замотал головой.

— Нет, я уверен. И Иван — не дурак, тоже прекрасно все понимает. Тут другое что-то...

Бессмертный пожал плечами, но спорить с другом не стал.

— Надо понять, что она здесь написала, — тяжело вздохнул Кощей, снова вглядываясь в размашистые закорючки на земле. — Дождь пойдет и все смоеется.

— Бесполезно, — покачал головой Хранитель, — тут даже она сама не разберется.

Бессмертный устало вздохнул. Ну, по крайней мере, они узнали две важные вещи. Первая — обе девушки еще живы, вторая — Василиса пока не находится под приворотными чарами. Горыныч уверял, что она бежала своими ногами, а значит Иван еще не успел опохмелить девушку зельем.

— Русланочка, остановись пожалуйста. — Вася дернула меня за руку, когда я в очередной раз чуть не снесла головой деревянный косяк. — Руслана!

— Отцепись от меня, — рявкнула на девушку, — что пристала?! Ивана я ищу!

Василиса что-то забормотала себе под нос, но не отстала. Я же уже который раз завернула за угол с книгами. За целый день удалось выяснить, что именно там находилась опочивальня Ивана, вот только самого Царевича я застать так и не смогла. Поэтому и носилась весь день по замку в надежде его перехватить. Запирать нас с Василисой снова не стали, заявив, что сбежать мы все равно не сможем. Да, а кто ж пытается? Как можно сбежать от своей собственной судьбы, которая чудесным образом оказалась в руках? Да никак. Я Ивана добиваться намерена. А Вася мне сейчас только мешает.

— Да как же не поймешь ты, — стенала девушка, бродя за мной по пятам. — Колдовство

это, и только. Не любишь ты Ивана! Подумай хорошенько, прислушайся к сердцу да разуму! Разве ж можно за секунду полюбить?! Да и еще такое чудовище!

Слова Василисы ужасно раздражали. Мой разум был ясным как никогда, а сердце сжималось от боли и тоски по любимому, которого я со вчерашнего дня не видела. Много чего Ивану сказать хотелось: и в любви своей заверить, и прощения попросить за то, что убежать от него хотела и подставить. Мне ночью сегодня наша свадьба снилась. Только её Максим, почему-то расстроить собирался, и все говорил, что я за него замуж пойти должна. Проснувшись, проклиная Хранителя на чем свет стоит. Правда, соседу я была благодарна за то, что он привел меня в этот Лес и позволил встретить свою судьбу. И пусть я сначала не понимала собственного счастья, зато теперь ценю как сокровище.

Я снова вырвалась из рук Василисы и по деревянной лестнице устремилась на первый этаж. На нижней ступеньке тихонько стоял Кикимор, задумавшись о чем-то своем.

— Где Иван?! — невежливо рывкнула на ухо дедушке.

Тот подпрыгнул на месте и ошалело захлопал глазами.

— Так почему же я знаю? — крикнул он, — Хозяин со мной со вчерашнего вечера ни словечком не перемолвился.

И столько грусти в скрипучем голосе.

— И правильно, что не перемолвился, — безжалостно припечатала я расстроенного дедушку, — Как ты посмел ослушаться его приказа?! Как посмел слово поперек молвить?

Я грозно нависла над Кикимором. Даже ударить дедулю по сморщенному затылку захотелось. Как подумаю, что он Ивану чуть весь план не сорвал, расстроил любимого до злости, так и хочется в темницы спустить. Василиса же говорила, что они здесь есть.

— Чего шумите? — с другой стороны холла, мягко ступая по паркету, показался Волк. Тот самый — большой серый и с желтыми глазами.

— А ты чего тут бродишь?! — рывкнула на зверя. Тот удивленно фыркнул и повернул свою лохматую голову на бок.

— Зар-р-р-рываешься, Хр-р-ранительница, — прорычал он.

Я презрительно цокнула и смело направилась к волчаре. Подошла и с размаху щелкнула зверя по мокрому носу. Тот удивленно застыл, а позади запричитала Василиса.

— Станешь мне перечить — обрею, — «ласково» пообещала я.

— Руся! — охнула Вася, а я только отмахнулась от девушки и бросилась дальше по коридору в попытке все-таки найти суженого.

Царевича нигде не находилось, и я до вечера пробегала по всему замку, навернув такой километраж что самые заядлые приверженцы фитнеса от зависти бросили бы свое занятие раз и навсегда. К закату ноги гудели, а голова раскалывалась. Еще и Вася продолжала давить на мозги своими причитаниями по поводу любовного зелья. Ну какое любовное зелье, что за чушь? Я же прекрасно осознаю себя и свои чувства, которые были такими сильными, что никакой магией их невозможно было бы подделать.

В общем, обратно в комнату я завалилась в отвратительном настроении. Василиса, что час назад, наконец, отстала от меня, и сейчас терпеливо ожидала в комнате, проводила меня грустным взглядом. Я с размаху плюхнулась на кровать, утыкаясь носом в подушку.

— Руся... — начала было девушка, но я подняла руку, и ей пришлось осечься.

— Он меня не любит, — хныкнула я в подушку. — Он тебя любит.

Царевна захохала, а я вдруг испытала самое простое женское желание — поистерить. И плевать, что противница сидит тут рядом и пытается мне рассказывать какие-то небылицы про затуманенный мозг и колдовство. Какая вообще разница, когда у меня под боком моя судьба живет, но бежит от меня, как от проклятой.

— Он меня не лю-ю-ю-юбит, — выла я в подушку. Вася уже пересела ко мне на кровать и рассеянно гладила по волосам.

— И ты его не любишь, — предприняла она еще одну провальную попытку убедить меня в неискренности собственных чувств.

— Не правда, — всхлипнула я, — я люблю. И все готова ему отдать.

А он не ценит, поганец такой. Я уж, как только на поляне тогда поняла, какую глупость сотворила, что от судьбы своей едва не убежала. Весь вчерашний день хвостиком за Царевичем ходила, в глаза ему преданно заглядывала. А он, холодный, будто скала, все нос воротил, а сегодня вообще даже на глаза не появился. Прятался.

Долго плакать времени не было. Завтра меня ждали грандиозные планы по охмурению хозяина замка и встать я планировала как можно раньше. Оттолкнула от себя Василису и прямо в одежде завалилась спать, не пожелав девушке даже спокойной ночи.

Проснулась, как и собиралась, с первыми лучами солнца. Пока царевна сонно бормотала что-то во сне, я с головой зарылась в комод. Иван Василисе столько нарядов предоставил, неужто она жалким платьем с бывшей подругой не поделится? Я выбрала один из самых открытых сарафанов и поспешила натянуть на себя. Фигура у Васи была куда грациознее и пышнее, чем у меня, поэтому сейчас я с тоской смотрела на себя в зеркало, понимая, что в груди сарафан безбожно провис.

— Вот ведь, — фыркнула, пытаюсь исправить это дело тонкими поясами.

— Руся, ты чего делаешь? — сонно поинтересовалась Василиса. Девушка привстала на кровати и удивленно смотрела на меня.

— А что не видно? — огрызнулась я в ответ. Дизайнер из меня получился отвратительный, и сарафан висел как плащ на одноногой вешалке. — Вот же черт.

Я с тоской покосилась на брошенные на пол брюки и рубашку, в которых путешествовала все это время, сменяя на свою одежду, и вздохнула, стягивая Василисин наряд. Идею со сногшибательным макияжем тоже пришлось отложить. Одного только взгляда на странные приспособления для нанесения местной косметики хватало, чтобы забыть об этой идее. Ну вот и что мне делать?

Ну, хоть волосы расчесать можно. Хотя и они, как назло, после стольких дней в лесу и отсутствия нормального шампуня, распушились и были похожи на стог сена. Эх-х-х-х, сейчас бы масочку какую-нибудь сделать или хотя бы лаком для укладки воспользоваться.

Я разочарованно вздохнула и поспешила стянуть волосы в хвост. О цивилизованных уходовых средствах можно было только мечтать, но даже целую коробку косметики я бы ни за что не обменяла на возможность прямо сейчас увидеть своего суженого.

— Бывай, — бросила изумленной Василисе, выскакивая за дверь. Не может же Иван и правда так долго от меня прятаться?

Сегодня удача решила мне улыбнуться. Иван обнаружился в столовой и поглощал свой завтрак.

— Опять ты, — закатил свои сумасшедшие красивые глаза Царевич, — почему Кикимор вас не запер? Я же просил его.

— Потому что он знает, что я ни за что не сбегу! — радостно оповестила я Ивана, бегом оказываясь рядом и присаживаясь на соседний стул. Руками вцепилась Царевичу в свободное предплечье, а тот почему-то застонал.

— Да лучше бы ты сбежала, — произнес он себе под нос.

— Куда же я без тебя? — тяжело вздохнула я, подпирая рукой подбородок. Губы сами по себе расплылись в блаженной улыбке, когда я начала рассматривать каждую черточку на лице Ивана. Тот будто бы не замечал меня и спокойно ел, уткнувшись в книгу.

— Так вот она какая, любовь, — блаженно протянула я, во все глаза рассматривая радужную ауру вокруг головы любимого. Честное слово, кто бы сказал, не поверила, а тут сама вижу.

Иван закашлялся, подавившись кашей. Посмотрел на меня, закатил глаза и рявкнул:

— Кикимор!

Я дернулась от испуга, а Иван поспешил вырвать из моей стальной хватки свой локоть. Но я, естественно, так просто сдаваться не собиралась, поэтому в конечность Царевича вцепилась мертвой хваткой.

— Пусти, — шипел он, пытаясь выдрать из моих рук свою, — пусти тебе говорят!

Ага, сейчас, бегу и падаю. Я подумала немного и разжала все-таки руки. Иван, не ожидающий ослабления хватки, отшатнулся назад, а я, довольная хитрым маневром, с разбегу прыгнула ему на шею. Эх, Ванечка, силы бы тебе в ногах поднабрать — цены не будет. Что же ты свою суженную даже на руках удержать не можешь?

С оглушающим грохотом мы с Иваном повалились на землю. По пути Царевич захватил с собой стул и дернул скатерть, из-за чего вся посуда со звоном приземлилась рядом. Кикимор, вбежавший в кухню на зов хозяина застал нас в весьма провокационной позе. Иван лежал подо мной и обеими руками держался за ушибленную голову, а я обхватила его руками за шею и крепко прижалась щекой к широкой груди. Сердце пело, и хотелось сообщить всему миру о переполняющем меня счастье.

Весь мир, к сожалению, услышать меня не мог, а вот застывший Кикимор на роль благодарного зрителя вполне годился. Вон как стоит зыркает глазами своими удивлёнными.

— Мы скоро поженимся! — радостно оповестила я дедулю, еще сильнее прижимаясь к Ивану.

— Чего? — взревел подо мной Царевич, от шока забывая про головную боль. Руки от макушки отодрал и вцепился мне в плечи, — слезь с меня сейчас же!

— Не-а, — мурлыкнула я, — не отпущу.

На всякий случай сильнее сжала ноги на его талии, помещая будущего мужа в стальной захват. Иван захрипел.

— Сними ее с меня! — заорал он востропущемуся Кикимору, — сними сейчас же!

Тот опомнился и бросился к нам. На крики уже начали стягиваться слуги, но они Хозяину на помощь не спешили, толпясь вокруг и откровенно потешаясь над спектаклем. А я что? Чем больше свидетелей, тем лучше!

— Мы скоро женимся! — снова воскликнула счастливая я, чувствуя, как острые пальцы деревянного дедули впиваются мне в плечи в попытке оттащить от хозяина замка. — И у нас будут дети!

— Ох, свят-свят, — перекрестился Кикимор, на миг отрываясь от своего занятия.

— А ты не божись, — тут же обиделась на него я, — я Ивану таких детишек прекрасных рожу! Мальчика и девочку! А лучше сразу трех!

Пока я в красках описывала почему-то побледневшему Кикимору и покрасневшему Ивану процесс делания наших будущих детей, с пола меня все-таки подняли и от Царевича оторвали.

— Запри ее! — сипло приказал Иван, отшатываясь. Кикимор и еще кто-то из слуг держали меня под руки, но я все равно попыталась сделать шаг вперед и игриво поинтересовалась:

— А ты со мной запрешься?

Царевич закашлялся и поспешил ретироваться из кухни.

— Стесняется, — с нежной улыбкой прокомментировала его действия, — ну золотце, а не жених!

9.1

Прошло два дня. С каждым мгновением мое влюбленное сердце тянулось к Ивану все сильнее, а сомнений в собственных неземных чувствах не осталось совсем. Расстраивало только то, что сам Царевич осознавать, какое счастье находится у него под боком, не желал и снова запер нас в комнате, запретив разгуливать по замку в любое время. Правда, три раза в день под чутким присмотром Волка и Кикимора, мы все же спускались в обеденную залу, дабы потрапезничать в комфортных условиях. Я пробовала сбежать с обеда несколько раз, но все попытки оказывались тщетными. Моя любовь оставалась вне зоны моей досягаемости, а раздражение увеличивалось в геометрической прогрессии. От невозможности видеть Ивана становилось физически больно. Я, конечно, влюблялась в своей жизни, но такой потребности видеть свой предмет обожания не испытывала никогда. Порой от того, насколько сильно меня мучила собственная влюбленность становилось страшно.

Этим вечером, когда я в очередной раз ревностно высказывала Василисе все, что думаю о симпатии моего драгоценного возлюбленного в ее сторону, а девушка едва не плакала, умоляя меня одуматься, в нашу дверь кто-то постучался.

— Кто там?! — рявкнула я злобно.

Отвечать нарушитель нашего покоя не спешил, и я разозлилась сильнее. Сейчас каждая ерунда выводила из себя за долю секунды, а любая маленькая проблемка казалось катастрофой вселенского масштаба.

— Волк, если это ты, советую свалить сразу, а то точно обрею!

Вася сдавленно охнула, а я раздраженно повалилась на свою кровать, отворачиваясь к стене. Сегодня за завтраком Кикимор проговорился, что уже завтра к закату Иван собрался покинуть замок на неопределенное время. Это означало, что я могу не увидеть Царевича еще очень и очень долго. Даже от мысли о такой перспективе становилось плохо, и я все пыталась придумать хоть какой-нибудь план, чтобы встретиться с Иваном до его отъезда.

В дверь снова заскреблись, будто бы кто-то особенно криворукий пытался вставить ключ в замочную скважину и постоянно промахивался. Вася напряглась, а я вслух пообещала Кикимору всевозможные кары, если он просто не зайдет уже, прекращая бесить своим поведением.

Впрочем, меня ждало удивление. Когда дверь, наконец, с тихим скрипом отворилась, сильного голоса деревянного дедули не раздалось. Гость, которого я не видела, поначалу вообще молчал, и лишь Василиса тихо вскрикнула и подскочила на кровати, будто увидела призрака.

— Чего ты? — раздраженно поинтересовалась я, покосившись на девушку.

Та ничего мне не ответила. Прижала к щекам руки и ринулась в сторону двери.

— Кошечка! — воскликнула она, попадая в руки своего мужа.

От шока я не сразу сообразила, что происходит. Подскочила на ноги, во все глаза разглядывая столпившихся у входа Васю и Кошечку, что обнимались, и Максима, закрывающего дверь. Хранитель проверил, нет ли кого-либо в коридоре, и тихонько прикрыл дверь. Потом повернулся в сторону комнаты, обвел ее тяжелым взглядом и увидел меня.

— Господи, Руслана! — Максим дернулся вперед, преодолел разделяющее нас расстояние за два шага и сграбастал меня в свои тесные объятия.

Я даже пикнуть не успела, оказываясь в стальном захвате. Его рука ласково гладила меня по спине, у губы шептали что-то на ухо. Странное чувство, на секунду показавшееся приятным, прошло в тот же момент, когда перед мысленным взором встало лицо Ивана. Да что же я творю?!

Я зарычала и с силой уткнулась кулаками в грудь соседа. Тот отстранился и схватил

меня за плечи. Его глаза выражали крайнюю степень удивления, а мои в ответ обещали наглецу все земные и неземные кары.

— А ну отпусти! — рявкнула, начиная бить руками по вцепившимся в мои плечи пальцами. — Отпусти, кому сказала!

— Руслана, ты чего? — опешил Максим. Рук, впрочем, не убрал, и захват на моих плечах стал еще сильнее.

Я извернулась и укусила его за предплечье. Только после этого парень, наконец, отцепился, чем я тут же воспользовалась, отскакивая на два шага назад. Злобный взгляд нашел стоящую в объятиях Кошечки Василису. Мужчина, прикрыв глаза, прижимал к себе жену, а та смотрела на меня печально вздыхая.

— Предательница, — зашипела я, обвинительно ткнув пальцем в царевну. — Вот узнает Иван, не сносить тебе головы!

Кошечкой от удивления вырвался из блаженства, распахнул веки и уставился на меня непонимающим взглядом, Вася охнула, а Максим сдавленно кашлянул.

— Ты спятила? — вкрадчиво поинтересовался он, делая попытку снова приблизиться ко мне, — Руслана, что с тобой? Что за истерика?

Ах, это у меня истерика? Это у меня еще не истерика! Ивана убивать пришли, чтобы Васю их ненаглядную спасти? Ну-ну! Они узнают у меня сейчас, как диверсию устраивать.

Презрительно сплюнув, я резво скакнула в сторону окна и отворила деревянные створки.

— Держи ее! — шепотом воскликнула Вася, вскакивая на ноги — Она сейчас весь дворец перебудит!

Макс непонимающе нахмурился, но послушно ринулся за мной. Я тем временем уже высунулась на улицу и намеревалась закричать. Громкое «а-а-а-а» звучало всего несколько секунд, а потом широкая ладонь зажала мне рот, прерывая поток звуков

— Чокнулась? — рявкнул Максим мне на ухо, оттаскивая от окна. Я пыталась выбраться из его рук, но не получалось даже пошевелиться. Правда, душу грел тот факт, что Хранитель наверняка обзавелся парой синяков от моих пинков. Ну и поделом ему!

Я вырывалась и кусалась, что есть силы, а сосед рычал, но не опускал руку. Упрямый, надо же! Ну ничего, меня ему не переплюнуть. У него, может, и физическая сила, зато я хитрее и изворотливее! А еще упрямее раз в сто, тем более, когда дело касается защиты моих любимых. Не позволю никому Ивану навредить!

— Держи её! — шепотом верещала Василиса, прыгая вокруг нас, как вокруг купальского костра, — держи, Максим, пока шуму она не подняла!

Я на девушку только злобно зыркнула, вкладывая во взгляд всю клокотавшую внутри ярость и уже начиная продумывать грандиозный план мести. Вася тем временем заметалась по комнате, зачем-то начиная вытряхивать из комода одежду. Кошечкой, как и я, намерений жены не понял и осторожно подошел к судорожно копошащейся в гряде вещей девушке.

— Что ты ищешь? — спросил он, ошалело поглядывая то на нас с Максимом, то на Васю.

— Связать ее надобно! — пояснила царевна. Я, услышав сие подлые слова, забрыкалась с новой силой. С них же станется, свяжут и не почешутся.

Максим охнул, когда моя пятка в очередной раз заехала по его голени.

— Зачем связать? — поинтересовался Бессмертный.

— Лучше сразу придушить, — прошипел Хранитель, — Что у вас тут случилось?

Василиса оторвалась от своего занятия и повернулась к нам. Печально посмотрела на Максима и горестно протянула:

— Зелье она приворотное выпила. Уж который день сама не своя.

У Кощея в самом, что ни на есть, прямом смысле отпала челюсть, а Хранитель так удивился, что неосмотрительно ослабил хватку. Я воспользовалась любезно предоставленным шансом и выбралась-таки из рук соседа.

— Ваня-я-я-я, — заверещала, бросаясь к двери, — Ва...

Добраться до цели не удалось. Реакция Хранителя оказалась потрясающей, и он дернулся за мной, перехватывая на бегу и снова зажимая рот. Ругался он при этом такими необычными словами, что я даже заслушалась. Уж сколько за всю жизнь от братьев услышала, чему только не научилась, а все же такие витиеватые словесные «па» на моей памяти были впервые.

— Как так получилось? — разгневанно шипел Макс, с такой силой прижимая к себе, что я начала серьезно беспокоиться за сохранность хрустнувших шейных позвонков.

— Случайно, — вздохнула Вася.

Кощей крикнул, а сосед взревел, забывая, что им нельзя привлекать внимание и нужно вести себя как можно тише:

— Случайно?!

Василиса с Бессмертным зашикали на друга, а тот зубы сжал, и зашипел будто гремучая змея:

— Как можно было «случайно» выпить приворотное зелье?!

— Правда, случайно, — Вася покосилась на меня и грустно вздохнула. А я вдруг начала чувствовать, что силы заканчиваются, а от недостатка кислорода перед глазами все плывет. Я что есть силы забила по ладони Максима, тот покосился на мое покрасневшее лицо и закатил глаза.

— Найди что-нибудь, чем можно рот ей заклеить, — попросил он, немного ослабляя хватку.

Трое предателей справились со мной довольно быстро. Я даже пикнуть не успела, как по ногам и рукам оказалась связана, а в рот забились пыльная тряпка. Сидела и смотрела на них, надеясь, что выражение лица отражает все, что я искренне хочу им высказать словами, но не могу. Растерянный Кощей стоял стоял у двери, прислушиваясь к звукам из коридора, Вася, словно заведенная, бегала по комнате, а Максим на соседней кровати сидел и хмуро оглядывал меня с ног до головы.

— Вы взяли с собой противоядие? — с волнением спросила Василиса. Девушка вцепилась в руку мужа, что есть силы и с надеждой заглянула ему в глаза.

— Взяли, — кивнул тот, — Яга к нам так и не прилетела, и мы понятия не имели, опоил тебя Иван или нет. А тут, оказывается...

— А тут оказывается нашлись уникамы, которых хлебом не корми, дай только попасть в неприятности, — мрачно прервал его Максим.

Ох, были бы развязаны руки, вцепилась бы нахалу прямо в волосы. И чего, спрашивается, он обзывается? Зачем вообще пришел? Ивану планы решил испортить? Ну ничего, вот сейчас выберусь и подпорчу всем им жизненно важные органы. Чтобы знали, как над честными людьми издеваться и козни строить.

Пока Максим с Кошеем косились на меня и что-то шепотом обсуждали, я решила, что пора уже включать голову и начинать действовать по-другому. Мысленно приняла решение, что притвориться сдающейся — лучший вариант, смиренно вздохнула и опустила голову, поникая плечами. Вася за мной наблюдала с недоверием, а я продолжала изо всех сил делать жалобный вид.

— Не притворяйся, — осадил меня Максим. Парень уже обсудил свои коварные планы с Кошеем и подошел ко мне. Тяжело вздохнул и сел на кровать рядом. Я тут же

отшатнулась, но Хранитель схватил меня за предплечье и пригвоздил к месту.

— Не дергайся, — посоветовал он. В его руке был зажат тот самый пузырек, который мы с Ягой добыли на озере у Русалок. Открыть его оказалось не так просто с первого раза, и Хранитель вдоволь помучился прежде, чем откупорил маленькую крышку. Я наблюдала за всем этим с долей скептицизма, чем соседа изрядно бесила.

— Только попробуй заорать, — предупредил он, поднимая руку, чтобы освободить меня от кляпа.

Я глухо фыркнула, всем своим видом обещая, что ни за что на свете не исполню его просьбу и, как только тряпка будет убрана, тут же заверещу во все горло. Максим закатил глаза и пробубнил себе под нос что-то неприличное.

— Кошей, держи ее, — попросил Хранитель.

Преследуемый моим возмущенным взглядом, Бессмертный оказался за спиной и худыми пальцами впился мне в плечи. Максим же наклонился ближе, поднося к моему лицу бутылек. По воздуху уже распространялся навязчивый цветочный запах, будто от дорогого косметического масла.

— Руслана, — грозно проговорил сосед, — предупреждаю последний раз. Не ори.

Затем он резвым движением вырвал тряпку из моего рта и, пока я пыталась извернуться и все-таки оглушить замок криком, сжал одной рукой мою нижнюю челюсть, а второй вылил в рот жидкость. Ласковый цветочный запах оказался обманчивым. На вкус противоядие от любовного зелья оказалось редкостной отвратной гадостью. Как только язык сковала горечь, а зубы свело, я попыталась тут же выплюнуть все обратно на Максима, но тот уже зажал мне рот рукой. Глоток я сделала совершенно неосознанно, чисто на рефлексах. Один, потом второй, пока во рту не осталось ничего, кроме мерзкого кислого привкуса.

— Руслана? — тихо позвала меня Василиса.

Я затихла и молча смотрела перед собой. В мозгах будто бы закопошился червь, и это ужасное чувство было настолько тошнотворным, что показалось, что я все-таки выплесну зелье обратно вместе с остальным содержимым желудка.

Пальцы на плечах ослабили хватку и теперь Кошей просто едва заметно касался кожи ладонями. Видать, опасался, что я коварно попробую сбежать, но все-таки в глубине души верил в силу русалочьего волшебства.

— Руслана? — позвал меня Максим. Я подняла на него глаза и удивленно ими хлопнула. Хранитель нахмурился и медленно отнял руку от моего рта.

— Она расколдовалась? — тихо поинтересовалась Вася.

— Понятия не имею, — хмуро отозвался Хранитель. Он все еще меня рассматривал взглядом психотерапевта, а я тяжело вздохнула, опустила глаза и печальным голосом попростила:

— Развяжите меня. Пожалуйста. Мне больно.

Ребята переглянулись, и Максим с Кошеем, наконец-то освободили меня от тесных пут. Как только последние тиски перестали сжимать мне руки и ноги, Хранитель тут же обнял меня и притянул к себе. Сердце у него колотилось, будто сумасшедшее (неужели, так волновался?), а от кожи исходил жар, как будто парня била лихорадка.

— Слава Богу, — причитала растроганная Василиса позади. — Русечка, милая! Я так рада!

Она что-то еще говорила, но я не обращала внимания. На тело накатила такая усталость, что Хранителя не хотелось даже отталкивать. Однако отходить от плана я не собиралась, и пришлось дать себе мысленного пинка, чтобы собраться обратно в кучку и сделать последний рывок перед окончательной победой.

— Ты в порядке? — тихо прошептал Максим мне на ухо.

Я слабо кивнула и протянула:

— Пить хочется.

— Василиса, — Хранитель поднял голову, но из рук меня так и не выпустил, поглаживал по спине и макушке. — Принеси воды.

Девушка послушно подскочила и кинулась к тумбочке, на которой стоял графин. Хранитель, наконец, соизволил от меня отстраниться, чтобы налить воду в стакан и протянуть мне.

— Пей, — приказал он, продолжая одной рукой удерживать за плечо.

Я послушно сделала пару глотков. Обычная вода после отвратительного противоядия показалась райским нектаром, и я с наслаждением осушила стакан до конца. Ребя молча смотрели на меня в ожидании чуда, а я, утолив, наконец, жажду, повернулась и несмело улыбнулась.

— Ты в порядке? — снова повторил Максим свой вопрос.

Я с готовностью закивала и вскочила на месте.

— Все отлично! — радостно оповестила их и, пользуясь тем, что Хранитель, наконец, убрал свою конечность с моего плеча, кинулась к двери. Непонятно как пробравшиеся в комнату парни неосторожно оставили дверь незапертой, и я этим воспользовалась.

— Стой! — рывкнул мгновенно догадавшийся обо всем Максим, а Вася в ужасе прижала к груди руки:

— Руслана! Подожди!

Ага, сейчас. Бегу и падаю.

— Иван! — верещала, что есть силы, открыв дверь и вывалившись в коридор. — Иван! Тут лазутчики! Враги! Охрана! Волк!

Я продолжала бежать куда глаза глядят, а на моем пути вырастали ошарашенные слуги. Скоро появился перепуганный Кикимор. На горизонте нарисовался Волк. И все смотрели на меня как на пугающее, но безумно доставшее каждого жителя замка приведение.

— Чего ты орешь, окаянная? — обреченно поинтересовался деревянный дедуля.

Тяжело дыша, я молча указала себе за спину.

— Там... там шпионы! Кощей с Хранителем! — говорить было тяжело, — где Иван? Скажи мне, где он! Он в опасности!

Кикимор про местоположение хозяина замка не сказал, но к комнате нашей кинулся со скоростью пущенной стрелы. Следом за ним бросился Волк.

Я тоже решила вернуться обратно, тем более, следом за мной, почему-то, никто не выбежал и ловить не спешил. Да и кто меня сейчас поймает? Вон сколько жителей замка собралось, тут уж даже Кощей с Максимом не тягаться. Я уже подходила обратно комнате, когда мимо меня пронесся самый настоящий смерч. Сильным потоком ветра меня отбросило к стене, и я больно приложилась лопатками о деревянную поверхность.

— За ним! — рычал Волк, вырываясь из моей комнаты, — поймать Кощея!

— Так как же его поймаешь-то? — причитал Кикимор. Дедуля прихрамывал на правую ногу и едва не плакал: — Сапоги-скороходы напялил, ирод.

Я удивленно посмотрела вслед уже исчезнувшему из коридора вихру и шокировано покачала головой. Ничего себе, и они тоже существуют?

— Вы что же? — разгневалась я, упирая в бока руки и поворачиваясь к Волку, — упустила Кощея с Хранителем?

Внутри клокотала злость. Я отчетливо представляла, как расстроится мой любимый, и Волка с Кикимором захотелось срочно придушить.

— Только Кощея, — попытался оправдаться Кикимор.

Я удивленно дернула бровями и заглянула в комнату. Действительно, Максим был на месте. Сидел рядом с рыдающей Василисой и успокаивающе обнимал девушку за плечи. На столпившихся вокруг волков, что смотрели на Хранителя кровожадным взглядом, он внимания не обращал, будто бы их здесь вообще не было, и как-то подозрительно спокойно смотрел на меня. Я ничуть не смутилась и уперла в бока руки.

— Убедился? — фыркнула победоносно, — люблю я Ивана! По-настоящему. Только зря гадость эту твою пила!

Максим презрительно фыркнул и покачал головой, а Вася вскочила на ноги и бросилась ко мне.

— Не любишь! — верещала девушка, вцепившись мне в плечи, — Очнись уже, Руслана!

Максим тоже встал и попытался отодрать от меня разгневанную царевну, а я, обрадовавшись склоке, вцепилась девушке в волосы. Та повторила мой маневр, и мы покатались по полу под удивленный лай волков и мат Хранителя.

— Ежели с Кощеюшкой моим случится что-нибудь, — верещала Вася что есть мочи, — не посмотрю, что под колдовством ты! Не посмотрю, что сестрой названной стала! Навеки врагом моим останешься!

Ее ногти царапнули мне щеку, и я почувствовала, как по коже потекла кровь.

— Да знаешь ты куда иди со своим Кощеюшкой! — рычала я в ответ, не выпуская из пальцев патлы противницы, — Ивану подгадить решила? А он тебя, дуру такую любит! Несправедливо! Я все для него сделать готова, а ты как подлая крыса, все подставить его хочешь!

— Уймись! — верещал над нами Кикимор, — Уймись, окаянные!

Я почувствовала, что кто-то изловчился и крепко перехватил меня за талию.

— Успокойся, — рявкнули мне на ухо голосом Хранителя, — Руслана! В себя придешь, будешь жалеть!

Я выпустила волосы Василисы из рук и переключила свой гнев на Максима. Начала вырываться и кусаться, царапая парню руки. Тот держал крепко, но шипел, оттаскивая меня от разгневанной Васи на другой конец комнаты. Девушке, что бросилась было за мной, в подол вцепился Волк, зажав ткань в зубастой пасти.

— Сволочи! — ругалась я, — не знаете, что творите! На Ивана полезли!

— Замолчи, — рыкнул Хранитель, сильнее сжимая меня в руках.

— А вот и не замолчу! — продолжала вырываться я — Вы у меня все узнаете, как Ваню обижать!

Максим сдавил руки, и я закашлялась, чувствуя, как снова начинает не хватать кислорода.

— Отпусти! — сипло закричала я.

— И не подумаю, — зло рявкнул мне в ответ сосед. — Уймись, наконец!

Вася в отличие от меня, в драку больше не лезла. Села на пол, подминая под себя платье и горестно зарыдала. Кикимор бегал вокруг нее, как вокруг маленького ребенка, и что-то причитал.

— Что здесь происходит, черт возьми? — раздался громкий возглас.

Я мигом перестала вырываться и подскочила на месте, случайно наступая зашипевшему Хранителю на ногу.

— Ваня!

Максим что-то злобно рыкнул мне в ухо, но я не разобрала, во все глаза рассматривая любимого. Ох, до чего же он был хорош в гневе. Глаза искрятся, стан высокий, меч в руках, будто влитой. Ну просто принц с картинки! Иван оглядел комнату, наткнулся взглядом на соседа и сдвинул на лбу брови.

— И что ты здесь забыл, Хранитель? — поинтересовался он.

Максим как будто специально не собирался выпускать меня из рук, чем невероятно бесил. Сам факт того, что я на глазах любимого обнималась с другим парнем заставлял чувствовать себя виноватой. Хотя, справедливости ради стоит заметить, что я брыкалась.

Хранитель промолчал и провокационный вопрос Ивана оставил без внимания.

— Ну что ж, — пожал плечами Царевич, — мне же лучше. Ловить тебя не придется, сам пришел.

Помолчал задумчиво и махнул рукой в нашу с Максимом сторону:

— В темницу. Обоих.

Вася сдавленно охнула, а я застыла на месте.

— Да как же так, Ваня? — ошалело хлопнула глазами, слыша, как насмешливо фыркает Хранитель над ухом. — Да это же я всех позвала? Да за что меня то? Глупый, я же на твоей стороне!

Царевич закатил глаза и устало потер переносицу. А один из стражников довольно грубо дернул меня за руку, вырывая из объятий Максима. Я покачнулась и с трудом удержалась на ногах.

— Руки поломаю, — мрачно пообещал грубому охраннику Хранитель. Сам парень, в отличие от меня, ко всему происходящему относился спокойно. Внимательно следил за связывающим мне запястья стражником, а свои ладони расслабленно вытянул вперед, всем своим видом показывая, что ситуация его нисколько не тревожит.

Когда Иван, не слушая мои мольбы, удалился из комнаты, Василиса, неожиданно, подскочила на ноги. Кикимор не успел поймать резвую царевну, и та ловко обогнула охрану, подбегая к Максиму и крепко его обнимая. Я стояла рядом, поэтому отчетливо видела, что это было не просто печальное прощание. Царевна что-то жарко говорила на ухо Хранителю, и тот задумчиво кивал. Девушку, наконец, от соседа оторвали, и нас обоих вывели из комнаты.

9.2

В темнице было сыро. Ледяной пол жег ноги даже через тонкую подошву кроссовок, а с потолка на камни мерно капала вода. Ее стук наверняка бы меня раздражал, но я с таким отчаянием долбилась в толстые ржавые прутья решетки, что не обращала ни на что внимания.

— Ваня-я-я-я, — выла что есть силы, — Ванечка? Родной! Меня то за что?! Я ведь на твоей стороне.

Эхо разносило мои крики по всей темнице, и где-то вдали от испуга взметнулась в воздух стайка летучих мышей. Прозвучало жутко, и я на пару мгновений осеклась, испуганно замирая. Кроме этого, никаких звуков в пещере больше не раздавалось, а значит мои мольбы не проняли ни охранников, ни самого Ивана. А во всем виноват этот чертов Хранитель.

Я зябко передернула плечами и оглянулась на парня, что сидел на сенном настиле, подогнув по себя ноги на восточный манер и внимательно меня разглядывая.

— Что смотришь? — злобно поинтересовалась, складывая на груди руки.

— Любуюсь, — ядовито отозвался Максим.

Я раздраженно цыкнула и с размаху впечатала ногу в решетку. Та благодарно отозвалась острой болью, и я зашипела. Пришлось даже присесть на корточки, чтобы схватиться за ушибленный большой палец в кроссовке. Из глаз брызнули слезы.

— Сядь уже, — устало проговорил Хранитель. Парень даже подвинулся в сторону, освобождая место на настиле рядом с собой.

— Это ты во всем виноват, — зашипела я на него. — Это все из-за тебя.

— Ну, конечно, — язвительно фыркнул в ответ сосед, — из-за меня, из-за кого же еще?

Я обиженно насупилась и села на пол, прислонившись спиной к решетке. Ушибленный палец дергало, но гораздо сильнее болело что-то внутри. Обида душила своими мерзкими лапами, и мне из-за этого хотелось придушить кого-нибудь другого. Я оценивающе посмотрела на Хранителя и дернулась. Его внимательный взгляд начинал здорово напрягать. С тех пор, как нас вывели из комнаты, и Василиса шепнула что-то ему на ухо, Хранитель вот так и смотрел на меня, будто бы мысленно решая какой-то важный жизненный вопрос.

— Руслана, пол холодный. Иди сюда, — он покачал головой и снова похлопал рукой рядом с собой.

Я с тоской покосилась на соломенный настил, но упрямо поджала губы. Пятая точка и правда начала замерзать, но я просто встала на ноги, даже не думая приближаться к соседу.

— Вот упрямая, — закатил глаза тот.

— Сам баран, — не осталась в долгу я. — Чего вы вообще приперлись? У меня только-только все с Иваном получаться стало.

Максим, который только недавно успокоился, снова разозлился.

— Руслана, сядь сюда, я тебе сказал. И, ради Бога, закрой рот, пока я тебе его не заклеил.

Угроза прозвучала весомо, а интонация, с которой она была озвучена, однозначно намекала на то, что ничто и никто не помешает Хранителю эту самую угрозу выполнить.

Внезапно, по темнице пронесся гулкий звук, будто хлопнула, закрываясь, тяжелая стальная дверь, и оба факела у нашей камеры погасли. Помещение вокруг погрузилось в кромешную тьму, и все звуки разом обострились. Я отчетливо услышала, как где-то зазвенели цепи. Вода теперь капала как будто прямо над головой и с удвоенной силой.

Стало невыносимо жутко. По спине прошлись мурашки, а к горлу поднялся колючий комок страха. В попытке успокоиться, я втянула носом пропитанный сыростью воздух и замерла. Где-то снова бухнули тяжелой дверью, а летучие мыши прошелестели прямо рядом с решеткой.

— Мамочки, — всхлипнула я, с размаху плюхаясь обратно на пятую точку. Захотелось сжаться в комок, что я, собственно, и сделала. Спинай прислонилась к каменной стене и прижала к себе колени. Крохотное окошко размером с яблоко под потолком пропускало лишь едва заметный тонкий луч света, в котором клубилась пыль. Стало понятно, что стражники покинули темницу, заперев ворота снаружи. А это значило, что мы так и останемся здесь в этой жуткой кромешной сырой темноте совершенно одни.

— Мы умрем, — тихо просипела, сильнее прижимая к себе колени, и снова повторила уже полюбившееся: — мамочки.

— Когда-нибудь, непременно, — раздался голос Хранителя над ухом. Я вздрогнула, но Максим, каким-то чудесным образом увидев меня в темноте, схватил за локоть, не позволив повалиться на каменный пол.

— Пойдем, сядем на настил. — его голос звучал спокойно и даже как-то... ласково что ли.

— Никуда я с тобой не пойду, — попыталась было смело заявить соседу, но голос от испуга сел окончательно.

Максим хмыкнул и дернул меня на себя, подхватывая на руки. Я, что есть мочи, вцепилась ему в шею и собралась уже было закричать, чтобы нахал поставил меня обратно на пол, но, почему-то передумала. На руках Хранителя было гораздо спокойнее, чем там на полу рядом со входом. Ну и пускай он — мой смертельный враг, потому что козни Ванечке строит. Подумаешь. Если я тут сейчас умру от ужаса, то я уже Ивану ничем не помогу. А рядом с Максимом не так страшно и даже, как будто безопасно. Я прекратила дергаться и затихла.

— Пригрелась? — насмешливо фыркнул Хранитель и осторожно сгрузил меня на настил. Сразу стало зябко и жутко, но Максим присел рядом, и я непроизвольно подвинулась ближе к нему.

Решено. Пора заключать временный мир.

Мы сидели, прикасаясь друг к другу плечами и думали каждый о своем. Вернее, это Максим о чем-то думал, рассеянно выстукивая пальцами незамысловатый мотивчик по настилу, а я испуганно прислушивалась к ужасающим звукам темницы. Странно, раньше всегда думала, что в подземельях и катакомбах царит тишина, но как же я ошибалась. Звуков тут было так много, и каждый из них был таким устрашающим, что у меня сводило зубы и мышцы. По каменным коридорам гулял ветер, но создавалось впечатление что какое-то страшное и огромное чудовище дышит, изредка порывая и всхрипывая. Где-то далеко кто-то гремел цепями и стонал, раздавался странный приглушенный вой и шорох. Мне было так страшно, что стало плевать, что подумает Хранитель, поэтому я просто вцепилась в его руку и прижалась щекой к плечу. Парень, почему-то язвить не начал, а как-то задумчиво вздохнул.

— Руслана, — тихо проговорил он, вырывая у меня руку и приобнимая ей за плечо, — мне тут Василиса сказала, что догадывается, почему не подействовало зелье.

По темнице пронесся очередной протяжный гул, и я вздрогнула.

— Опять ты за свое, — едва не всхлипнула, обеими руками обнимая парня за талию и предупреждая: — только попробуй подумать что-нибудь не то. Я Ваню люблю. Мне просто... Мне просто очень страшно.

— Да я вижу, — фыркнул Максим, успокаивающе поглаживая меня по спине, — прекрати так трястись. Никто тебя тут не съест.

Я бы на месте Хранителя такими оптимистичными прогнозами не бросалась, но пришлось поверить. В конце концов, выбора у меня сейчас не было. Максим тяжело вздохнул и еще сильнее задумался.

— Это зелье... — снова завел он свою излюбленную тему, а я закатила глаза, понимая, что горбатого только могила исправит. — Ты же помнишь, что русалки сказали на озере, какое должно быть условие для действия противоядия?

— Какое? — задумалась я, — а ты про то, что заколдованный в сердце любовь иметь должен, и эта любовь и должна опоить, чтобы заклятие снять?

Я не увидела, скорее почувствовала, как Хранитель кивнул.

— Ну и что? — язвительно поинтересовалась, а потом внезапно поняла, к чем клонит сосед. Отстранилась, сбросила с себя его руку и в ужасе выпалила: — Ты что, думал, что ты мне нравился? В смысле? Ты? Мне? Совсем что ли спятил?

Максим не ответил, но как-то странно хмыкнул.

— Знаешь, что? — я бы даже на ноги от возмущения вскочила, не будь мне так страшно, — оставь свои мыслишки при себе, понятно? Ваню я люблю, и точка. А ты мне даже никогда не нравился!

Соврала, конечно. Как ни стыдно было сейчас признаваться, но пока ходили мы по Лесу, нравился мне Максим, да еще как сильно. А теперь вот совестно за эти чувства перед Ванечкой, но говорить вслух мне об этом не обязательно, верно?

— И тем более, — сложила я на груди руки, — ты же и влил в меня это свое зелье. И что-то не подействовало! А знаешь почему? Потому что Ваню я люблю всем сердцем и по-настоящему. Нет тут никакого колдовства.

— Да нет, — задумчиво протянул Хранитель, — не поэтому...

— А почему, по-твоему?

— Потому что действие зелья поцелуем скреплять надобно — раздался сбоку от нас скрипучий голос. — Сказок что ли молодежь нынче не читает?

Мы одновременно подскочили, и Максим оттолкнул меня рукой к стене, озираясь. Откуда-то слева раздался грохот цепей и этот же голос виновато добавил:

— Напугал? Простите, грешного. Не хотел в разговор ваш вступать.

— Ты кто? — грозно поинтересовался Хранитель.

— Я-то? Я Никитка. Кожемяка. Узник Иванов.

Раздался печальный вздох, а я попыталась судорожно вспомнить, в какой сказке слышала это имя. На ум почему-то приходил какой-то былинный богатырь, но судя по голосу, это был сухонький старик, а не мощный мужчина. Хотя, может я и ошибаюсь. В конце концов даже силуэта его не вижу.

— А ты где? — испуганно поинтересовалась я.

— Так туточки сижу, — отозвался тот, — в соседней клетушке.

— И давно ты там сидишь? — Максим немного успокоился и присел обратно на настил, утянув меня за собой.

— Да почитай уже три года, — просипел Кожемяка, — как Ивану на пути попался, схватил он меня, в жертвы свои выбирая, так и поселился здесь.

Я испуганно сглотнула. Боже, три года. Да я через месяц бы здесь уже либо кони двинула, либо с ума сошла. А этот вроде нормально разговаривает, адекватно. По голосу будто даже улыбается.

— Что за жертвы? — нахмурился Максим.

— А я тебе отвечу. Да ты только сперва подругу то свою расколдуй. Негоже знать ей что-то, пока под чарами Ивановыми мается. Таких дел дурында натворить может.

Я тут же обиделась на дурынду, а Максим совсем наоборот с Никитой согласился.

— Друг от друга уже идиотизмом заразились, — огрызнулась на них я, на всякий случай двигаясь от Хранителя подальше, — сколько раз вам говорить! Истинно я Ивана люблю! По-настоящему.

— Так вот мы и проверим, — просипел Кожемяка, — что же ты девка, коли так в любви своей уверена, так и докажи.

Хранитель хмыкнул, а я протянула руку и больно ущипнула вредину за локоть.

— Что смеешься?

— Смешная ты, вот и смеюсь, — болезненно зашипев, отозвался тот, — а, правда, Руслана? Чтобы тебе не доказать мне, что так ты сильно Ивана любишь?

— А с чего это мне что-то тебе доказывать?

— Чтобы я от тебя отстал.

Я задумалась.

— И правда отстанешь?

— Честное слово.

— И Ивану ничего не расскажешь?

— Что я самоубийца что ли?

Звучало убедительно. И вообще, подумаешь, поцелуй. Что мне пятнадцать лет что ли? Если после этого Хранитель и правда перестанет доставать меня с этими своими дурацкими идеями про приворотное зелье, то почему бы не попробовать?

— Только учти, — гневно предупредила я, — начнешь руки распускать — оторву!

В тусклом свете, я увидела, как Макс поднял ладони кверху. А еще, показалось, что парень улыбнулся, хотя это, наверное, было самовнушение или глюки на фоне нервного стресса.

— Ладно, — наконец, выдохнула я и печально заключила, — целуй.

Хранитель долго думать не стал. Подвинулся, одной рукой за плечо меня придержал и, пока я возмущаться не начала, впился в губы. Поцелуй получился, как бы сказать... агрессивным. Максим с таким напором впился мне в губы, что я поначалу просто опешила, а потом... Рухнула в голове пелена. Туман будто бы на тысячу осколков разбился, и в разум, словно через разрушенную плотину, потоком ворвались мысли и воспоминания.

Я оттолкнула от себя Хранителя и в ужасе вскочила на ноги, забывая про страх. Перед глазами будто взорвался яркий фейерверк, и до того закружилась голова, что я покачнулась, едва успевая рукой опереться о стену.

— Ты как? — Максим, который, как оказалось, тоже вскочил на ноги, придержал меня за плечи, не позволяя упасть. — Руслана? Ты в порядке?

Да какой в порядке? Господи, и как со стыда то не умереть? Вот же глупая, глупая моя голова!

Я с размаху плюхнулась на настил и уткнула лицо в ладони. Плечи затряслись, а горло сдавили всхлипы.

— Ну и что это значит? — поинтересовался неловко переминающийся с ноги на ноги Максим у нашего собрата по беде.

— В себя приходит, — со знанием дела отозвался Кожемяка, — ежели баба ревет, значит, раскаивается. Вот сам выводы и делай.

Хранитель тихонько присел рядом и положил руку на мои вздрагивающие плечи. А я не выдержала, развернулась и сама бросилась ему на шею.

— Прости! — редела ему в ухо, стискивая в объятьях, — Максим, прости! Я правда не специально!

Сосед опешил от напора, но обнял меня в ответ.

— Пришла в себя, наконец? — с облегченным вздохом поинтересовался он.

— Пришла-а-а-а, — редела я. Парня хотелось стиснуть в объятьях так сильно, как это было возможно.

— Слава Богу, — фыркнул Хранитель мне на ухо, и ласково поцеловал в макушку, — Честное слово, не хотел бы я тебя себе во враги. Выглядишь ужасающе.

— Прости, — всхлипывала я, — Максим, прости меня. Я столько дел наворотила.

Сосед согласно хмыкнул и осторожно отстранился, чтобы внимательно на меня посмотреть. Не знаю, что он там смог разглядеть в темноте, но увиденным остался доволен. А я не выдержала и снова прижалась к нему, смыкая руки на торсе и утыкаясь носом в грудь. Хранитель бережно гладил меня по волосам, а сам повернулся в сторону решетки.

— В порядке она, — оповестил Никиту, — рассказывай теперь, что знаешь.

— Да не то, чтобы шибко много, — отозвался сипло Кожемяка, — знаю только, что Иван Книгу Сказок отыскать намерен. Хочет Хранителей всех собрать, да Знание Великое себе заиметь.

— А ты ему зачем? — не понял Максим, — ты же не Хранитель.

— Дык оно и понятно, — зафырчал собеседник, — да только читал ли ты, Хранитель, как Жар-Птицу то побороть?

— Я вообще думал, что это просто легенда, — себе под нос пробубнил Максим так тихо, что слышали только мы вдвоем.

Я задумчиво всхлипнула носом.

— Чегось? — не понял Кожемяка.

— Не знаю, — отозвался, наконец, сосед. — А ты знаешь?

— Стало быть, знаю, коли говорю, — вздохнул узник, — и Иван знает, вот и похитил меня.

Максим начинал злиться. Я отчетливо почувствовала, что туманные фразы узника выводят парня из себя, и осторожно погладила его ладонью по спине в успокаивающем жесте.

— Говори уже, чего темнишь?

Собеседник гнева Макса не испугался, но на вопрос все же ответил.

— По легендам, — начал вещать он сиплым старческим голосом, — Жар-Птица лишь тогда Хранителям к книге подступиться позволяет, когда жертву ей принесли. Стало быть, жертвы две быть должно: тот, кто меньше всего о Лесе нашем сказочном знает, и тот, кто больше.

Мы с Максимом задумались, а Кожемяка продолжал.

— Уж не знаю, слышал ли ты, но Никита Кожемяка самый старый в нашем Лесу на сей день.

Я удивленно выдохнула, а сосед поинтересовался:

— И сколько же лет те... вам?

— Да уж сто пятьдесят годков стукнуло, — засмеялся Никита.

Хранитель присвистнул, а я подавилась воздухом. Ну ничего же себе! Да даже если так, что ж Иван то дедулю в темнице целых три года держал?! Да тут условия такие, что не то, что такой дряхлый старик, даже пышущий жизнью Илья Муромец кони двинет!

Кожемяка будто бы мысли мои прочитал и сказал:

— Иван меня тут держит, потому что сбежать я не в силах. Поит живой водой, да яблоками молодильными кормит. Молодость, они, конечно, не дарят, но все ж я живее всех живых, как видите. А вода та умом тронуться не позволяет. Уж сколько помню себя, а такого разума кристального, как за эти три года, ни в жизни у меня не было.

Я вспомнила, какое впечатление произвела на меня живая вода при первой встрече с Василисой и Кошеем в их замке, и мысленно согласилась. Тут уж не поспоришь, лучшего успокоительного я в жизни не встречала

— Так что же, получается, ты — самый старший, больше всех знаешь. А теперь он младенца еще искать будет?

Я в ужасе встрепенулась.

— Вот скотина венценосная, — выругалась себе под нос, — это же надо! Ребенка убить!

— Э-э-э нет, Хранитель, — фыркнул Кожемяка, — да любой младенец, что мире этом родился, по праву крови Лесу принадлежит. Тут другие правила, голубчик. Тот, кто в Лесу оказался, а к Лесу отношения не имеет, тот и вторая жертва.

Я застыла, а Максим смачно выругался. Его руки на моих плечах сжались так сильно, что наверняка оставили после себя синяки, но я даже внимания на это не обратила.

— Это что... — голос от испуга сел, и скрипел не хуже, чем у стопятидесятилетнего Кожемяки, — это что, я что ли?

Я задрожала.

— Понятно теперь, зачем ты была ему нужна, — сквозь зубы процедил сосед.

Господи. Я-то думала, он меня похитил только ради того, чтобы Васю свою драгоценную развлечь. Чтобы не скучно ей было. Ну или, на худой конец, все-таки надеялся, что я окажусь Хранительницей, а тут вот какие дела, оказывается. Жертва? Жар-Птице?

— Живой не дамся, — всхлипнула я.

— Дык ты ему и мертвой сгодишься, — радостно оповестил нас Кожемяка.

Хранитель злобно цыкнул на дедушку и тот притих. А спустя минуту с его стороны вообще донесся тихий храп.

— Руслана, успокойся, — растерянно протянул Максим. — Я же обещал, что выведу тебя из Леса в целости и сохранности. Значит, выведу. Не паникуй.

— Я не паникую, — тут же соврала я.

Хранитель тяжело вздохнул и осторожно потянул меня вниз к лежанке. Уложил на бок, а сам лег рядом и снова обнял. Я почувствовала себя в теплом коконе и снова непроизвольно всхлипнула от шока. Максим ласково погладил меня по волосам и поцеловал в лоб.

— Как покойницу, — невесело прокомментировала.

Сосед раздраженно цыкнул, а я поспешно извинилась. Выводить и без того взбешенного новостями соседа еще сильнее не хотелось.

— Максим! — вдруг встрепенулась я, вспоминая, — ты же... ты же ранен был! Как твоя

рана?

Тут же вспомнилось, как я активно брыкалась у Васи в комнате, и стало стыдно. Наверняка же Хранителю было тяжело меня удерживать, а вдруг рана вообще открылась?

— Нормально все, — фыркнул тот, укладывая меня обратно, — зажило как на собаке. Не переживай.

Я со вздохом легла обратно, подложив под голову сложенные руки. Пыталась в темноте разглядеть лицо Максима, но видела только его глаза, что едва заметно блестели в тусклом свете. Кажется, тот в свою очередь тоже пытался меня рассматривать.

— Как вы сюда попали? — я говорила шепотом. Кожемяка спал, начиная похрапывать все сильнее. — Расскажи мне, что случилось.

— Да ничего особенного, — пожал плечами Максим. — Ты же знаешь, подобраться к замку мы не могли, со всех сторон куча охраны. Поэтому решили подождать, пока соберутся другие Хранители. Когда шестерых, вместе со мной, собрали, решили попробовать рассеять стену. Получилось. Причем так хорошо, что брешь никто из ведьм не заметил.

— А почему Кощей один сбежал?

— Сапоги-скороходы только одни на весь лес. Меня Иван не тронет, пока по крайней мере — ему хранители нужны. А Кощей он ненавидит. Убил бы на месте.

Я понятиливо кивнула. Ветер в темнице завывал со страшной силой, мешаясь с храпом Кожемяки. Я спиной чувствовала холод каменной стены, позади, хоть и лежала на расстоянии нескольких сантиметров от нее. Только тепло Максима согревало и успокаивало. Несмотря на всю ситуацию, я даже мысленно не могла описать себе, насколько была рада тому, что он находился рядом, и что закончился весь этот ужас с приворотным зельем.

Когда Хранитель задремал, крепко прижав меня к себе, я начала все отчетливее вспоминать, что творила все эти дни в замке Царевича, и ужасалась собственной глупости. Вот уж точно магия! Как так могло получиться, что я заранее знала, что у Ивана есть это чертово зелье, но все равно утверждала, что не было никакого колдовства? Меня вообще начинало преследовать жуткое чувство, что на время действия приворотного зелья в меня просто вселился кто-то чужой. Слава Богу, заклятие снять удалось, потому что иначе я, наверное, сошла бы с ума.

Кажется, я тоже задремала, пригревшись рядом с мерно сопящим Максимом. Жалась в него, будто в большую уютную подушку и провалилась в сон. Лежать на настиле было ужасно жестко, поэтому сон принес больше мучения, чем отдыха. Я извозилась на одном месте, а от каждого звука вздрагивала с ужасом, при этом не в силах проснуться до конца.

Когда где-то совсем рядом раздался громкий звон, как будто что-то тяжелое и железное упало на пол, я вздрогнула и подскочила на месте.

— Ты чего? — сонно просипел Максим.

— Тщ-щ-щ, — оборвала его я.

Храпа Кожемяки слышно уже не было, но странные шорохи, будто кто-то скребся о стену, раздавались совершенно с другого угла. Скрежет становился все отчетливее, а у меня от страха свело мышцы.

— Максим, — испуганно сглотнула я, — ты слышишь?

На этот раз уже Хранитель на меня шикнул. Парень тоже слышал странные звуки, но сразу пугаться не стал.

— Крысы? — предположил он.

Я испуганно сглотнула. Почему-то наличие крупных представителей грызунов меня бы сейчас не испугало. Всю жизнь их боялась, но была бы даже рада, окажись это обычная крыса. Интуиция подсказывала, что все тут не так просто, и источником шорохов может быть что-то пострашнее.

— Где, кр-р-р-рысы? — неожиданно раздался смутно знакомый голос.

Я подскочила на месте и едва сдержала визг, но Максим вовремя прикрыл мне рот рукой.

— Васька? — недоверчиво переспросил он.

— Ва-а-а-ска, — мурлыкнул в ответ довольный котяра. В этот момент в темноте отчетливо появились два крупных светящихся зеленых глаза с вертикальными зрачками. И я эти глаза мгновенно узнала. Ученый Кот Яги и правда был здесь!

9.3

— Я думала, ты умный Кот! — раздраженно бубнила себе под нос я, — Думала, сказки сказываешь, науку знаешь! Кто вообще додумался назвать тебя Ученым?

Пальцы ощупывали холодный пол, и я время от времени начинала шипеть, когда острые камешки оставляли неглубокие царапины на ладонях.

— Да почему же мне знать? — философски мурлыкнул Васька, — разве ж я сам себя таким нарёк? Не было такого. Вот и неча меня теперь винить.

Судя по звукам, Кот мое заслуженное недовольство проигнорировал и вернулся к куда более интересному занятию — вылизыванию своей пушистой шкурки. А мы с Максимом дружно цыкнули и вернулись к насущным проблемам, которые нам услужливо подкинул «ученый» засранец.

Васька был отправлен в помощь, дабы передать ключи и вывести нас из темницы через тайный ход по катакомбам. Котяра нашел нашу камеру по запаху, оповестил о своем приходе, рассказал о плане Яги и Кощея, что поджидали нас у выхода из этого самого хода, а потом просто взял и сбросил с шеи связку с ключами куда-то на пол. Почему-то в его голову не пришла мысль, что, в отличие от котов, мы в темноте видим примерно столько же, сколько и куры. Хорошо хоть бросил за нашу решетку, а не куда-нибудь к Кожемяке. Попробуй заставь дедушку шариться по ледяному полу в поисках спасительной связки.

В общем, мы с Максимом уже битый час бессмысленно ползали на карачках, и даже представить не могли, куда Василий мог запулить эти чертовы ключи.

— Посмотри хотя бы, — ругался Хранитель, — куда ты их выбросил? В какую сторону?

— Не зна-а-аю, — печально вздыхал Васька, на миг отрываясь от умывания. — Не ви-и-и-жу.

Я дала себе клятвенное обещание надавать по пушистой шее, как только мы все-таки выберемся из темницы, и непременно пожаловаться Яге. Разбаловала она своего питомца хуже некуда.

— Нашел! — раздалось, наконец, победное восклицание Максима.

Я вскочила на ноги и радостно хлопнула в ладоши, замечая блеснувшую в едва заметном свете связку.

— Ур-р-р-ра, — радостно мурлыкнул Кот. — Мы спасены!

Не знаю, как Хранителю это удалось, но замок на ощупь он нашел довольно-таки быстро. И справился с ним так легко, как будто каждый день по три раза сбегал из мрачных темниц в подземельях всяких там Иванов Царевичей. Впрочем, кто его знает, чем он тут в этом Лесу всю жизнь занимался.

Мы выбрались наружу, и я испуганно сжалась. В камере, конечно, было страшно, но все же за все это время этот страх стал каким-то... родным что-ли. К той темноте глаза более-менее привыкли, да и я еще с тех пор, как горели факелы, знала какая в нашей «комнате» была обстановка. А сейчас мы оказались в мрачном незнакомом коридоре, откуда доносились ужасающие звуки, заставляющие шевелиться волосы по всему телу, и черт его знает, куда вообще надо было идти. Вдруг тут за каждым углом по страшному сказочному чудовищу? Да им даже убивать меня не надо будет. Если нам придется идти в этой крошечной темноте наощупь, я умру от страха и достанусь на пропитание всяким там монстрам-падальщикам. Бр-р-р-р, пора прекращать смотреть ужастики. В критических ситуациях, почему-то в памяти всплывают именно они, а не поучительные видео с советами по выживанию, которые каждый день крутят познавательные каналы.

— И что делать? — растерянно поинтересовалась я. — Как мы выберемся? Ни черта же не видно.

— А я все вижу, — мурлыкнул довольный Васька.

Мы с Максимом дружно выдохнули, сдерживаясь от акта живодерства, а Кот спокойно хлопнул светящимися в темноте глазищами и снова начал вылизываться. Вот бы и мне такое спокойствие. Честное слово, наиболее меланхоличного чел... хм, существа, я не встречала никогда в своей жизни. Мне кажется, даже если ему отрежут одну лапу, он просто фыркнет, скажет, что три — счастливое число, и пойдет дальше, счастливо посвистывая себе под нос. Интересно, а коты свистеть вообще умеют?

— Чегой вы тут рыщите? — раздался скрипучий голос Кожемяки. Видно, мы все-таки разбудили дедушку.

— Пытаемся спасти наши задницы, — мрачно пробурчал Хранитель.

Никита немного помолчал, прислушиваясь к нашим судорожным шорохам, а потом проскрипел:

— Так факел зажгите.

Я поразилась «гениальности» богатыря, но промолчала. Все-таки возраст, уважать человека нужно. А вот раздраженный Максим не сдержался и поинтересовался откуда мы, по мнению Никиты, должны взять огонь. Получилось очень неприлично, и я с легонько ударила парня по локтю, чтобы не грубил человеку такого почтительно возраста. Хранитель тяжело вздохнул и извинился.

Кожемяка, впрочем, не обиделся.

— Так у котяры то у вашего и огниво есть.

Мы застыли, а Васька удивленно вскинулся:

— У меня?

Кот дернул мордой так резко, что на его шее звякнул ошейник. Максим сообразил сразу и дернулся вперед, хватая возмущенно мяukнувшего кота за шкуру. Богатырь был прав, на шее у животного действительно висело огниво.

— Ой, — задумчиво протянул Василий, меланхолично размахивая в воздухе лапами, — а я и забыл.

Максим раздраженно опустил засранца обратно на пол и, видимо, едва сдержался, чтобы не пнуть его под пушистую задницу. Только тот снова не заметил агрессии в свою сторону, спокойно возвращаясь к уходовым процедурам. Как-то много он вылизывается. Надо посоветовать провериться на блох. Вдруг это они у него вместе с кровью серое вещество высасывают. Это бы все объяснило.

Пока Хранитель, бурча себе что-то под нос высекал огонь, я поинтересовалась у Никиты:

— А как вы узнали, что у Васьки есть огниво?

— Так увидел, — спокойно отозвался тот.

Я удивленно моргнула:

— В такой темноте?

— Дак я, девочка, в этой темноте уж почитай три года сижу, — со скрипучим смехом отозвался дедуля, — Глаза уж по-иному глядеть начали. Вот, боюсь, на свету окажусь — совсем ослепну, а здесь по-темному, кой чего еще и разгляжу.

Я пораженно покачала головой. Из коридора подул сквозняк, и я зябко передернула плечами, а у Максима, наконец, получилось добыть искру.

— Готово, — облегченно выдохнул он, поднимая постепенно разгорающийся факел и протягивая его мне.

Я послушно взяла толстую палку и поразилась, насколько она тяжелая. Максим разглядел на стене второй экземпляр и потянулся, чтобы его достать.

— Теперь надо как-то найти второй ключ, — задумчиво протянула я.

На камере Кожемяки висел тяжелый амбарный замок и открыть его можно было либо ключом, либо ломом. Ни того, ни другого, естественно, не наблюдалось и наблюдаться не могло. Я, конечно, для порядка вещей покосилась на Ваську, но у того на шее остался только тонкий шнурок ошейника, к которому раньше наши друзья прикрепили огниво и ключи.

— Э-э-э, нет, — проскрипел Кожемяка, замечая, как Максим внимательно рассматривает замок на его камере. — Я уж никуда с вами не пойду.

Мы с Хранителем удивленно переглянулись.

— Почему? Мы же сбежать хотим. — Хранитель нахмурился.

— Глупый ты еще, мальчишка, — вздохнул богатырь, — разве ж вы куда сбежите с немощным то стариком? Да после трех лет, что в темнице я провел в одиночестве? Кончится действие яблочек молодильных, да воды живой, и сяду я на пол каменный. И уже никто не сдвинет меня с места. И сам не убегу, и вас поймают.

Максим как-то печально кивнул, а я с ужасом вцепилась ему в рукав:

— Макс, ты же не хочешь и правда оставить его здесь?

Хранитель промолчал, и я поняла, что хочет. Если задуматься серьезно, то оба они были правы, но у меня в голове не укладывалось, что мы и правда можем так поступить.

— А если он его убьет здесь? — всхлипнула я, — Иван — чокнутый!

— Не убьет, — хмуро отрезал Максим, — ты сама знаешь, что он ему нужен.

Я с ужасом посмотрела в темноту камеры, где с трудом различался силуэт дедули, и снова всхлипнула.

— Мы за вами обязательно вернемся!

Я действительно в это верила и даже представить себе не могла такой поворот событий, при котором мы можем оставить Кожемяку здесь навсегда.

— Ох девочка, — с улыбкой в голосе вздохнул богатырь, — не давай ты впредь обещания, коли выполнить не сможешь.

— Мы сможем! — горячо воскликнула я, но старый богатырь только с сомнением покашлял в ответ.

— Руслана, пойдем, — Максим взял меня за руку.

— Удачи вам, — пожелал в ответ Никита, — Ежели и правда за мной воротитесь, век не забуду.

Кот вальяжно поднялся на ноги и, потеснив с дороги застывших нас первым двинулся в темноту. Судя по всему, Васька терзаний совести, в отличие от нас, не испытывал совсем. Добродушно пожелал Кожемяке доброго здоровья и исчез в темноте.

— Чего застыли? — недовольно мяукнул он, — ждать али я кого буду?

Пришлось пересилить себя, еще раз попрощаться со старым богатырем, пообещать ему спасение, и все-таки двинуться следом за пушистым хвостом, мелькавшим в темноте.

Васька, поначалу, и правда хорошо ориентировался в пространстве. Темница была огромной, и мы двигались между камер друг за другом по цепочке. К счастью, до той части, откуда доносились стоны и звоны цепей мы не дошли. Судя по всему, Иван определил нас в самые закрома темницы, чтобы мы, не дай бог, не общались с другими его узниками. Только вот Кожемяка оказался нашим соседом по несчастью. Видать потому, что нам с ним была уготована похожая судьба.

Пройдя несколько пустых камер, зияющих темнотой, мы зашли в одну из них.

Заклученных не было, поэтому на дверях висели открытые замки, и проникнуть внутрь ничего не мешало. Васька подошел к лежанке (точно такой же, как в нашей камере), запрыгнул на нее и важно мотнул мордой, указывая на укрытый соломой настил под собой.

— Потяни, — приказал Максиму.

— Слезь, — мрачно отозвался тот, подходя ближе.

Кот, обиженно фыркнул и тяжело спрыгнул на пол. Хранитель подошел к настилу.

— Руслана, поддержи, — он протянул мне свой факел. Я послушно взяла и наклонилась ближе, чтобы соседу нашел, за что можно было ухватиться. Края у каменного выступа оказались совершенно гладкими, но Максим каким-то чудом нашупал проем, в который смог вцепиться пальцами.

Особых усилий прикладываться не пришлось. Напрягшись всего один раз, он потянул каменную крышку на себя, и та, громко щелкнув, плавно отъехала в сторону. Судя по всему, здесь был установлен какой-то механизм. Я как раз хотела поинтересоваться, как вход в катакомбы мог оказаться закрыт, если Кот проходил через него пару часов назад, но все вопросы отпали сами собой. Волшебство, волшебством, но тут явно кто-то поработал мозгами.

Проем уходил перпендикулярно вниз, а свет факела не позволял увидеть дно этого «колодца». Я испуганно сглотнула и поднял на Хранителя печальный взгляд.

— Туда прямо прыгать надо? — поинтересовалась с надеждой в голосе.

— Можешь «прямо» остаться здесь, — предложил альтернативный вариант Максим.

Я тут же замотала головой и снова покосилась в пугающую темноту.

— Там неглубоко, — мурлыкнул Васька в знак поддержки.

Я недоверчиво посмотрела на кота, но выбора у меня, к сожалению, не было...

Мы шли по длинному, бесконечно петляющему каменному мешку уже несколько часов. Последнее время начало казаться, что стены с каждым нашим шагом сжимались все активнее, а потолок тяжелел и давил на голову. Ход явно становился уже, и от этого где-то внутри сворачивался страх. Я что есть силы вцепилась в холодную ладонь Максима и старалась не выпускать ее ни на секунду. Кот же шел, вальяжно повиливая пушистым задом и задрав кверху хвост. В какой-то момент мелькнула мысль, что этот засранец вполне мог забыть путь и заблудиться (слишком уж долго мы шли безо всякого намека на приближающийся выход), но я отбросила ее, решив, что паника мне сейчас точно не поможет. А вот позитивное мышление, насколько оно вообще возможно в такой ситуации, значительно облегчит уготованную участь...

Самое ужасное в жизни, что как только, находясь в самой глубокой жо... кхм, каменной яме, ты настраиваешь себя на позитивное мышление, вдруг оказывается, что эта яма куда глубже, чем ты предполагал изначально. И вместо того, чтобы на волне светлых мыслей о радуге и единорогах взлететь наверх, ты проваливаешься на самое дно, а сверху на тебя падают твои радостные мысли, больно ударяя по темечку. Сейчас случилось тоже самое. И минуты не прошло с того момента, как я на секунду усомнилась в умственных и топографических способностях пушистого помощника Яги, как тут же выяснилось, что и с первым, и со вторым у него, действительно, серьезные проблемы.

— Ой, — мяукнул кот, уперевшись лбом в тупик. — Не то.

Максим зарычал, а Кот философски дернул ушами:

— Ну бывает, — были бы у него плечи, клянусь, меланхолично пожал бы плечами. А так только усами дернул и плюхнулся на пушистую попу, внимательно разглядывая каменную кладку, словно та, по взмаху невидимой волшебной палочки должна была раствориться прямо на наших глазах.

— Ты сказал, что знаешь дорогу!

— Я такого не говорил, — возмутился Васька.

— Говорил! — в один голос гаркнули мы с Максимом. Кот на секунду задумался, моргнул зелеными глазищами и с печальным вздохом признал:

— Ну ладно, говорил.

Хранитель не выдержал и протянул вперед руку, дергая Ученого за уши. Не больно, но обидно.

— За что? — тут же встал на дыбы Васька, — Ироды! Я вас спасаю!

— Как ты нас спасаешь? — гневно поинтересовался Максим, — Завел в катакомбы к черту на кулички, заблудился! И что дальше? Будем сидеть и ждать, пока стена чудесным образом развалится, и умрем без еды и воздуха? Руслана, успокойся, я утрирую.

Но было поздно. Все, что было нужно, я уже услышала и вполне логично начала паниковать. Сразу же стало не хватать воздуха, а толща камня над головой ощущалась уже на тактильном уровне.

— Мы умрем, — просипела я, садясь на корточки, но не выпуская из пальцев руки Макса, — мы все умрем.

Хранитель закатил глаза и свободной ладонью устало почесал лоб.

— Дай мне сил, Господи. — пробормотал он едва слышно. И уже громче попросил: — Руслана, давай, если ты хочешь поистерить, я тебя здесь оставляю и пойду, ладно? Посидишь, поплачешь над горькой долей. Там, глядишь, жить захочешь и сама выберешься?

— Не дожدهшься, — обиженно фыркнула я, — А если я умру?

— Тогда у Ивана не будет второй жертвы для Жар-Птицы, и Конца Света не будет, — радостно мяукнул Кот.

Максим сцедил в кулак смехок, а я подскочила на месте, возмущенно вырывая пальцы из ладони Хранителя и складывая руки на груди.

— Вот как вы значит, да? — гневно поинтересовалась я, — вам легче, чтобы меня не было?

— Это он сказал, — тут же обвинительно ткнул Максим пальцем в Кота, — я не при чем.

— А ты смеялся, — уничижительно фыркнула я, — я видела.

— Это нервное, — пожал плечами Максим. — И вообще, что за истерика? Нашла время!

Я хотела возразить, что еще даже не начинала истерику, но слова застряли в горле, когда прямо над ухом раздался гортанный рык. Вернее, он был где-то далеко, но я так сильно испугалась, что будто бы кожей почувствовала, как чья-то чужая слюна падает мне на плечи, а смрадное дыхание обдаёт ухо.

— Не ори. — предупредил меня Хранитель, видя, как я уже открываю рот, чтобы заверещать.

Крик ужаса застыл где-то в горле, и пришлось срочно перебарывать себя. Поначалу на черствого Хранителя хотелось обидеться, но еще один рык заставил меня серьезно подумать над жизненными приоритетами. Ну обижусь я сейчас на него, а кто спасать меня будет? С Котом вон каши не сваришь, он только глазами своими глупыми хлопать будет, наблюдая, как какое-нибудь страшное чудо пожирает Руслану Лесницкую, не оставляя от нее даже косточек. А потом кто-нибудь его спросит, а он глазки искренние состроит и мурлыкнет недоуменно:

— А я думал, они игр-р-р-ались.

Именно поэтому решив, что поругаться с Хранителем всегда успею, я снова вцепилась в его локоть и на всякий случай отошла за его спину. Позади меня была лишь стена, поэтому если бы чудища напали из темного коридора, Максиму бы досталось первому. Парень, к слову, и сам уже протянул вперед руку, чтобы задвинуть меня себе за спину, но я оказалась проворнее. Хранитель только глаза закатил и поднял факел, освещая темный проход. Оттуда дул ветер, из-за чего огонь заметно покачивался и тускнел. Я переживала, что он может совсем погаснуть, оставив нас в крошечной темноте.

— Что это было? — прошептала едва слышно. Ноги подкашивались от страха, а во рту пересохло.

— Ветер? — предположил Кот, но мы с Максом оба на него шикнули, и тот обиженно надулся.

— Руслана, стой здесь, — Хранитель вырвал локоть из моей руки и покачал головой: — пойду посмотрю.

— Ага, сейчас, — запротестовала я, снова вцепляясь в руку соседа, — ты вообще в курсе, чем обычно заканчиваются сцены в ужастиках, когда герои говорят «пойду посмотрю».

Максим закатил глаза, а Кот любопытно поинтересовался:

— И чем же?

— Тем что кого-то съедают и разрывают на кусочки! — мрачно просветила я Василия.

— Что-то ты не думала об этом, когда тащила меня смотреть на монстра в свой дом в первый день нашего знакомства, — иронично протянул Максим.

Я обиженно насупилась. Вот чего он? Переживаешь тут, переживаешь, а он все шутки шутит. Да там, судя по звукам, толпа гремлинов сидит, не меньше! Зачем ходить на них смотреть и подвергать себя угрозе оказаться чьим-то ужином?

— Руслана, если ты не заметила, — покачал головой Хранитель, — мы в тупике, и это единственный наш путь.

Он снова кивнул в сторону коридора, откуда доносились ужасающие звуки, а я тяжело вздохнула. В тупике, причем в прямом смысле этого слова. А все Васька виноват. Притащил нас черт знает куда, и даже не раскаивается.

— Хорошо, — кивнула наконец я, — пойдем посмотрим. Я одного тебя не отпущу.

Максим оглядел меня с ног до головы насмешливым взглядом, но я на провокацию не повелась, продолжая держать парня за руку так крепко, как только могла. После всех произошедших событий, разделяться в этом мире с Хранителем я больше была не намерена. Сначала чуть не умерла от беспокойства, когда он там с Кощеем и Ильей на вылазку ходил, потом вообще приворотного зелья напилась, и чуть сама его не угробила. Кому расскажешь — не поверят!

— Я с тобой, — твердо повторила, задирая голову, — и не спорь!

Максим тяжело вздохнул, но все-таки согласился. Вытянул правую руку с зажатым в ней факелом вперед, а второй крепко взял меня за ладонь. Кот наблюдал за нами со здоровым любопытством, но тоже не отставал. Сдается мне, дело было совершенно не в его необыкновенной храбрости. Васька, судя по тому, что я уже успела увидеть, просто был крайне глупым. Мозгов в голове Кота кот наплакал (простите за тавтологию), а те что были, отходили на задний план, когда включалась лень.

Мы не вернулись в тот коридор, откуда пришли, и двинулись в проем в противоположной стене. Прямо туда, откуда доносились рыки. Мне было очень страшно, но Максим, почему-то, был относительно спокоен. Я даже подумала, что он чувствует что-то такое своим чутьем, иначе точно не позволил бы пойти с собой. Связал бы, скорее всего. Как выяснилось, рука у него не дрогнет.

Спустя несколько минут мы поняли, что рыки действительно принадлежат какому-то животному. Или животным. Вот только доносились они теперь не из коридора, а из...

стен вокруг нас! Причем отовсюду, слева, справа, позади, спереди и даже сверху. Складывалось ощущение, что мы передвигаемся по тоннелю, за стенами которого кишмя кишат всякие твари.

Ощущение оказалось не обманчивым. Спустя еще какое-то время, мы увидели впереди едва заметный свет, что рассеивал крошечную темноту каменного хода. Максим забрал у меня факел и вместе со своим повесил его на стену. Затем двинулся к слабому лучу в темноте. Это оказалось крохотное окошко, закрытое стальными ржавыми прутьями. Хранитель первый осторожно выглянул наружу и что-то попытался рассмотреть, прищурившись. Затем он пораженно почесал голову и посмотрел на меня, подзывая взмахом руки.

— Только не кричи, — предупредил заранее. — Я серьезно, Руслана.

Взгляд у Максима был суровым, и я на минуту подумала, о том, что если он так серьезно переживает за мою реакцию, то я явно ничего хорошего там не увижу. Может, оно того и не стоит в таком случае? Однако любопытство, как всегда, пересилило здравый рассудок.

Крик сдержать удалось только потому, что я мысленно твердила приказ Максима не кричать, словно мантру. Сама зажала себе рот обеими руками и с ужасом осматривала тускло пространство за прутьями.

— Боже, — простонала, не в силах оторвать глаз от ужасающего зрелища.

Первым на что (вернее на кого) наткнулся мой взгляд, была огромная горбатая спина зеленого цвета. Ребра отчетливо проступали под зеленой кожей, слизь скатывалась в огромные вязкие капли и с шумом падала на каменный пол. Вдоль согнутого коромыслом хребта тянулась дорожка черных волос, а оголенные ягодицы зияли гниющими пролежнями. Чудовище, что стояло прямо рядом с окошком согнулось так сильно, что его голову невозможно было разглядеть за горбом. Он тяжело вздымался, и до наших ушей доносилось хриплое дыхание.

Я с перепугу даже не сразу ощутила зловонный запах, что забился в нос. К горлу подступила тошнота, а чудовище, неожиданно, решило отойти от окошка, дабы дать нам с Максимом лучший обзор на всю пещеру.

Если бы Максим не держал меня за локоть, я бы точно грохнулась на пол. Взору открылась широкая, слабо освещенная пещера, в которой находились сотни самых разных жутких монстров. Они сидели, стояли, лежали вокруг. Складывалось ощущение, будто кто-то, как личинок, запихал их в огромную банку, и они растеклись по ней в разные стороны.

Глаза видели все, но разум отказывался верить, что это происходит на самом деле. Каких только тут тварей не было. И полуразложившиеся скелеты в оборванной одежде (точь-в-точь как зомби в хоррор-фильмах), и жуткие лысые твари, отдаленно напоминающие людей, и мерзкие чудовища, чье туловище заканчивалось огромным змеиным хвостом, а глаза светились ужасающим белым светом, и клыкастые волосатые монстры, чем-то похожие на ободранных гризли, и громадные великаны, чьи языки вывалились из зубастых пастей и волочились по полу, и огромное множество других невероятных монстров.

— Армия нежити, — прошептал Максим, — та самая, про которую говорил Горыныч.

Я пораженно кивнула и поспешила отойти от решетки. Даже на секунду не хотелось представлять, что кто-то из чудовищ может нас заметить.

— Нужно выбираться. И как можно скорее.

10.1

Найти выход оказалось сложнее, чем мы представляли. Кот окончательно потерялся в переходах и в конце концов заявил, что не понимает, где мы находимся и в какую сторону следует направляться. Окон в стенах больше не было, но рычание и пугающие утробные звуки преследовали нас еще несколько часов. Монстров за каменными стенами было невероятно много. Мы передвигались осторожно и не разговаривали, чтобы случайно не выдать себя и не навлечь беду.

Когда сил уже совсем не осталось, и начало казаться, что мы просто сгинем под толщей камня, не найдя выхода, Максим, остановился и придержал меня за руку.

— Слышишь? — шепотом поинтересовался он.

Я устало потерла виски и прислушалась. Васька тоже остановился и дернул ушами. Кот, может, что-то и расслышал, но я так и осталась в неведении. Пещеры с монстрами закончились какое-то время назад, их рычание уже не было слышно, и с тех пор нас окутала мрачная тишина, лишь изредка нарушаемая легким свистом едва заметного ветерка. Час назад на стенах перестали появляться факелы, которые мы до этого с успехом меняли, и я серьезно опасалась, что мы останемся еще и без света.

— Что такое? — поинтересовалась я у Максима.

— Вода, — так же тихо отозвался тот, — и птицы.

Я снова прислушалась, но и на этот раз ничего не расслышала. Однако причин не доверять Хранителю в его чутье у меня не было. Раз Максим сказал, что слышит, значит так и есть. Как оказалось, не зря. Слабо пробивающиеся лучи света сквозь заколоченные доски замелькали впереди, будто бы мираж в пустыне. Мы одновременно сменили вялый шаг на бег и бросились к выходу.

Доски оказались трухлявыми, и Максим выбил их без особого труда. Мы вывалились на свежий воздух и с наслаждением рухнули в высокую траву.

Уже вечерело. Солнце садилось за горизонт и отовсюду слышалось пение еще не уснувших птах. Комары мгновенно облепили вспотевшее тело, но шевелиться было настолько тяжело, что я решила дать кровососущим полакомиться. Кот, жалобно мяукнув, растянулся рядом в позе звезды, прижавшись пушистым боком к моему животу. Я забыла про раздражение и обиды, и зарылась пальцами в длинную шерсть. Котья счастливо замурлыкал.

— Надо идти, — устало проговорил Максим спустя несколько минут молчания, когда я уже начала проваливаться в дрему.

— Давай здесь заночуем? — предложила я, но Хранитель не согласился.

Разломанные доски следовало собрать обратно в кучу, хотя бы, для вида, и постараться уйти в лес как можно дальше. Если за нами пустятся в погоню, то взять тепленькими прямо у выхода из катакомб будет проще простого.

— Вась, — я потеряла громко мурлыкающего Кота по макушке, — ты говорил, что Яга с Кошеем будут нас здесь ждать.

— Будут, — вяло зевнул тот в ответ, раскрывая свою огромную зубастую пасть, — они и есть здесь. Я запах Ягушкин чую.

Я лениво повернула голову к Максиму. Тот на слова Кота улыбнулся, но открывать глаза не спешил, наслаждаясь коротким отдыхом. Его грудь вздымалась, будто бы Хранитель специально дышал так глубоко, чтобы насытить легкие кислородом на несколько дней вперед.

— А почему они тогда не показываются? — поинтересовалась я.

— Так за версту ж они ждут, не менее. Туточки больно опасно бы было.

Я нахмурилась, пытаясь достать из памяти хоть какую-то информацию об упомянутой

котом системе измерения. Поиски ничем не увенчались, поэтому пришлось обращаться за помощью к Максиму.

— Чуть больше километра, — Хранитель медленно сел и взъерошил пальцами и без того растрепанные волосы.

Я сдавленно застонала. Целый километр по Лесу! Да мне лишний шаг-то кажется чем-то невозможным, а тут целый километр! Ныть вслух я не стала, хотя и очень хотелось. Прекрасно понимала, что Хранитель и Кот находятся в точно таком же положении.

— Зато по свежему воздуху, — вздохнула я тяжело и тоже села. Потом подумала и опустила голову Максиму на плечо. Тот уже снова закрыл глаза и, казалось, задремал.

— Надо идти, — вяло пробормотал он.

— Надо, — согласно зевнула я.

— Темнеет уже.

— Ага.

Кот потянулся и положил мне на колени голову и передние лапы. Я машинально почесала пушистика за ушами. Солнце опускалось за горизонтом, и постепенно пение птиц сменило стрекотание сверчков и далекое кваканье лягушек. Мошки стали агрессивнее, а откуда-то из леса донеслось уханье совы.

Кажется, мы все-таки задремали. Ненадолго, но, когда я пришла в себя, солнце окончательно скрылось, а сумерки сгустились. Кот похрапывал у меня на коленях, а Максим, который положил свою голову поверх моей, устало сопел.

— Макс, — я осторожно потерла парня за ногу, не поднимая головы с его плеча. Шея затекла, как и спина, но резко будить Хранителя я не решилась.

— М-м-м-м, — сонно пробурчал он.

— Мы уснули, — протянула устало. — Надо идти. Скоро совсем стемнеет.

Хранитель поднял голову и открыл глаза. Удивленно осмотрелся и пробормотал себе под нос:

— Черт.

Сон в неудобной позе не принес ни капли желанного облегчения. Казалось, что все тело налилось свинцом, а усталости только прибавилось. Пока мы выбрасывали уже ненужные факелы обратно и кое-как прилаживали доски к выходу из катакомб, стемнело окончательно. Мы набрали сухих веток и, на всякий случай, завалили проем еще и ими.

— Васька, пошли, — закончив с этим делом, Максим потерла мирно дремавшего пушистика за хвост.

Тот вяло мяукнул в ответ, но послушно поднялся на лапы. Широко зевнул и дернул появившимися усами.

— Давай только на этот раз без блужданий, — хмуро предупредил его Хранитель.

Кот обиженно насупил, но промолчал. Я же почти не переживала по этому поводу. Все-таки сейчас Василий поведет нас по запаху, а не по памяти (с чем у пушистика серьезные проблемы). Тем более он уже говорил, что чувствует Ягу и Кошечку, значит найти дорогу ему не составит труда, и от его умственных способностей это никак не зависит.

За все время, что путешествовали по Лесу, мы ни разу не шли ночью. Как только солнце скрывалось за горизонтом, мы тут же останавливались и готовились к ночлегу. И сейчас я отчетливо понимала, что мы все делали правильно. Всего один ночной переход без единого источника света непременно привел бы нас к большим проблемам. Вот как сейчас, например. За несколько метров в темноте, идя на голос Василия, я умудрилась споткнуться около десятка раз и едва не сломать ногу, перелетев через выкорчеванный

пенек. Максим попытался было взять меня за руку, но идти в таком положении оказалось еще неудобнее. В следующий раз я просто потянула несчастного Хранителя за собой, и на землю мы рухнули уже оба.

— Прости, — виновато покаялась я, — я вообще не понимаю, куда идти.

В итоге Максим попросил Кота с его ночным зрением найти для нас пару толстых палок и притащить нам. Идея оказалась отличной. Скорость нашего передвижения, конечно, не прибавилась, но я хотя бы не наворачивалась и не бухалась на колени каждые два шага, при помощи толстого сучка нащупывая преграду перед собой до того, как на нее наткнется моя нога. Максим пропустил меня вперед и изредка придерживал за спину. У самого парня с координацией и интуицией было куда лучше.

Слабый огонек за деревьями мы заметили спустя час, не меньше. Судя по всему, Яга с Кощеем отошли от выхода от катакомб дальше, чем на обещанную Васькой версту. Ну или мы плелись со скоростью умирающих черепах, чему я бы тоже не удивилась.

— Стой тут, я проверю, — тихо шепнул мне Максим.

— Нет! — тут же запротестовала я, — я не останусь тут одна!

Рядом громко ухнул сыч, и я почувствовала, что начинаю дрожать.

— В прошлый раз, когда ты оставил меня одну, меня похитил Иван, — просипела, вцепляясь в руку соседа. — Если уж снова в плен, то лучше вместе.

— А может, он хочет от тебя избавиться? — задумчиво предположил Кот, — Яга читала мне, что с воздушных шаров всегда сбрасывают лишние балласты.

— Сам такой, — обиделась я, — лучше бы Яга тебе что-нибудь умное почитала.

Максим хмыкнул и ласково чмокнул меня в макушку, из-за чего дуться на обоих засранцев я прекратила.

— Ладно, пойдем, — Хранитель взял меня за руку, — тем более я почти уверен, что это наши.

— И я, — поддакнул Кот. — Я Ягушку чую.

Я бы на одно кошачье чутье не рассчитывала. наших друзей вполне могли поймать враги и держать в плену, поэтому план Максима сперва проверить издали звучал более практично, чем сразу бросаться им на шею с приветственными объятьями.

Опасения оказались напрасными. На небольшой полянке расположились только Яга, Кощей и Колобок. Они сидели молча, скучковавшись вокруг неяркого костра. Бессмертный взволнованно ворошил палкой горящие ветки, рыжая девушка что-то бурчала себе под нос, перебирая разложенные перед ней травки, а Колобок спал у нее на коленях.

Я не смогла сдержать улыбку, осознав, насколько сильно скучала по друзьям.

— Ягу-у-у-шка, — первым бросился из укрытия Кот.

Хранитель попытался было схватить пушистого засранца за хвост, но тот уже выпрыгнул из кустов, опрометью кидаясь к востепенной хозяйке. Хранитель собирался обойти поляну по кругу, чтобы окончательно удостовериться в отсутствии врагов, но Коту эта мера показалась излишней.

— Василий! — обрадованно воскликнула девушка. Она подскочила и Колобок неловко плюхнулся с ее коленей.

Бессмертный с нетерпением смотрел в кусты, откуда выскочил Кот, а мы с Максимом дружно решили, что теперь шифроваться смысла уже нет, и последовали за сбежавшим животным.

— Руслана! — радостно всплеснула руками Яга, увидев меня. Она горячо обняла подлетевшего к ней Кота и бросилась ко мне, провожаемая его ревнивым взглядом, —

Боже, Руслана! Я так беспокоилась!

Волнение на лице девушки было таким искренним, а объятие настолько сильным, что я едва сдержалась, чтобы не прослезиться. После того, как Яга отпустила меня, ее место занял Кощей. Бессмертный тоже крепко обнял меня и заверил, что безумно рад, что со мной все хорошо.

— Ты прости меня, пожалуйста, — виновато опустила голову я.

— За что? — удивился Кощей.

— Ну как... Если бы я не подняла на уши всю охрану. Мы бы сбежали от Ивана все вместе. С Василисой. А теперь... — я замаялась, но тут же добавила: — только ты не переживай! Я тебе гарантию даю, Иван Василису ни за что на свете не обидит! Запрет, конечно, но и пальцем ее не тронет! А зелья приворотного у него и нет больше.

— Конечно нет, все на тебя истратил, — голос подкатившейся к нам выпечки, хоть и был вредным, а все же в глазах булочки читались облегчение и радость.

Я подхватила Колобка на руки и крепко прижала к груди, вдыхая теплый аромат свежего хлеба.

— Ой ну все-все, какие телячьи нежности, — недовольно бубнил Колобок, но вырываться не спешил, — посмотрите на нее...

— Я соскучилась! — совершенно искренне просветила вредную булочку, — очень-очень!

Колобок только ехидно фыркнул, но спорить не стал. А Кощей положил мне на плечо руку и тяжело вздохнул:

— Не вини себя, Руслана. Я на тебя зла не держу. Ежели уж, по совести да чести, это мы с Максимом перед тобой виноваты.

Я недоумевающе хлопнула глазами, а Кощей пояснил:

— Не углядели за тобой. Оставили одну, да опасности такой подвергли.

Я заверила Бессмертного, что кто-кто, а уж они с Хранителем точно не причем, в отличии от моих врождённых «удачливости» и таланта находить приключения на бедную голову.

К счастью, ждать ужина нам не пришлось. Свежее мясо с пряными травами и отвар чая был уже готов, и мы с Максимом и Котом с жадностью накинулись на еду, уничтожая ее за несколько секунд. Пока ели, Хранитель посвящал друзей в планы Ивана, о которых мы смогли узнать. Те хмурились все сильнее.

— До отряда только к закату дня завтрашнего добаться сможем, — мрачно рассуждал Кощей, — надобно им письмо какое отправить. Максим?

Хранитель развел руками:

— Не могу. Место незнакомое, ни одной точки не найду. А если найду, черт его знает, может Ивановы колдуны зачаровали его и все письма перехватывают.

Колобок сидел у меня на коленях, а Кот жался к ногам. Я гладила обоих и задумчиво наблюдала за огнем. Усталость сковывала тело и мешала соображать связно. Остальные обсуждали план, а я лишь краем уха слышала слова, вылавливая некоторые бессвязные фразы.

— Нужно послать Кота, — доказывал Максим.

— Я устал! — протестовал Василий.

— Васька, он прав, — вздыхала Яга, — тебе поспать пару часов и вперед нас бежать надобно. Чтобы к нашему приходу все готово было.

— Что готово то?

— Так ясно дело что, — фыркнул Кощей. — Ежели мы теперь знаем, что можем с хода потайного на замок Иванов напасть и сразу же армию его неживую уничтожить, надобно воспользоваться этим, пока не хватились супостаты. Коли Иван нежити лишиться, уж куда нам легче будет с армией-то его справиться. Да и все отряды с Леса уже на подходе. Илья всем письма разослал. Все на штурм идут. Готовятся. Разобьем мы Ивана, как есть разобьем. Поспешать только надобно.

Ваське пришлось согласиться, поэтому обглодав последнюю косточку, он завалился спать, а мы еще остались немного посидеть у костра. Кощей без остановки спрашивал меня о Василисе, а я сонно отзывалась, выбирая самые мягкие слова и рассказывая веселые истории о Васе, чтобы Бессмертный перестал волноваться. В какой-то момент перестав бороться с собой, я не выдержала и задремала, опустив голову на плечо Максима. Ребята что-то еще обсуждали вполголоса, а я морщилась от усталости и холода. Я абсолютно точно спала, но вымотавшийся разум не желал отключаться до конца, чем приносил еще больше неудобства и усталости. В конце концов я просто почувствовала, как меня подхватили на руки и отнесли, уложив в вертикальном положении. Стало холодно, но Хранитель быстро лег рядом, и я тут же обняла его руками и ногами, прижимаясь к теплому телу.

Максим хмыкнул и накинул на нас одеяло. С этого момента я окончательно погрузилась в сон.

Проснувшись от сильной головной боли, и я сразу же осознала, что приключения в холодной темнице и каменных катакомбах не прошли бесследно. Виски сдавливали раскаленные тиски, а горло нещадно царапало, щипающие глаза не получалось даже открыть. Только распахнув их, я почувствовала сильную резь и поспешила сомкнуть веки обратно. Ломило плечи и руки, а щеки горели отнюдь не от того, что мне было тепло. Совсем наоборот, меня сотрясала дрожь. Максим повернулся ко мне спиной, а я стянула с него почти все лоскутное одеяло, укутавшись в него словно в кокон.

В горле запершило, и я попыталась откашляться. По воспаленному горлу будто бы прошлись наждачкой, и я едва сдержала болезненный стон. Хранитель завозился, и повернулся ко мне лицом, водружая руку мне на плечи.

— Спи, — пробормотал он, — еще рано.

Я хлюпнула заложенным носом и попыталась снять с себя тяжелую руку. Не хватало еще заразить Хранителя.

— Руслана, ты чего? — Максим недовольно приоткрыл один глаз и посмотрел на меня, — Чего возишься?

Солнце еще не встало, но утренняя зорька уже окутывала округу серым светом. Запели первые птицы, а туман опустился так низко, что неприятно лип на лицо и волосы. Яги и Кощей, что спали по другую сторону костра, из-за мелких капель не было видно.

— Отодвинься, — прохрипела я. Тело колотило, и смертельно хотелось прижаться к Максиму, чтобы согреться, вместо того чтобы пытаться оттолкнуть его от себя.

Максим положил ладонь мне на лоб. Вторую руку прислонил к своей голове, чтобы сравнить температуру.

— Приехали, — нахмурился он, на всякий случай прикасаясь к горячей коже на моем лбу еще и губами, — вот же не было печали, Руслана.

— Я не специально, — виновато просипела я, хлюпая носом, — просто в темнице было холодно. И сквозняки.

Хранитель тяжело вздохнул:

— Еще бы ты специально.

Он помотал головой и сел, устало взъерошивая волосы.

— Ты куда? — всполошилась я, — спи! Тебе отдыхать нужно!

— А ты за это время коньки здесь отбросишь? — поинтересовался он, поднимаясь на ноги, — Лежи. Разбужу Ягу попрошу сварить тебе отвар.

— Максим, не надо! — шепотом возмутилась я, хватая парня за руку в попытке остановить, — Пусть они поспят! Утром попросим!

Было ужасно стыдно. Я и без того принесла им столько проблем и столько планов спутала, а тут еще эта простуда, как всегда вовремя.

— Руслана, ты очень горячая, — хмуро просветил меня Хранитель, — если ты сейчас же не выпьешь лекарство, то к утру мы тебя будем откачивать. И не факт, что получится.

Я вздохнул и с неохотой выпустила из пальцев ладонь Максима. Было ужасно, просто ужасно стыдно. Я, и правда, не специально влипала во все эти неприятности. Будь проклят тот день, когда я решила отправиться следом за Хранителем в этот поход. Хотя бы что-нибудь полезное для них сделала, вместо того чтобы мешать. Все, что со мной происходило последнее время, напоминало сюжет книги, вот только нормальная героиня, в отличие от меня, помогла бы Лесу, оказалась бы истинной Хранительницей, противостояла Ивану и всех бы спасла! А я что? Правильно Васька говорил, я — балласт. В далекой от романтического сюжета реальности я оказалась самым настоящим балластом, который одним своим присутствием давал «карт-бланш» Ивану на разрушение мира, а друзьям только добавлял проблем на каждом шагу.

— Руслана, — сонная Яга, направлялась ко мне, поправляя на носу очки. На щеке заспанной девушки осталась вмятина от веточки, которая случайно попала ей под одеяло. Видимо, девушка сильно устала и спала настолько крепко, что даже не почувствовала, — Что случилось?

Она подошла ко мне и потрогала лоб.

— Горло, немного болит, — прохрипела я.

— Немного? — усомнилась Яга, — Руслана, у тебя сильный жар. Что-то еще болит?

— Голова, — нехотя призналась я, — и тело.

Девушка понимающе кивнула. Еще раз проверила мой лоб и взъерошила пушистые рыжие волосы. Я хотела было подняться, но Яга положила руку мне на плечо и вернула обратно на одеяло.

— Не вставай, — одобряюще улыбнулась она, — я сейчас отвар сварю, станет полегче. Даже идти сможешь. Правда, потом придется отлежаться.

— Спасибо, — просипела я, виновато опуская глаза и сказала то же, что и Максиму: — Извини, я не специально.

Девушка весело хмыкнула и потрепала меня по голове:

— Не переживай. Ты отлично держишься!

Я в ее словах сильно сомневалась, но спорить не стала. Яга поднялась на ноги и направилась к своей дорожной сумке. Ее содержимое она высыпала прямо на траву и начала рыться в порошках и травках. Максим к тому времени натаскал к костру немного веток и пытался посильнее разжечь огонь. Котелок с набранной в ней свежей водой тоже стоял рядом. И когда только успел к озеру сбегать?

Пока Яга возилась с целебным отваром, а Максим готовил завтрак, я снова задремала. В полусне почувствовала, как сверху на меня легло еще одно одеяло и стало теплее. Потом к боку прислонилось что-то горячее.

— Глупая твоя голова, — бурчал Колобок, стараясь прижаться ко мне сильнее своим теплым бочком.

Я благодарно обняла выпечку.

— Спасибо, — пробормотала едва слышно.

Колобок ничего не ответил и, кажется, снова заснул.

Когда я проснулась в следующий раз, солнце уже поднялось из-за вершушек деревьев. На мне лежало уже целых четыре одеяла, которые я натянула по глаза. На лоб примостилась влажная тряпка, от которой исходил терпкий травяной запах. Колобок по-прежнему сопел рядом. Кощей и Максим возились у костра, а Яга сидела в стороне и сосредоточенно мешала что-то в котелке.

Горло по-прежнему саднило, но на этот раз я согрелась и чувствовала себя уже лучше. Кажется, даже температура спала. Видимо, примочка на голове сделала свое дело.

— Проснулась? — Максим сел рядом, убрал с моего лба тряпку и положил руку. — Горячая.

Нахмурился и тяжело вздохнул.

— Я чувствую себя лучше! — тут же прохрипела я. Даже не знаю, кого пыталась убедить больше: себя или его.

Хранитель скептически на меня посмотрел и недоверчиво покачал головой.

— Вставай, — ободряюще улыбнулся он, — нужно поесть, прежде чем выпить отвар. Может, тебе принести?

— Нет, — тут же запротестовала я, — я туда пойду.

Колобок под боком завозился и приоткрыл сонные песочные глаза. Осмотрелся, сонно зевнул и выскочил из вороха тяжелых тканей. Я тоже поднялась, чувствуя, что плечи все еще ужасно ноют. Максим набросил мне на спину одеяло и велел не снимать, пока не поем и не согреюсь.

— Доброе утро! — заметил нас Кощей, — Руслана, как чувствуешь себя?

— Хорошо, — просипела я, вяло улынувшись.

— Сейчас выпьешь отвар и будет вообще отлично, — Яга тоже подняла на нас голову и кивком указала на булькающий котелок перед ней. — Но сначала поешь.

Горячая каша лезла в меня с трудом. Кушать совсем не хотелось, и больной организм отторгал от себя еду, из-за чего я практически давилась. Максим наблюдал за мной со скептицизмом, пока, наконец, не отобрал из рук посудину с завтраком.

— Не мучайся, — покачал головой он и протянул кружку, в которую Яга налила целебный отвар.

Вязкий напиток по внешнему виду напоминал болотную жижу и имел подозрительный горько-гнилостный запах.

— Из чего он? — сглотнула, поднимая полные ужаса глаза на Ягу.

— Тебе лучше не знать, — покачала головой девушка, скрывая улыбку. — Но помогает отлично. Правда, не сразу.

Я еще раз сглотнула и одной рукой зажала нос, решая выпить лекарство в несколько быстрых глотков, чтобы не успеть почувствовать вкус. Не удалось. Вязкая жижа быстро проглатываться не желала и стекла в горло, словно мед, обволакивая весь рот и глотку. Она жглась и была ужасно горькая, поэтому уже после двух глотков я отчаянно закашлялась. Правда, на это раз кашлять было не так больно. Отвар практически мгновенно смягчил боль и жжение в горле, но после себя оставил отвратительное послевкусие. Бросив взгляд обратно в кружку я едва сдержала стон, понимая, что отвара там почти не убавилось.

— Надо, Руслана, — покачал головой Максим, — нам уже идти нужно. Нельзя терять времени.

Я печально кивнула и снова зажала нос, возвращаясь к гастрономической попытке.

Лучше я почувствовала себя и правда почти сразу. Удивительно, но горькое послевкусие спустя несколько минут сменилось на приятное и слегка прохладное. Он обезболит саднящее горло получше, чем всякие аптекарские лечебные леденцы. У меня даже аппетит проснулся, и я доела свою порцию каши и выпила целую кружку травяного чая. От всей души поблагодарила Ягу и принялась помогать друзьям собираться.

Далеко уйти нам не удалось. Мы только собрались и двинулись сквозь заросли, окружающие поляну, как Максим остановился, будто вкопанный и нахмурился.

— Вот же черт! — мрачно выругался он.

Разобраться в причине раздражения Хранителя не составило труда. Со всех сторон слышалось гортанное рычание, а еще через мгновение со всех сторон начали появляться уже знакомые скалящиеся морды волков Ивана.

Нас нашли. И силы противника значительно превышали наши...

10.2

Я стояла на краю гигантского замерзшего озера и задумчиво рассматривала неровную толщу льда. Она искрилась в прямых солнечных лучах полуденного солнца и едва заметно дрожала, издавая глухой несмолкающий гул. Этот жуткий звук закладывал уши и заставлял мурашки толпой носиться по дрожащему телу. Непонятное происхождение озера пугало не меньше, чем его внешний вид: температура вокруг была как в сауне, откуда взялся лёд?

Иван мариновал нас на месте уже больше часа, и лично я за это время успела покрыться испариной и вспотеть как загнанная лошадь. Кожемяка рядом тоже чувствовал себя далеко не свежим огурчиком. Дедуля, который на вид напоминал ходячий скелет с длинной седой бородой и лысой острой макушкой, давно плюнул и сел на землю, вытянув вперед закованные в кандалы руки и ноги. Я думала последовать его примеру, но пока не решалась. Почему-то меня очень волновало, что если я сейчас сяду рядом с богатырем, то снова вставать под тяжестью кандалов буду с грацией кабана, пытающегося оседлать лошадь. Не время, конечно, думать об изяществе, но гордость не позволяла еще сильнее унизиться перед Царевичем и его приспешниками. Пусть даже это касалось такой мелочи.

Место, где мы находились напоминало глубокий вулканический кратер, только вместо озера лавы в центре примостилось озеро льда. Понятия не имею, как Ивану удалось притащить нас сюда. Когда они с волками напали, то воспользовались усыпляющей магией, в результате мы не смогли дать никакого отпора, и очнулись уже здесь. Я в кандалах рядом с Кожемякой, а Максим, Яга, Кощей и Колобок в дальнем углу пещеры, скованные друг с другом толстыми цепями по рукам и ногам. Рядом с ними были еще люди, но издавдала я не видела их лиц, да, если честно, и не пыталась рассмотреть. Подозреваю, что это были Хранители, перешедшие на сторону Ивана. Хотя, тогда непонятно, зачем он их связал, ведь Илья говорил, что они добровольно пришли к Царевичу.

Сам же Иван вместе с Волком и еще одним подозрительным старикашкой с неопрятной рыжей бородой, старательно копался в груде пыльных книг, сваленных на землю у ног.

— Ты уверен? — грозно вопрошал Иван. — У нас не будет второго шанса!

— Уверен, — басил старик, с противным скрипом почесывая подбородок, — Лёд зачарованный, только так расколотить и можно.

Иван недоверчиво покачал головой, но промолчал. Я прислушивалась к их разговору с отстраненным интересом и продолжала задумчиво рассматривала ледяную поверхность озера. Не было страшно. Мне казалось, что я все еще лежу в болезненном бреду у костра на поляне, и все происходящее сейчас — дурной сон. Действие отвара Яги прекращалось, и моё самочувствие с каждым мгновением становилось все хуже. Летнее солнышко нещадно пекло головы, а я ощущала, как поднимается моя температура. Пот лил градом, но тело постоянно содрогалось от холодных болезненных мурашек. Виски сдавливало, а по горлу будто какой-то садист проходилась железной тёркой.

Пока я меланхолично разглядывала грязно-голубую поверхность льда, Иван со старичком сдвинулись с мертвой точки. Последний издал внезапный победоносный крик, схватил одну из книг и бросился к озеру. Подошел на самый край, так что носки его сапог оказались на льду, а пятки остались на земле, высоко поднял худые костлявые руки и забормотал что-то под свою крючковатый нос. Подозреваю, это было жутко страшное и интересное заклинание. Никаких волшебных шаров или искр, к моему большому сожалению, со сморщенных ладоней не слетело. Волшебство не было обременено яркими спецэффектами, и едва заметный сгущенный поток воздуха просто поднялся ввысь, а потом с шумом ударился в ледяную гладь в центре озера. Взрывная волна все-таки повалила меня с ног, и я решила, что теперь уже вставать и строить из себя леди точно смысла не было. Устроилась на заднице и на пару с Кожемякой принялась вяло наблюдать за входящим в раж спектаклем.

С первого раза неудачливому колдуну побороть замерзшую стихию не удалось. По поверхность протянулась маленькая трещинка, а поток воздуха отскочил и со свистом улетел к небу. Дедушка почесал голову, пожал плечами и попробовал снова. И снова

бесполезно. Иван, что поначалу ждал со спокойным выражением лица, после очередной провальной попытки чародея, начал злиться. Его глаза полыхнули раздражением, а тонкие губы Царевич поджал, чтобы сдержаться и дать своему приспешнику закончить начатое дело. Маг же поникал плечами с каждым новым взмахом руки. Пробить ледяную гладь оказалось делом непростым, и дедушка, очевидно, понимал, чем ему грозит собственная некомпетентность.

— Старик, — едва сдерживаясь, процедил Иван сквозь зубы, — ты говорил, что это единственный способ, пробить Лёд. Ты говорил, что понял, как это сделать!

Чародей шумно вздохнул и как-то неуверенно пожал плечами:

— Видать, ошиб...

Он осекся, заметив, как выражение лица Ивана звереет на глазах. Царевич не стал отделяваться словесными предупреждениями, выхватил меч и замахнулся. Лезвие свистнуло в воздухе и остановилось всего в паре миллиметров от шеи охнувшего волшебника. Выражение страха застыло на лице бедняги, а прозрачная кожа побледнела так сильно, будто дедуля находился на грани сердечного приступа.

— Разбей, — зарычал Царевич. — Разбей, а иначе я разобью его твоей головой!

Дедушка мелко закивал, а Иван опустил дрожащий в руке меч и сделал шаг назад. Обратное в ножны грозное оружие Царевич не убрал, давая чародею понять, что с ним будет, если заклинание в очередной раз не работает.

Я печально покачала головой, ничуть не сочувствуя ни горе-магу, ни самому Ивану. Глаза слезились. Голова начинала болеть все сильнее. Я хлюпнула опухшим носом и взглядом нашла Максима. Тот, как оказалось, не мигая смотрел на меня, и взгляд Хранителя по-настоящему пугал, столько злости на его лице я не видела ни разу за все наше путешествие. Слава Богу, что направлена она была не на меня. Царевичу здорово повезло, что он заковал ребят до того, как они очнулись.

Очередной попытка чародея заставила меня вздрогнуть и разорвать зрительный контакт с соседом. Я снова повернулась к озеру и не сдержала ехидной усмешки. От испуга удар у дедули получился куда сильнее предыдущего, но под его жалобным взглядом, шарик из воздуха по-прежнему оттолкнулся от толщи льда и отправился к небу. Иван проследил за ним и медленно повернулся к магу. Тот задрожал и отступил назад, поднимая руки:

— Я не виноват, — сипло пробормотал он, — как все написано, так и делал!

Судя по выражению лица Царевича, оправдание не нашло в нем нужного отклика. Колдовская кровь вот-вот грозила пролиться на разгоряченную землю, как эта самая земля, неожиданно, дрогнула. Все застыли. Я испуганно хлопнула глазами и в ужасе уставилась на ледяную поверхность. Та едва заметно вибрировала, подбрасывая тонкую ледяную крошку в воздух.

— Мапочки, — просипела, чувствуя, как холодеют от страха ступни.

Грохот повторился снова, и на этот раз сотрясла еще и высокие глинистые стены кратера. Они загудели, а дрогнувшая земля повалила с ног всех стоящих. Иван неграциозно бухнулся на четвереньки, поспешил вскочить обратно, но снова упал под очередным ударом. Лёд затрещал. Казалось, кто-то огромный и очень злой пытался пробиться из глубин озера. Я не сразу заметила, но сквозь несколько метров замерзшей воды начал проглядываться огонь. Поначалу ярко-красные всполохи можно было спутать с отражающимися лучами солнца, но спустя несколько секунд стало отчетливо видно, как под толщей льда разгорелся самый настоящий пожар. Выглядело это настолько потрясающе и в то же время страшно, что я на мгновение забыла про все свои недомогания. Даже моргать перестала, с ужасом наблюдая, как под напором живого огня трескается огромная ледяная глыба.

— Чудеса, — протянул Кожемяка.

Лёд не смог долго держаться и сдался. Оглушительный треск и мощная воздушная волна отбросила меня на спину. Земля снова дрогнула, а кожу обдало обжигающим жаром.

Внезапный яркий свет заставил зажмуриться и уткнуться носом в глину, но и это не спасло от рези в глазах — даже земля горела ослепляющим сиянием.

— Кто??!! — прогрохотал низкий каркающий голос. — Кто посмел побеспокоить меня?!

От страха я начала всхлипывать, а глаза сжала с такой силой, что лоб заболел от напряжения. Царевич, в отличии от меня, не испугался, или очень тщательно это скрывал.

— Иван Царевич, — громко отозвался он, стараясь перекрыть звук ревающего пламени. — Я на поклон к тебе пришел, Жар-Птица!

— И что же ты хочешь?

— Книгу, — твердо заявил Иван.

Горящее сказочное чудо немного подумало и поинтересовалась:

— Жертва?

— Готова.

Вот это они оба мастера переговоров. Кратко, сухо и по делу. Я бы даже зауважала обоих, если бы это самое «дело» не касалось напрямую меня. Мысли о возможном побеге только начали крутиться в голове, но быстро сбежали, прогоняемые адекватной оценкой ситуации. Немного подумав, я решила, что самым логичным вариантом сейчас — будет прощание с жизнью. Что ж, в отличии от того раза, когда я заблудилась в лесу, сейчас мне было, о чем вспомнить. Вот только легче от этого почему-то не становилось.

Глаз я не размыкала и вжалась в землю, на подсознании надеясь, что про меня все уже давно забыли. Как бы не так. Уж не знаю, как старик умудрился открыть глаза, но его сухая рука с легкостью нащупала ворот моей рубашки и сжала его.

— Не надо! — всхлипнула сипло, чувствуя, как меня за шкурку вздергивают на ноги. Те предательски подогнулись, и я повисла, будто нашкодивший котёнок.

— Больно не будет, — ехидно пообещал на ухо чародей и вытолкнул меня на разломанную плиту льда.

Я больно ударилась коленями и лбом и застонала. Рядом с таким же болезненным выдохом бухнулся Кожемяка.

— Руслана! — отчаянный крик Хранителя почти не было слышно из-за рева пламени.

— Прости, — всхлипнула себе под нос, — прости меня...

Стоило признать, что так страшно мне не было еще не разу в жизни. Теперь я точно знала, что вот-вот умру, и от ужаса не могла зацепиться ни за одну из мыслей, что со свистом летали в гудящей голове. Я хотела на ощупь поползти куда-то в сторону, но раздался громкий хлопок крыльев, а потом в плечи вцепились острые когти, глубоко оцарапав кожу. Я взвизгнула и почувствовала, как мое тело отрывается ото льда и поднимается в воздух. Сипло заверещал Кожемяка, а я вдруг поняла, что больше не могу бороться с обуявшим ужасом. Пробормотав себе под нос еще одно «прости», обращенное непонятно к кому, я ухнула в темноту обморока.

— Очнись, Руслана! Вставай, девочка, бежать надобно!

Чужие руки настойчиво теребили меня за плечо, пытаясь вырвать из липких лап темноты. Я с трудом разлепила глаза и уставилась на склоненное надо мной испуганное лицо Кожемяки. Дедуля вцепился мне в плечи костлявыми пальцами и остервенело тряс, пока не заметил, что я уже пришла в себя.

— Ох, думал, померла, — просипел с облегчением, отстраняясь и с грохотом усаживаясь на пятую точку.

Да я уже и сама, грешным делом, так подумала, но пока, вроде, живее всех живых. Правда, не уверена, что надолго.

Я со стоном поднялась, вцепившись одной рукой в голову, а второй опираясь на землю. Ладонь тут же закололо холодом, и пришлось ее отдернуть. Вместо застывшей глины под нами был промёрзшая земля, покрытая толстым ледяным слоем. Стены и потолок тоже были изо льда. Они давили на голову и до ушей доносился глухой треск. Складывалось ощущение, что мы попали внутрь огромного ледника, в котором искусственным путем пробурили длинный и абсолютно прямой коридор. Мы с Кожемякой были у тупика и коридор уходил только в одну сторону. Идти по нему сейчас казалось самой глупой и неадекватной мыслью, но других не находилось.

Я потерла рукой шею, как будто хотела почесать режущее горло снаружи, и только сейчас заметила:

— А где кандалы?

Тяжелых деревянных оков с цепями не было ни на мне, ни на богатыре. На память от них остались зудящие синяки на коже и несколько царапин.

— Не знаю, — пожал плечами Никита, — когда-то я в себя пришел, уже их не было. Видать Жар-Птица постаралась.

Я сомневалась, что наш потенциальный убийца решил проявить такой акт милосердия, но этот вариант и правда был самым очевидным. Куда кстати делась эта пожароопасная птичка размером со слона?

— Пойдем, — проскрипел Кожемяка, протягивая мне руку, — нельзя ни секундочки здесь оставаться.

Выхода у нас и правда не было. Я со стоном поднялась на подгибающиеся ноги и ухватилась за поданную руку богатыря. Правда, в качестве опоры выступала я — дедуля сильно хромал и передвигался с огромным трудом.

Идти в неизвестность было страшно, но меня радовало хотя бы наличие. Я никак не могла понять откуда он взялся и почему мне не холодно. В пещере было прохладно, но не сильнее, чем летним вечером у реки, а еще сильно пахло пылью. Я даже решила удостовериться, настоящий ли лёд нас окружает. Прикоснувшись к стене и тут же отдернула пальцы, почувствовав, как холод укусил кожу.

Спустя какое-то время нашего передвижения по морозной пещере одна из загадок была решена. Мы наткнулись на валяющееся на полу длинное и узкое перо ярко-желтого цвета. Оно переливалось десятками огненных оттенков, и этот свет отражался от ледяных стен и распространялся на несколько метров вперед. Опахало было похоже на тысячи крохотных светящихся бусинок, нанизанных на сверкающие ниточки. Целиком перо было длиннее, чем моя рука от кончиков пальцев до плеча.

— Ого! — выдохнула я. Глаза заболели от слепящих всполохов, но силы отвернуться не нашлось.

Кожемяка тоже рассматривал перо с удивлением. Я наклонилась, чтобы поднять его с пола, но не смогла дотронуться. Огненный блеск предупреждающе замерцал, а руку обожгло жаром.

— Куда ж ты лезешь? — всполошился Никита, отдергивая меня, — разве ж можно трогать перо-то Жар-Птицы? Сгоришь, аки спичка, дурная голова твоя! В ней волшебство видано-не видано!

Я испуганно кивнула и поспешила отойти от опасного чуда на пару шагов.

На всякий случай обойдя перо по широкой дуге, мы пошли дальше. Со временем ледяной коридор перестал быть прямым и заплетал похлеще, чем каменные катакомбы, по которым мы с Максимом и Котом выбирались из темницы. Снова вспомнились друзья. Интересно, что там наверху сейчас происходит? Отдала ли Жар-Птица Книгу в обмен на жертву? Успел ли Кот привести подмогу? Может, битва давно закончилась, Василиса спасена, а Иван арестован? Или, наоборот, Царевичу удалось узнать, что написано в

Книге, и граница Леса Сказок рухнула?

Беспокойные мысли кружили, словно надоедливые комары, и не приносили никакой пользы, кроме душевного расстройства. Нервы были на пределе, а еще начинал безумно раздражать Кожемяка. Дедуля начал мучительно ныть о своей горькой доле, почему-то забывая, что моя доля от его ничем не отличается. Я сжимала зубы и не хотела грубить впечатлительному дедушке, но понимала, что долго терпеть его завывания не смогу.

Поток жалоб прервался, когда мы, наконец, подошли к концу коридора казавшегося бесконечным. Никита замер на полуслове, с открытым ртом рассматривая ледяную пещеру, в которой мы оказались, а я даже не удивилась, порадовавшись короткой минуте тишины.

Своды пещеры были низкими и будь здесь Кощей или Максим, им бы точно пришлось пригнуться к полу, чтобы не задеть длинные сосульки, что свисали со стен и потолка, макушкой. Стены разошлись в стороны и искрились светло-сиреневым сиянием. В центре пещеры находился каменный пьедестала, который почему-то не был тронут ледяной коркой. Каменная ножка расширялась вверх, что делало его похожей на трибуну для выступлений. Сверху лежал толстый книжный том размером. От Книги Сказок (не было и тени сомнения, что это именно она) исходило синее мерцающее свечение. Оно отрывисто искрилось в воздухе, словно к книге были подключены электрические провода.

Я как замороженная двинулась вперед, а Кожемяка вырвал свою руку и попятился.

— Не пойду туда, — проговорил, остервенело замотав головой, — Хоть силой тащи, а ни на шаг приближусь!

Его слова заставили меня задуматься. Действительно, а я-то куда собралась? Если уж какое-то там перо способно сжечь человека на месте, то что говорить об огромной Книге, у которой весь внешний вид кричит — «Не подходи — убьет!»

— Боишься, Хранительница? — низкий гортанный голос испугал нас обоих. Никита со вскриком присел на корточки, зачем-то закрывая лысую голову, а я испуганно вздрогнула и попятилась. Со страху показалось, что с нами заговорила сама пещера. Перекастистый звук доносился со всех сторон, а ледяные стены мягко вибрировали.

— Кто Вы? — все-таки нашла в себе силы просипеть я.

Собеседник мне не ответил, вместо этого решив показаться на глаза. Низкие потолки, неожиданно, бесшумно поползли вверх, а очень высокий худощавый человек соткался из воздуха в паре шагов от трибуны с книгой. Это был мужчина лет пятидесяти с удивительной пушистой гривой огненно-рыжих волос. Он был одет в длинный плащ, который, как мне показалось сначала, горел настоящим огнем. Его подол стелился по полу на несколько метров назад и состоял из красочных длинных перьев вроде того, которое мы видели в коридоре. Руки незнакомец прятал в глубоких карманах на груди, и я бы ничуть не удивилась, окажись на их месте крылья.

— Вы кто?

Глупо, конечно. И ему понятно, что это и есть Жар-Птица, только в человеческом облики. Мужчина отвечать не стал, то ли мысли мои прочитал, то ли не счел нужным обращать внимание на всякие бессмысленные вопросы. Он вальяжно покачал головой и двинулся к постаменту с книгой. Плащ из перьев скрывал его ноги, а походка была такой плавной, что казалось, будто незнакомец плывет по воздуху.

Я ошибалась, у него все-таки были руки, а не крылья. Вот только короткие прямые пальцы заканчивались такими длинными и острыми ногтями, что даже самая заядлая поклонница кошачьего маникюра удавилась бы от зависти. Мужчина достал одну руку из плаща и когтем на указательном пальце постучал по твердой обложке. Та в ответ отозвалась пульсирующим светом и заискрилась сильнее, будто здороваясь с хозяином.

— Как жаль, что люди берут на себя так много, — задумчиво протянул Жар-Птица, ласково поглаживая книгу по корешку, — Знать, как устроен Мир и как его можно разрушить... Что же в этом есть созидательного? Власть затуманивает разум, а

затуманенный разум способен на страшные вещи.

Я сглотнула. Мужчина своими высокопарными речами и внешним видом походил на вселенского злодея куда больше, чем Иван. Он продолжал странно улыбаться, а потом поднял взгляд на меня, и я почувствовала, как сердце от страха забилося чаще. Весь его огненный образ удивительно сильно контрастировал с голубыми глазами, блестящими под огненно-рыжими ресницами как две искрящиеся льдинки. Я поспешила отвернуться, чтобы скрыться от кусающегося ледяного взгляда.

Мужчина усмехнулся.

— Ты боишься меня. — он уже не спрашивал, а утверждал, — зря. Я просто Хранитель, как и ты.

— Я не Хранительница, — поспешила возразить, но Жар-Птица обдал меня таким взглядом, что стало ясно — Ворона Яги можно не ждать.

Вот и ответ на мучающий меня в течение уже долгого времени вопрос. Поздравляю, Лесницкая, ты — Хранительница. Вот только толку от тебя, как от козла молока. Даже Иван считал настолько никчемной, что не стал проверять на истинность, сразу определив в жертвы. Обидно, конечно, но справедливо.

— Почему Вы нас не убили?

Мужчина последний раз провел пальцами по Книге, убрал руку обратно во внутренний карман и печально усмехнулся:

— Разве я похож на бездушного убийцу?

Похож. Да еще как похож. По внешнему виду — истинный злодей.

— Нет, — соврала я.

Жар-Птица покачал головой:

— Глупые люди. Мне не нужны ничьи жертвы. Зачем мне чья-то кровь и плоть? Я не ел и не пил уже несколько тысяч лет.

— А откуда тогда взялась эта легенда?

— Людям свойственно сочинять небылицы и верить в них. Зачастую самые главные страхи — придуманы человеком только для того, чтобы ему было чего бояться.

Я удивленно переглянулась с Кожемякой и осторожно поинтересовалась:

— Зачем вы тогда нас забрали?

— От скуки.

— Значит, вы выпустите нас?

Надежда ожила и затрепетала в душе, но тут же снова покрылась коркой льда и развалилась на мелкие кусочки под ёмким и хлестким:

— Нет.

Ответ прозвучал чрезмерно громко. Я испуганно отшатнулась, а ледяные своды затряслись. На наших глазах пещера принялась меняться. Стены росли над нашими головами, тяжелые ледяные капли с высокого потолка нависали все ниже, будто изнутри на них давила толща воды. Пол, который до этого был ровным и покрытым тонким слоем льда и инея, забугрился, будто совсем недавно под ногами протекала бурная полноводная река, и одним взмахом палочки чудной волшебник заморозил ее.

Я неожиданно даже для себя разозлилась, распознав в действиях сказочного человека-птицы показушность. Взгляд мужчины победоносно блестел, когда он наблюдал за всхлипывающим от страха Кожемякой и сжавшейся мной. Он вальяжно прохаживался у стены, будто хищник за прутьями решетки в зоопарке примеряющийся к шее тыкающих

в него пальцем посетителей.

Раздражение накатило волной, смывающей страх, и я прыгнула вперед, быстрее, чем осознала, что делаю. Не успевший опомниться Жар-Птица тоже дернулся, но я уже сжимала в дрожащих руках тяжелый книжный том. Мной управляли отчаяние и выплеснувшийся на его фоне адреналин, и на это раз я даже не подумала, что прикосновение к сказочной реликвии может повлечь за собой смертельные последствия. К счастью, биться магией или током Книга не стала. Вспыхнула голубым светом и погасла под ошарашенным взглядом Жар-Птицы и Кожемяки.

— Что ты делаешь?! — взревел хозяин пещеры. — Положи немедленно!

От гнева плащ на нем загорелся, а я, чувствуя, как дрожат ноги, выставила свое условие:

— Отпустите нас! Иначе... Иначе я ее порву!

11.1

Я понятия не имела, что именно ударило в мою бедовую голову и с какой целью я держала в дрожащих руках книгу, способную разрушить целый Мир. Пять минут назад я была уверена, что одно только прикосновение к ней превратит меня в пепел, а сейчас с глупой смелостью угрожала её уничтожением.

— Глупая девчонка! — схватился за волосы рыжеволосый мужчина, — что ты задумала?

А ничего я не задумала. Просто страшно остаться внутри льдины навсегда из-за скучающего дяди, умеющего оборачиваться огненной птицей размером с дом. Страшно, что мои друзья могут погибнуть из-за смазливового блондина с манией величия. Страшно, что я принесла им столько проблем и, находясь всего в шаге от причины всех злодеяний Ивана, не могу ничем помочь.

— Я просто хочу, чтобы мои друзья остались живы! — вскинула голову, надеясь, что Жар-Птица не видит, как у меня дрожат колени, — Отпустите меня! И помогите нам! Неужели Вам не важно, что какой-то безумец собирается разрушить ваш Мир?! Вы же его Хранитель!

— Именно потому, что важно, я не взмахну и крылом! — мужчина был разгневан, но постарался совладать с собой. Огонь на плаще потух, и одежда снова заискрилась спокойным тусклым светом, — Никто не попадет сюда без моего ведома. Никто не прочтет Книги, и не сможет разрушить Лес!

— Но они все погибнут! — отчаянно воскликнула я, — Нечисть Ивана разорвет людей на части, а они же пытаются защитить то же, что и Вы!

Мужчина лишь презрительно скривил губы:

— Какое мне дело до человеческой глупости? Один умрет — другой родится, зачем мне беспокоиться об их жизнях?

Я задыхнулась от возмущения. Да это же самое настоящее злодейство! Важен мир во всем Мире, и плевать какой ценой люди будут его добиваться? А не с этого ли начинали все известные истории тираны, которые принесли Земле столько крови и боли, прикрываясь «великой общей целью»?

Мужчина на мою злость будто и внимания не обращал. Теперь он не стоял на месте, а снова прохаживался вдоль ледяной стены. Зрительный контакт он прерывать не спешил, из-за чего сложилось жуткое впечатление, будто он меня гипнотизирует.

Повисшую напряженную тишину нарушил раздавшийся сверху грохот. Будто кто-то тараном попытался прошибить дыру в ледяном потолке. Я инстинктивно присела, а Жар-Птица только усмехнулся.

— Битва, — протянул, задумчиво качая головой. — Глупые, глупые люди.

У меня будто что-то оборвалось внутри. Кончики пальцев похолодели, и я едва удержала резко потяжелевшую книгу в ослабших руках.

— Помогите им! — взмолилась, от страха и волнения переходя на панибратское «ты». — Помогите, чтобы никто не погиб! Ты же сильный, ты можешь остановить Ивана!

— Иван просто никчемный человечиска, поверивший в глупые старые легенды и возмнивший себя особенным. Ты думаешь, он один такой? Таких тысячи. В мыслях каждый из них хотя бы раз примерял на себя роль властителя мира, но лишь такие как Иван решаются на действия. Но в итоге они только сеют смерть и разруху, и ничего боле.

Снова раздался грохот, а я сильнее прижала к себе Книгу. Злость душила меня. Жар-Птица стоял в двух шагах и мог изменить все! Мог бы помочь Хранителям, справиться с Иваном, предотвратить кровопролитие, но вместо этого просто стоял и ухмылялся, говоря о живых людях, как о животных на скотобойне.

— Я не шучу, — я с трудом поднялась обратно на ноги и сжала зубы, — я разорву Книгу на мелкие кусочки, если Вы сейчас же не остановите Ивана и его войско!

В прозрачных глазах мужчины мелькнул страх. Он прищурился и перестал ходить, наблюдая за мной мрачным взглядом исподлобья.

— Если ты уничтожишь Книгу, — зловеще начал он, — никто и никогда больше не сможет прочесть её. Никто и никогда не узнает Знание, что в ней сокрыто. Не сможет расширить границы Мира или разрушить их.

Мне кажется, или все это и правда прозвучало довольно неплохо? Если исчезновение Книги грозит только тем, что никто больше не уподобится Ивану и не будет предпринимать попыток захватить Вселенную, то мне непременно стоит выполнить угрозу. Вот только что-то подсказывало мне, что просто порвать на кусочки том древних сказок у меня не получится. Для ее уничтожения мне явно понадобится что-то другое.

— Мир не готов к этому Знанию, — продолжал давить мужчина, — но оно есть, и его нельзя отрицать!

— Прекратите пудрить мне мозги! — горячо воскликнула я, — плевала я с высокой колокольни на вашу философию и дурацкие знания! Остановите Войну в вашем же собственном мире! Вам же даже напрягаться почти не нужно!

Мужчина запрокинул голову и расхохотался:

— Глупая! Если я сказал, что не хочу этого делать, значит я не хочу. И ты не сможешь переубедить меня.

От злости я забыла, как дышать. Жар-Птица провоцировал меня, а я как маленький, номышленный ребенок понимала это, но покорно велась на провокации. Гнев, вызванный словами мужчины, сковал разум, руки затряслись. В ярости я сжала зубы и обвела взглядом пещеру, надеясь найти хоть что-то, что поможет мне уничтожить эту чертову книгу.

Мир не рухнет! Просто Ивану будет больше не за что бороться, если Книги не станет. А Знание? Да никто и никогда не будет готов к этому чертовому Знанию! Правильно Жар-Птица сказал — власть затуманивает даже самый чистый разум. И что-то мне подсказывает, что его собственный разум уже давным-давно покрыт мраком.

За то время, что рыжеволосый мужчина нарезал круги по пещере, с его плаща спали несколько перьев. Я наткнулась взглядом на одно из них, и почувствовала, как сердце забилося чаще от мелькнувшей в голове догадки. Вот оно...

Зачем-то перекрестившись, я рванула с места, бросаясь к перу, что лежало ко мне ближе остальных.

— Нет! — закричал Кожемяка.

— Остановись! — взревел Жар-Птица.

Своды пещеры затряслись от его оглушающего рыка. Плащ на нем загорелся, и мои веки инстинктивно закрылись, спасая от ослепляющего света. Из-за этого развязавшийся шнурок я не увидела, поэтому запутавшиеся ноги стали полной неожиданностью. Оступившись, я неловко всплеснула руками, роняя Книгу на землю, и больно бухнулась на колени, чудом успевая выставить перед собой ладони и уберечь лоб от столкновения с полом.

Перо лежало на расстоянии вытянутой руки, а книга распахнулась на середине, явив миру пожелтевшие от старости страницы. Я оглянулась, ожидая увидеть, как разгневанная Жар-Птица летит на меня, с намерением разорвать острыми когтями, но мужчина стоял у стены и изображал каменную статую.

— Не-е-ет! — снова заорал он, делая несмелый шаг вперед.

Что-то в этой сцене меня сильно смутило. Какая-то догадка затрепыхалась в голове, но никак не желала обретать осмысленную форму, а мне было некогда разбираться в

собственных думах. Натянув рукав на ладонь (хотя вряд ли бы это спасло) я перегнулась через раскрытую книгу, чтобы схватить перо и вонзить его в пахнущие застарелой пылью страницы, но, внезапно, замерла. Находившееся в нескольких миллиметрах перо обдало жаром кончики пальцев, а я шокировано разглядывала рисунок в Книге.

Тысячи тысяч незнакомых знаков, служивших местным алфавитом, я понять не могла, но вот картинка была говорящей. Огромная полыхающая пламенем птица пыталась взмыть в небо, а ее лапа была привязана к раскрытой книге золотой цепью. Птица рвалась вверх, а цепь горела огнем. Рыцарь в тяжелой кольчуге пытался перерубить сталь мечом, а прямо по этому мечу несло смертельное пламя. Оно уже охватило руки глупца и стремилось дальше, а Жар-Птица била крыльями по воздуху, понимая, что скоро обретет долгожданную свободу, обмененную на чужую жизнь.

Я поняла все сразу. Отдернула руку от пера, отпрянула от раскрытой книги и подняла полные ужаса глаза на по-прежнему застывшего мужчину. Так вот, почему он только делал вид, что пытается меня остановить. Изображал страх, кричал, чтобы я не двигалась с места, а сам не предпринял ничего, чтобы убить нахалку, хотя имел для этого множество возможностей. Я поняла и откуда взялась эта легенда про жертву: её нужно было приносить не Жар-Птице! Это Жар-Птица должна принести жертву Книге, чтобы стать свободной! Добровольную! Все это время мною манипулировали, как глупой куклой, а я едва не повелась!

Жар-Птица не сразу понял, почему я вдруг застыла и прекратила попытки уничтожить реликвию. Внимательно посмотрел на книгу, увидел рисунок и раздраженно полыхнул огнем.

— Какая же ты глупая! — взревел он, всплескивая когтистыми руками, — какая же глупая!

Глупая, кто бы спорил. А еще везучая. Сердце колотилось от ужаса, стоило хоть на секунду подумать, что случилось, если бы шнурок на кроссовке не развязался, а упавшая книга раскрылась на любой другой странице из тысячи возможных.

— Не нужен, значит, мир во всем Море? — сипло спросила, продолжая дальше от разгневанного хозяина ледяной пещеры. — Значит только о своей шкуре печетесь? Свободы захотели? А говорили, что единичная жизнь ничего не стоит перед глобальной целью.

Жар-Птица оскалился:

— Да плевать мне на Мир, пусть рушится! Я узник это Мира! Меня лишили свободы на тысячу лет, не спросив, хочу ли я этого!

От гнева мужчина плохо контролировал свои чары, и пещера видоизменялась с бешеной скоростью, приводя в ужас мой вестибулярный аппарат. Потолки то поднимались, то опускались обратно. Пол шел ледяными волнами, а стены с грохотом сужались и снова становились широкими.

— Я был обычным мальчишкой, что любил сочинять истории! Я не собирался становиться привязанным к Книге и наблюдать за жизнью оживающих персонажей, не в силах при этом жить своей!

Я бросила еще один взгляд на Книгу и неожиданно осознала еще одну вещь. Я увидела картинку, но не поняла ни одного написанного слова!

— Я не Хранительница?

— Конечно нет, — закатил глаза Жар-Птица, — Какая из тебя Хранительница?

— Зачем тогда сказали мне об этом?

— Разве я говорил? Сама так подумала. Невесть кем себя возомнила, а осталась при этом ничтожеством. Какая от тебя польза, Руслана? Ты же даже друзьям помочь не можешь!

По грязным щекам покатались слезы. Бежать от этого безумца было некуда. Я уперлась спиной в каменную трибуну и прижала к груди колени. Жалкое, наверное, зрелище.

— Чего бы ты добила, угрожая уничтожить Книгу? — Жар-Птица неожиданно оказался рядом со мной и навис сверху, подавляя своим колючим взглядом, — зачем ты хотела это сделать?

— Чтобы помочь своим друзьям! — всхлипнула я.

— Ну так помоги! — победоносно взревел мужчина, — Ты все еще можешь это сделать! Ивану нужна книга? Уничтожь ее! Ему будет не за что бороться! Он сдастся! Твои друзья останутся живы.

— Но я погибну, — всхлипнула я, — сгорю на месте.

— А если ты этого не сделаешь, сгорят они!

Я понимала, что он снова манипулирует мной, и что почти наверняка все его слова — полнейшая ложь. Погибнем мы все. Сначала я, сгорев и выпустив на свободу Жар-Птицу, а потом и множество остальных людей, вступивших в битву с армией Ивана. Но что, если я ошибаюсь? Что если я сейчас и правда могу спасти несколько сотен жизней, отдав взамен свою? Почему я такая трусливая и жалкая? Любой на моем месте, наверняка принял бы верное решение, а я прихожу в ужас, подумав, что меня обжует огонь.

— Давай же, Руслана, — голос Жар-Птицы будто доносился до меня сразу со всех сторон, — будь смелее! Не будь такой себялюбивой! Я даю тебе слово, что как только освобожусь от Книги помогу твоим друзьям! Они останутся живы, а равновесие вернется, и никто никогда больше не сможет разрушить Лес! Никто даже не будет пытаться этого сделать!

Я чувствовала себя, как мягкое масло под стальным прессом. Слова мужчины приводили в ужас и капали будто вода на сухую землю. Словно марионетка, которую дергал за ниточки опытный кукловод, я поднялась на ноги и двинулась в сторону пера. Колени подрагивали, а щеки жгло от обилия соленой влаги.

— Мапочки, — бесшумно бормотала одними губами. Рука тянулась вперед, и пальцы снова ощутили жар пера.

— Давай, — давил Жар-Птица, — давай, Руслана, не трусь!

Наверное, судьбе, наконец, стало меня жалко. После стольких неудач она вдруг второй раз подряд решила повернуться ко мне лицом и даже мило улыбнуться. Когда до моей смерти оставалось всего несколько жалких секунд, все еще шатающийся потолок над нами пошел трещинами. Монотонный стук, что доносился все это время сверху, прекратился, а ему на место пришел оглушительный треск.

Жар-Птица поднял голову и издал каркающий звук. Я, отчаянно всхлипывая, тоже задрала глаза к потолку и едва успела среагировать, чтобы отпрыгнуть в сторону от огромной ледяной глыбы, падающей на нас. Повалившись на пол рядом с трясущимся Кожемякой, я с ужасом наблюдала, как рыжеволосый мужчина пытается делать пасы когтистыми руками, чтобы вернуть глыбу на место, но ему не удалось. Огненные всполохи, срывающиеся с его пальцев, ударялись о невидимую воздушную преграду в образовавшемся проеме и с шипением гасли. Я догадалась, что горе-магу Ивана все-таки удалось разобраться в заклятии и оказалась права. Сквозь широкий туннель в леднике к нам спускалась дубовая ступа, в которой находились Иван и его маг. Последний дрожал от усталости и страха, а Царевич был зол.

— Живая, — презрительно сплюнул он, увидев меня, — Жаль, я думал сдохла.

Фу, как грубо. Я скривилась, но не стала вступать в перепалку с нахальным блондином. Сверху доносились крики и шум, и я поняла, что там бьются мои друзья.

Ступа плавно приблизилась к земле, и я с трудом подавила неподходящий ситуации смешок. В руках мага оказалась метла, которая, по всей видимости, заменяла ему руль. Он держал её трясущимися пальцами и все пытался разглядеть удачное для посадки место. Я ожидала, что Жар-Птица тут же обратится в свою истинную ипостась и бросится на непрошенных гостей, но тот просто стоял и ждал, снова сложив на груди руки.

— Обманул ты меня, — Иван перепрыгнул высокий бортик, еще не приземлившийся ступы, отчего та пошатнулась, а лицо впечатлительного мага позеленело. Укачало, видать, беднягу.

Жар-Птица молчал, высокомерно рассматривая холеное лицо противника.

— Где Книга? — не смог сдержать злости Иван. — Я принес тебе жертвы, и это только твоё дело, что ты оставил их в живых! Говори мне, где Книга?!

— Глупый человек, — ухмыльнулся Жар-Птица, — что ты будешь с ней делать? Уничтожишь, чтобы разрушить границы собственного Мира?

Иван только собирался крикнуть что-то гневное, но осекся. На его лице застыла маска удивления, а я поняла, что Жар-Птица снова начал свою игру, только жертвой на этот раз оказался Царевич. Он ведь тоже думал, что вся эта легенда с двенадцатью Хранителями — правда, а тут хозяин книги в лоб говорит ему, что есть другой, гораздо более простой способ добиться заветной цели. И Иван ведь поверит!

— Подожди! — я вскочила на ноги, бросаясь к ним. Жар-Птица послал мне убийственный взгляд, а Иван только отмахнулся как от назойливой мухи.

— Он тебя обманывает! — попыталась было вразумить Царевича я.

Да, Иван был врагом, но даже врагу не пожелаешь участи сгореть в огне! Я хотела остановить блондина, но тот лишь махнул рукой чародею, приказывая заткнуть меня. Маг, который, наконец, посадил ступу, тяжело вздохнул и сложил пальцы щепоткой. Я почувствовала, как губы сомкнулись под влиянием невидимой силы, и я не могу выдавить из себя ничего, кроме бессмысленного мычания. Кожемяка дернулся за мной и схватил за руки, поваливая обратно на пол и не позволяя приблизиться к Царевичу.

Иван же не стал долго вести переговоров. Выхватил из ножен меч и замахнулся над Книгой. Жар-Птица победоносно наблюдал за Царевичем, а я в ужасе закрыла лицо руками, не желая видеть, как Иван загорится. Нечеловеческий крик блондина и яркая вспышка заставили меня подскочить на месте. Стараясь не смотреть в сторону Царевича, я схватила Кожемяку за руку и потянула за собой. Не знаю, откуда взялась сила, но Никита едва устоял на ногах от резкого рывка. Крики Ивана оглушали и мешали здраво соображать. Одной рукой я зажала ухо, а второй крепко вцепилась в пальцы богатыря, таща его за собой будто на буксире. Жар-Птица распростёр руки в стороны и издавал жуткие клокочущие звуки. Пол под ногами ходил ходуном, а стены сотрясались, будто со всех сторон в них долбили огромные чудовища. Находящийся в шоке чародей по-прежнему стоял в ступе, с открытым ртом наблюдая, как его хозяина поглощает волшебный огонь.

Мои губы по-прежнему не открывались, поэтому кричать приходилось с закрытым ртом. Надеюсь, выражение лица передавало смысл слов, которые я хотела донести.

— Лезь!!!

Кожемяка понял сразу. С невиданной для своего возраста ловкостью перемахнул через бортик ступы, до смерти перепугав застывшего чародея.

— Куда? — взвыл он, поднимая в воздух метлу. Я отбила слабую атаку одной рукой и следом за Кожемякой прыгнула в ступу. Получилось куда менее грациозно. Я с размаху ударила лбом о толстое дерево и взвыла.

— Чокнутая! — верещал маг, продолжая размахивать метлой.

Изнутри ступа оказалась куда больше, чем казалась снаружи, и Никита даже умудрился свернуться калачиком на дне, при этом оставляя место нам с чародеем.

— Гони! — не разжимая сведенных магией губы закричала я. Руки пытались отбиться от мелькавшей в воздухе метлы, а из глаз от напряжения брызнули слезы, — да гони ты, идиот?!

— Чего?! — не понял маг.

— Взлета-а-ай!

Пещера начинала трястись все сильнее, а лед трескался и кусками падал на пол. Крики Ивана заглушил грохот, а света становилось все больше. Не нужно было даже оборачиваться, чтобы понять, что Жар-Птица принимает свой звериный (вернее, птичий) облик. Я схватилась обеими руками за метлу и приблизилась к опешившему дедуле, надеясь, что хотя бы в моих глазах он прочтет и правильно расшифрует мольбу действовать.

Бесполезно. Видать, в здешнем Море за магию приходится платить мозгами.

Мысленно попросив у мага прощения, я сделала подлое движение и пнула коленкой беднягу по бедру. Тот вскрикнул и согнулся, а метла осталась в моих руках.

Ох, мамочки, спасите. Как он там это делал?

Свет начинал слепить и глаза заслезились. Я тяжело выдохнула и опустила метлу сделав одно единственное движение, какое умела — дернула ее в сторону, будто с силой сметая с земли пыль. Ступа слетела с места резким движением и отправилась в параллельный полу полет.

— А-а-а! — заверещал Кожемяка, сжимая голову руками.

— Ты что творишь, дура?! — истерично взвыл пошатнувшийся маг.

Я кричать не могла по физическим причинам, но мои расширившиеся от ужаса глаза грозились вот-вот вывалиться из орбит. Мы приближались к трясущейся стене со скоростью пули, и я неосознанно выставила руки с метлой вперед. Помогло. У ступы даже тормозного пути не оказалось, она остановилась на месте так резко, что, не будь у нее высоких дубовых стенок, мы бы вылетели из нее, распластавшись на ледяной глыбе, как разбитые яйца на сковородке. А так отделались парочкой синяков и, возможно, сломанных ребер: как-то подозрительно болезненно застонал чародей.

— Чокнутая! — верещал маг, схватившись за живот, — чокнутая! Верни метлу!

Я спорить не стала и послушно протянула средство управления сказочным транспортом магу. Тем более он уже понял, что я от него хотела. Выхватил у меня волшебное древко и сделал резкое движение руками. Ступа вернулась обратно под темный проем в потолке, и именно в этот момент перевоплощение Жар-Птицы закончилось, а Книга полыхнула ярким взрывом.

Маг побледнел и с силой ударил метлой по земле. Ступа оттолкнулась от пола, и мы полетели вверх как из катапульты. Я повалилась на пол рядом с верещащим во все горло Кожемякой. Будь у меня возможность, кричала бы не меньше, но губы по-прежнему не размыкались, поэтому приглушенным визгом я оглушала только саму себя.

Чародей пытался лететь ровно, но пещера рухнула под взрывом, а в проем во льду следом за нами кинулась Жар-Птица. Я лежала на дне ступы, видела ледяные стены, озаренные ослепительным пожаром, слышала, как громко хлопают огромные жаркие крылья и чувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Горячие волны воздуха заставляли ступу мотаться из стороны в сторону, а громкое карканье раздавалось под вибрирующим толстым дном.

Меня затошнило сильнее. Маг сосредоточенно орал, пытаясь маневрировать, а я вцепилась ему в штанину, с силой дергая на себя.

— Чего тебе? — заорал чародей. Я жестом указала на свой рот, с мольбой сложив на груди руки.

Слава Богу человеческое магу не было чуждо, и он решил не спорить, щелкая пальцами. Я распахнула рот, с облегчением понимая, что, если меня сейчас вырвет, я хотя бы не задохнусь. Удивительно, но про тошноту я забыла мгновенно после того, как маг не сдержал напряжения, и ступа с размаху влетела в ледяную стену.

Теперь мы с Кожемякой верещали в унисон, прижавшись друг к другу на дубовом дне, а чародей, тяжело дыша и плача от страха, пытался снова выровнять полет. Все вокруг

тряслось и ходило ходуном, а я поразилась, насколько глубокой оказалась пещера.

Мой голос начинал садиться, и кричать становилось больно, но прекращать визг я не собиралась. С ним переносить происходящее было легче, пусть даже я совсем порву голосовые связки, а завтра не смогу произнести ни слова. Если выживу, конечно.

Наверное, это была красивая сцена. Мы вылетели из проема в леднике, взмыв в ночное небо, как пробка от шампанского, а следом за нами появилась огромная полыхающая яростным пламенем птица. Она освещала округу ярче полуденного солнца и оглушающе хлопотала. Маг сделал маневренное движение в сторону, чтобы уйти с ее пути, но потерпел неудачу. Ступа вильнула в сторону, перевернулась на бок и теперь неслась по воздуху в горизонтальном положении.

Чародея силой ветра повалило к нам, и теперь мы втроем вжимались в дно ступы и с ужасом верещали, рассматривали представшую перед глазами поляну, где до нашего появления шло сражение. Сейчас же армия нежити, которую мы с Максимом видели в катакомбах, бросила свое дело и пыталась скрыться от огненного света кружившей в небе Жар-Птицы. Люди в шоке попадали на землю, закрывая руками головы, а зверье бросилось в лес.

— Тормози! — орала я осипшим голосом. — Тормози!

Маг хотел выставить вперед метлу, но я резко перехватила его руки. Памятуя о полном отсутствии тормозного пути у ступы, я понимала, что, останови ее чародей таким образом, мы вылетим в воздух как горошины из рогатки.

— Спятил?! — заорала с ужасом рассматривая недалекого мага.

Чародей тоже осознал свою ошибку и, тяжело дыша, сделал чуть менее резкое движение. Ступу повело, она повернулась и снова двинула вверх. Нас опять прижало к дну, но на этот раз отвесно.

— Да сделай ты что-нибудь! — снова заорала я, — сделай!

— Я тебя выкину сейчас! — ревел в ответ маг. — Не мешай!

Еще одно движение, и ступа снова вильнула в сторону. Нас повалило в бок, и я неловко подломила под себя левую руку. Раздался противный хруст, а перед глазами вспыхнула болезненная вспышка. Крик застрял в груди, и где-то на границе сознания я подумала, что обморок сейчас будет лучшим выходом. По крайней мере я не почувствую себя лепешкой перед смертью.

Ну что ж, прощай прекрасный мир. Я так тебя любила...

11.2

— Руслана!

Я пыталась поймать ускользающий сон уже несколько минут, но радостный возглас Василисы прогнал его окончательно. Пришлось тяжело вздохнуть и открыть глаза. Двигаться было лень, и я зевнула, переводя взгляд на дверь, где стояла царевна. Девушка переминалась с ноги на ногу, ожидая, когда я, наконец, проснусь.

— Доброе утро, — осипшим голосом пожелала гостье. Фигурально, конечно. День уже клонился к закату, а я провалялась в постели до вечера, так как всю предыдущую ночь мы с Васей просидели в моей комнате с бутылкой настойки, делясь друг с другом сокровенными женскими тайнами.

— Доброе! — радостно отозвалась Василиса, принимая мои слова за приглашение войти. Тяжелая дверь с грохотом вписалась в косяк, а девушка, будто ураган, влетела в комнату. — Вставай уже! Гулянье вот-вот начнется!

Я снова вздохнула, устало потянулась и опустила босые ноги на теплый дубовый пол. Забинтованная рука заболела от неловкого движения, заставляя поморщиться.

— Болит? — заметила мою гримасу Василиса.

— Нет, — мотнула головой я, — Вась, слушай, а, может, вы как-нибудь без меня отгуляете? Ну что я там делать буду?

— Да как же без тебя-то! — Кошечья жена в ужасе всплеснула руками, — ты, Руслана, важным гостем будешь на празднике! Все-все на тебя поглядеть хотят, да познакомиться.

Ага, важным, как же. Смех один. Моей заслуги в победе над войском Ивана было примерно столько же, сколько и Ворона Яги, что два месяца сидел в избушке, подхватив птичий грипп.

Вася, продолжая активно убеждать меня в необходимости пойти на гуляние, подошла к единственному в комнате окну, распахнула деревянные ставни и глубоко вдохнула. Утром была гроза и в воздухе все еще витал запах мокрой травы и свежести. Сумерки сгущались, а подготовка к празднику шло полным ходом — с улицы доносились голоса, смех и звон посуды.

С тех пор, как Жар-Птица вырвалась на свободу, Иван погиб, а все его войско разбрелось по Лесу, прошло уже четыре дня. Нас с горе-магом и Кожемякой подобрали у речки, куда мы приземлились, чудом не превратившись в лепешку. Чародея сразу схватили стражи, а нас с Никитой увезли в терем родственницы Кошечья — Царевны Лягушки, где мы и находились по сей день. Хранитель и Бессмертный уехали в тот же день, и Максима я так и не увидела. Хранитель удостоверился, что я жива, относительно здорова и не собираюсь в ближайшее время покидать белый свет и уехал, не дождавшись, пока его нерадивая соседка не придет в себя. Обижаться на Максима я и не думала, но ужасно скучала и переживала. Сегодня утром Хранитель, наконец, прислал письмо, где сообщалось, что войско Ивана окончательно разбито, и в лесах осталась только нечисть. Они обещали вернуться к вечеру, и именно поэтому Василиса и Царевна-Лягушка организовали гуляние. К слову, сама владелица терема оказалась милой девушкой, с которой я быстро нашла общий язык. С земноводными у нее общего ничего не было, а на мой логичный вопрос, откуда такое имя, девушка посоветовала обратиться к её шутникам-родителям.

Я снова зевнула, исподлобья наблюдая за носившейся по комнате Василисой. Она зажигала свечи и что-то бормотала себе под нос. Наконец, комната обрела более-менее нормальное освещение, и девушка повернулась ко мне и радостно хлопнула в ладоши:

— Давай готовиться!

— Вась, — заканючила я, — ну я не хочу. Настроения нет.

— Зато у меня есть! — отрезала Царевна. — Я тебе сарафан утром принесла,

закачаешься! На тебя специально пошили.

Сарафан и правда оказался чудесным. В отличие от того, который я мерила у Ивана в плену — этот был сшит на меня и сидел идеально. Из тяжелой алой ткани, он подвязывался белым широким поясом, выделяя талию. Длинные рукава же были белыми, и по всей их длине струился красный, вышитый вручную, узор. Я переоделась, посмотрела на себя в зеркало и сразу повеселела. За все дни в Лесу мой внешний вид, наконец-то, меня обрадовал. Хозяйка терема — Царевна-Лягушка, оказалась любительницей «косметики» природного происхождения и четыре дня отмачивала меня в ароматических ваннах, втирала в кожу и голову масла и шампуни и проводила все возможные косметические процедуры народными средствами. Волосы, наконец, стали привычно мягкими, кожа — гладкой, а настроение куда более радостно. А теперь еще и сарафан, который удивительно мне шёл. Даже забинтованная рука не портила картины.

— Красавица, — восхищенно протянула Василиса, — я тебе сейчас косу красивую заплету и подкрашу! Глаз не оторвать.

Мы вышли на улицу к веселящимся людям, когда стемнело окончательно. Ночное небо озаряли огненные всполохи костров, а вокруг раздавались песни и смех. В глазах рябило от обилия ярких нарядов и танцующих людей, а нос уловил запах жареного мяса и хлеба.

Вася радостно хлопнула в ладоши и потянула в ближайший хоровод. Я чудом успела подцепить подол сарафана здоровой рукой. Веселящаяся царевна уже плясала в кругу людей, а я растерянно встала на месте, не зная, что делать. По правую руку появился низенький веселый мужичок, от которого тянуло духом недавно выпитой браги.

— Пляши! — радостно рявкнул он мне, хватая за ладонь.

Я едва не споткнулась, неловко взмахнув забинтованной рукой, но весельчак удержал от падения. Незнакомая девушка с длинными белыми волосами подхватила меня за согнутый локоть и осторожно держала, пока хоровод несясь вокруг костра.

Веселая песня лилась нестройным хором. Я давно стянула с ног убитые кроссовки и танцевала, как и все остальные, босиком. Ноги уже болели, но я не переставала смеяться от обуявших меня чувств и не обращала на это внимания. В незнакомых людях я поначалу пыталась распознать известных сказочных персонажей, но их становилось все больше, и эту затею пришлось бросить. Они обнимали меня, искренне поздравляли и зачем-то говорили «спасибо». Потом рыжая девчушка лет двенадцати притащила венок из больших белых цветов и подарила мне, строго велев надеть и не снимать. Венок был чудесным и удивительно подходил моему наряду, поэтому спорить с малышкой я не стала.

Когда уже валилась с ног и тяжело дышала, как загнанная лошадь, меня, наконец, выпустили из круга. Один из галантных кавалеров проводил до костра и бережно усадил на поваленное бревно, пообещав вернуться. Я блаженно вытянула к огню ноги и руки и устало прикрыла глаза, не переставая улыбаться. Господи, как бы мне хотелось, чтобы Максим сейчас был рядом. Когда они уже с Кошеем приедут?

— Потрясающе выглядишь.

Ну вот, вспомни солнце, вот и лучик. Я радостно вскочила, забывая про усталость, и обернулась на улыбающегося Хранителя.

— Максим! — парень уже успел переодеться и выглядел слишком свежо для человека, только что вернувшегося из боевого похода. Я бросилась к соседу на шею, а тот, ничуть не возражая, крепко обнял меня в ответ.

— Больно? — всполошился, когда я ойкнула от боли в оказавшейся между нами забинтованной руке. Отстранился под мой разочарованный вздох и с волнением посмотрел в глаза. Сердце уже привычно заколотилось сильнее, и я замотала головой, одновременно отвечая на вопрос Хранителя и пытаясь согнать с лица краску.

Максим недоверчиво прищурился и снова обнял меня, на этот раз контролируя силу. Я уткнулась парню в ключицы и закрыла глаза, не в силах стереть с лица счастливую улыбку.

— Как дела?

Сосед тяжело вздохнул и проговорил мне в макушку:

— Нормально. Почти всех поймали. Нечисть только по лесам разбрелась, но это уже не наша забота. Всех колдунов Ивана сдали. Помощников, тоже почти всех поймали. А с остальными пусть стража и богатыри разбираются.

Я, не отстраняясь от Максима, подняла голову. В его глазах плясали отражающиеся искры костра, а сам парень улыбался.

— Чего ты? — спросил, когда заметил, что я погрузилась. Прислонился лбом к моему лбу и нахмурился, — Руслана, что-то не так?

— Максим, а что дальше будет? — тихо спросила, не в силах прервать наш зрительный контакт. — Ну... со мной...

Хранитель не успел ответить. Появившееся рядом друзья заставили нас обоих испуганно вздрогнуть.

— Ой ну хватит вам обниматься. — Василиса смеялась, разглядывая нас, — Руся, отпусти уже Максима, он с дороги не евши.

Я выбралась из рук Хранителя и постаралась натянуть на лицо улыбку. Подошла и обняла Кощея и Ягу и чмокнула в затылок фыркнувшего Колобка.

— Правда, вы же голодные, — всплеснула руками я, — мы с Васей тоже не ели, ждали вас!

Друзья, радостно переговариваясь, двинулись к столу, а я почувствовала, как мою ладонь нащупала рука Максима. Он молча сжал мои пальцы и потянул следом за ребятами.

На длинном дубовом столе, растянувшимся метров на тридцать, не меньше, находилось столько еды, что у меня перед глазами зарябило. Вася еще до этого говорила мне, что Царевна-Лягушка постелила скатерть-самобранку, но своими глазами я ее еще не видела. Дружно глотая голодные слюнки, мы уселись за стол, где никого не было, и накинулись на еду.

Когда желудки, наконец, были наполнены, а разговоры текли с вялым блаженством, Вася, что сидела на соседнем стуле, вдруг печально вздохнула:

— Руслана?

— А? — я с сожалением отложила куриную ножку обратно в тарелку, понимая, что мой живот не выдержит подобного издевательства над собой.

— Неужто мы больше не увидимся?

Я сжала руки и опустила грустный взгляд на пальцы. Ну вот, хотела повеселиться и не поднимать сегодня эту тему, а Василиса заговорила сама.

— Ты решила уехать в Москву? — ледяной тон Максима мне не понравился. Я подняла голову на парня и поняла, что он отложил в сторону вилку и смотрит на меня серьезным взглядом.

Стало неудобно, и я испуганно пожала плечами:

— С чего ты взял?

Хранитель прищурился и кивнул на Василису:

— Она говорит, что вы больше не увидите? Ты об этом мне хотела сказать?

— Ну, — я удивленно хлопнула глазами, — я не говорила, что уеду в Москву.

Максим переглянулся с Кощеем и нахмурился:

— Я не понял.

— Да чего ты не понял? — обиженно фыркнула я. Вот обязательно заставлять меня говорить такие унижительные и грустные вещи вслух? — я — не Хранительница, значит в Лес попасть больше не смогу.

Сосед как-то странно на меня покосился и вкрадчиво поинтересовался:

— Но сейчас-то ты тут. Если ты не собираешься уезжать из Зорино, ничто не помешает тебе ходить в Лес со мной. — помолчал и еще раз уточнил: — Ты же не собираешься уезжать?

Я оглядела застывших друзей, взирающих на меня с немой мольбой, и почувствовала, как к глазам подступили слезы. Удерживать их не было сил, и я, всхлипнув, замотала головой:

— Конечно же нет!

А разве мог быть другой ответ? Какой человек в здравом уме сможет вернуться к «нормальной» жизни, зная, что под боком живут настоящие сказочные герои? Да и не только в этом дело. Они все мне стали друзьями, которых в моей жизни никогда и не было. Ну, кроме Светки, конечно. Что в школе, что и институте, сверстники дружили со мной только потому, что я училась лучше остальных и могла помочь с учебой, на работе подлизывались из-за моего неумения говорить «нет» и привычки ответственно относиться к делу. Всю свою жизнь я знала это и пыталась завоевать право на дружбу, а здесь, сколько не думай, я только всем мешала, спутывала планы и не сделала ничего, чтобы помочь, пусть и старалась изо всех сил. Но просят ведь остаться! И любят!

Вася с ревом кинулась мне на шею, Колобок незаметно облегченно выдохнул, а в ногу ткнулся влажный нос мурлыкающего кота.

— Кстати, — всхлипнула, когда мы с Василисой, наконец, перестали обниматься и разводить вокруг сырое болото, — а что с Жар-Птицей?

— Улетел, — пожал плечами Максим. Парень повеселел и выглядел теперь куда дружелюбнее, — скорее всего в зачарованную рощу. Там живет много сказочных птиц.

— А он не опасен?

— Скорее всего нет, — за Хранителя ответил Кощей, — Книга уничтожена. Границы не разрушены, как мы думали. В Книге хранились Знания, которые способны были уничтожить Лес, а теперь их нет. Жар-Птица о них ничего не знает и сделать ничего не может. Если начнет чудить, сдадим стражам.

— А где Кожемяка, кстати? — поинтересовался Максим. — Я не видел его, когда мы приехали.

— Так он сразу к себе домой то и уехал, — улыбнулась Вася, — говорит, внуки да дети заждались его за три года-то. Небось и похоронили уже дедушку.

Мы повеселились до самого утра. Когда ноги уже отказывались держать, а утренняя зорька медленно рассеивала ночную темноту, Максим устало поцеловал меня и велел идти собирать вещи. Один из колдунов должен был открыть нам портал через полчаса.

Вещей у меня было немного. Подаренный Васей сарафан я решила не снимать, а свои потрепанные футболку и джинсы сунула в походный мешок. Туда же отправились кроссовки (я по-прежнему ходила босиком), сменная одежда, которую Максим достал для меня в Русалочьих Слезах, и маленький дубовый амулет в форме расправившей крылья горящей птицы. Его мне подарила Царевна-Лягушка после того, как узнала о произошедшем в ледяной пещере. Велела в своем мире всегда на шее носить, чтобы быть под защитой.

— Я не буду с тобой прощаться, Руслана, скоро увидимся, — Яга крепко обняла меня и чмокнула в щеку.

Я радостно закивала в ответ. Девушка пообещала изобрести способ, который позволит

мне проходить в Лес без помощи Максима. Правда, Хранитель взял с меня клятву не злоупотреблять этой возможностью, на что я с готовностью согласилась. Все-таки, при моем таланте находить проблемы на пустом месте, соваться одной в бескрайний Лес, кишасий сказочными героями, было бы безрассудно.

— Спасибо тебе за все, Руслана, — Илья Муромец широко улыбался, пожимая своей огромной ладонью мои пальцы, — Рад был свидеться с тобой, познакомиться. Хорошая ты девица!

— Да мне то не за что, — улыбнулась я в ответ мужчине. — Вы берегите себя, пожалуйста!

Илья согласно закивал.

— Рада была познакомиться с тобой! — Царевна-Лягушка от души обняла меня и расцеловала в обе щеки. — Береги подарок мой, в нем волшба защитная. И не забывай обо всем, что приключилось с тобой здесь!

Да уж захочешь, не забудешь. Я еще раз поблагодарила хозяйку терема за доброту и гостеприимство и пообещала всегда носить подаренный ей амулет. Та радостно кивнула, а мне в ноги ткнулась усатая морда.

— Котяра, — я присела на корточки и обняла кота за шею, зарываясь в пушистую шерсть. Тот лизнул меня в щеку, будто собака, и пощекотал усами:

— Удачи, Р-р-руслана.

— Постарайся уж поменьше вляпываться в неприятности, — добавил Колобок.

Я даже не обиделась, крепко обнимая вредную выпечку. Он решил временно остаться с Ягой, поэтому с нами в портал идти не собирался.

— Ты скоро к Василисе с Кошеем вернешься? — грустно спросила, чмокнув хлебушек в горячий лоб.

— Скоро, — фыркнул он и ехидно поинтересовался, — а ты скучать что ли будешь?

— Буду! — искренне кивнула я, — очень-очень. Возвращайся скорее.

Кругляш смутился, а его щеки заметно подрумянились.

— Кстати, — неловко кашлянул он, отводя песочные глазки в сторону и пытаясь скрыть довольную улыбку, — я все спросить хотел, что же ты там такого на земле начеркала, когда Горыныча увидела? Никто ж послание твое так и не понял.

Я задумалась. День, когда я выпила приворотное зелье казался далеким безумным сном.

— Кажется, я написала, что-то про книгу. — протянула, неуверенно пожимая плечами. — Или про Жар-Птицу.

— На китайском, судя по всему, — фыркнул Максим.

Я виновато улыбнулась:

— Помочь же вам хотела.

— В следующий раз лучше рисуй, — хмыкнул Колобок, а я передернулась:

— Давайте обойдемся без следующего раза...

Прощаться подошли почти все, с кем я познакомилась во время путешествия по сказочному Лесу. Разве что занятой Горыныч не смог явиться (обещал к Васе с Кошеем залететь на днях, свидеться). На сердце было тепло и радостно. Не знай я, что смогу вернуться снова, обрелась бы, наверное, горячими слезами и никто бы успокоить не смог. А тут обнимаю всех, руки пожимаю и улыбаюсь счастливо, понимая, что не закроется для меня Лес Сказок.

Проходить через портал сознательно, когда тебя не толкают в спину и не грозят оттяпать острыми зубами пол пятки, оказалось легче и приятнее. Правда, тошнило, как после сильной турбулентности в самолете, но это мелочи жизни. Из прозрачной воздушной воронки, открытой незнакомым колдуном, мы вышли на неровную лесную полянку, оставив позади шумный двор терема Царевны-Лягушки. Уши тут же заложило от тишины, а я с удивлением оглянулась и поняла, что узнаю поляну. Это было то самое знакомое место, где мы с Максимом застали убитого горем Кощея, когда Иван похитил его жену. Именно здесь мы приняли решение двинуться к отряду Ильи, и именно отсюда началось наше путешествие.

— Ох, отдохнуть бы нам надобно. — Василиса устало потянулась и облокотилась на мужа. Кощей с готовностью обнял девушку со спины и нежно улыбнулся. — Руслана, Максим. Спасибо вам за все.

Я по очереди обняла обоих, а Максим пожал руку Бессмертному и поцеловал Василису в щеку.

Мы попрощались, пообещав в скором времени навестить сказочную парочку в их замке и, взявшись за руки, двинулись в сторону деревни. Я последний раз оглянулась на друзей, не в силах поверить, что сказочное путешествие и правда закончилось. Махающие вслед Вася и Кощей скрылись из виду, а мы оказались на тропинке, что вела к моему дому.

Старенькие жигули по-прежнему стояли у дороги. За время нашего отсутствия местные работяги подлатали мне крышу, но лестница и окна все еще зияли черными дырами. Вот только избушка уже не пугала, а воспоминание о дне, когда я впервые зашла в нее, вызывали смех. Максим даже не тормознул рядом с моим законным жилищем, направляясь к своему дому. Я противиться не стала, послушно следуя за Хранителем и крепко сжимая его ладонь.

У меня было очень странное чувство, что все, что происходило до этого момента было странным сном. Сначала мне приснилась вся моя жизнь в Москве, увольнение, выселение из квартиры и переезд в Зорино, а после приснились странные приключения в Сказочном Лесу. Да, если честно, мне даже сейчас казалось, что я все еще сплю, а не в реальности иду с Хранителем за руку к его дому.

— Вернулись! — радостное привидение слетело с лестницы, как только мы переступили порог.

Максим привычно увернулся, а я снова оказалась в призрачных объятьях. Передернувшись от холода и пронзивших кожу колючих мурашек, я кое как выбралась из рук неосязаемого дедули.

— Руслана! — отчаянно всплеснуло руками привидение, — Боже! Что случилось? Что с твоей рукой?

Я покосилась на забинтованную конечность и попыталась отшутиться:

— Шальная пуля. Ничего страшного.

Призрак моего юмора не понял и застонал от ужаса, вцепившись прозрачными руками в седые волосы:

— Да как же ты, Максим, Руслану то не уберег! — накинулся он на Хранителя, — Оберегать должен был да защищать!

— Убережешь ее, как же, — вздохнул сосед, приобняв меня за плечи и поцеловав во встрепанную макушку.

— Не переживайте, правда, — улыбнулась я, — все нормально.

Привидение взмыло под потолок и взволнованно кружило над нашими головами.

— Ох-ох-ох. — стонало оно, — а Василисушка? Василисушка как?

— Дома с Кошеем, — обрадовала его я. — Иван повержен, Мир восстановлен.

Кентервильский дедуля радостно выдохнула и снова было кинулся обниматься, но Хранитель шагнул в сторону, сдвигая нас обоих с его пути. Призрак, впрочем, ничуть не расстроился. Пролетел сквозь вешалку для одежды и снова взмыл в воздух.

— Я вам покушать сейчас приготовлю! Вы же с дороги!

После вчерашнего пиршества есть совсем не хотелось, но отказывать дедуле мы не стали. Пока тот гремел на кухне, Максим повел меня наверх. На кровать в его комнате мы повалились совсем без сил. Мягкий матрас и свежая постель показались райским блаженством. Сосед притянул меня к себе, а я, уютно устроилась в его руках, накрыла нас легким пушистым одеялом и закрыла глаза.

— Руслана, — сквозь сон донесся до меня его голос.

— М-м-м, — сонно отозвалась я.

— У меня к тебе предложение.

Я лениво приоткрыла один глаз и, зевнув, поинтересовалась:

— Какое?

— Хранителем ты не можешь быть, но... Хочешь быть моей помощницей?

Я удивленно хлопнула глазами, а Максим наблюдал за мной с улыбкой.

— А разве есть такая должность? — задумчиво протянула, не в силах сдержать ответную улыбку, — как это будет называться? Секретарь Хранителя Сказочного Леса?

— Нет, значит будет, — пожал плечами сосед, — Или ты не хочешь?

— Звучит заманчиво, — я счастливо вздохнула и снова закрыла глаза. Будь у меня чуть больше сил, непременно бы бросилась к Максиму на шею и начала бы радостно благодарить. А так только вытянулась вперед, едва заметно прикоснулась губами к его губам и тихо прошептала: — Спасибо!

Кентервильское привидение все еще гремело посудой, а мы уже сладко спали, улыбаясь, будто дети, которым всю ночь снится чудесный сон.

— Руслана!

Я пыталась поймать ускользающий сон уже несколько минут, но радостный возглас Василисы прогнал его окончательно. Пришлось тяжело вздохнуть и открыть глаза. Двигаться было лень, и я зевнула, переводя взгляд на дверь, где стояла царевна. Девушка переминалась с ноги на ногу, ожидая, когда я, наконец, проснусь.

— Доброе утро, — осипшим голосом пожелала гостье. Фигурально, конечно. День уже клонился к закату, а я провалялась в постели до вечера, так как всю предыдущую ночь мы с Васей просидели в моей комнате с бутылкой настойки, делясь друг с другом сокровенными женскими тайнами.

— Доброе! — радостно отозвалась Василиса, принимая мои слова за приглашение войти. Тяжелая дверь с грохотом вписалась в косяк, а девушка, будто ураган, влетела в комнату. — Вставай уже! Гулянье вот-вот начнется!

Я снова вздохнула, устало потянулась и опустила босые ноги на теплый дубовый пол. Забинтованная рука заболела от неловкого движения, заставляя поморщиться.

— Болит? — заметила мою гримасу Василиса.

— Нет, — мотнула головой я, — Вась, слушай, а, может, вы как-нибудь без меня отгуляете? Ну что я там делать буду?

— Да как же без тебя-то! — Кошечкина жена в ужасе всплеснула руками, — ты, Руслана, важным гостем будешь на празднике! Все-все на тебя поглядеть хотят, да познакомиться.

Ага, важным, как же. Смех один. Моей заслуги в победе над войском Ивана было примерно столько же, сколько и Ворона Яги, что два месяца сидел в избушке, подхватив птичий грипп.

Вася, продолжая активно убеждать меня в необходимости пойти на гуляние, подошла к единственному в комнате окну, распахнула деревянные ставни и глубоко вдохнула. Утром была гроза и в воздухе все еще витал запах мокрой травы и свежести. Сумерки сгущались, а подготовка к празднику шло полным ходом — с улицы доносились голоса, смех и звон посуды.

С тех пор, как Жар-Птица вырвалась на свободу, Иван погиб, а все его войско разбрелось по Лесу, прошло уже четыре дня. Нас с горе-магом и Кожемякой подобрали у речки, куда мы приземлились, чудом не превратившись в лепешку. Чародея сразу схватили стражи, а нас с Никитой увезли в терем родственницы Кощея — Царевны Лягушки, где мы и находились по сей день. Хранитель и Бессмертный уехали в тот же день, и Максима я так и не увидела. Хранитель удостоверился, что я жива, относительно здорова и не собираюсь в ближайшее время покидать белый свет и уехал, не дождавшись, пока его нерадивая соседка не придет в себя. Обижаться на Максима я и не думала, но ужасно скучала и переживала. Сегодня утром Хранитель, наконец, прислал письмо, где сообщалось, что войско Ивана окончательно разбито, и в лесах осталась только нечисть. Они обещали вернуться к вечеру, и именно поэтому Василиса и Царевна-Лягушка организовали гуляние. К слову, сама владелица терема оказалась милой девушкой, с которой я быстро нашла общий язык. С земноводными у нее общего ничего не было, а на мой логичный вопрос, откуда такое имя, девушка посоветовала обратиться к её шутникам-родителям.

Я снова зевнула, исподлобья наблюдая за носившейся по комнате Василисой. Она зажигала свечи и что-то бормотала себе под нос. Наконец, комната обрела более-менее нормальное освещение, и девушка повернулась ко мне и радостно хлопнула в ладоши:

— Давай готовиться!

— Вась, — заканючила я, — ну я не хочу. Настроения нет.

— Зато у меня есть! — отрезала Царевна. — Я тебе сарафан утром принесла, закачаешься! На тебя специально пошили.

Сарафан и правда оказался чудесным. В отличие от того, который я мерила у Ивана в плену — этот был сшит на меня и сидел идеально. Из тяжелой алой ткани, он подвязывался белым широким поясом, выделяя талию. Длинные рукава же были белыми, и по всей их длине струился красный, вышитый вручную, узор. Я переоделась, посмотрела на себя в зеркало и сразу повеселела. За все дни в Лесу мой внешний вид, наконец-то, меня обрадовал. Хозяйка терема — Царевна-Лягушка, оказалась любительницей «косметики» природного происхождения и четыре дня отмачивала меня в ароматических ваннах, втирала в кожу и голову масла и шампуни и проводила все возможные косметические процедуры народными средствами. Волосы, наконец, стали привычно мягкими, кожа — гладкой, а настроение куда более радостно. А теперь еще и сарафан, который удивительно мне шёл. Даже забинтованная рука не портила картины.

— Красавица, — восхищенно протянула Василиса, — я тебе сейчас косу красивую заплету и подкрашу! Глаз не оторвать.

Мы вышли на улицу к веселящимся людям, когда стемнело окончательно. Ночное небо озаряли огненные всполохи костров, а вокруг раздавались песни и смех. В глазах рябило от обилия ярких нарядов и танцующих людей, а нос уловил запах жареного мяса и хлеба.

Вася радостно хлопнула в ладоши и потянула в ближайший хоровод. Я чудом успела подцепить подол сарафана здоровой рукой. Веселящаяся царевна уже плясала в кругу людей, а я растерянно встала на месте, не зная, что делать. По правую руку появился низенький веселый мужичок, от которого тянуло духом недавно выпитой браги.

— Пляши! — радостно рявкнул он мне, хватая за ладонь.

Я едва не споткнулась, неловко взмахнув забинтованной рукой, но весельчак удержал от падения. Незнакомая девушка с длинными белыми волосами подхватила меня за

согнутый локоть и осторожно держала, пока хоровод несясь вокруг костра.

Веселая песня лилась нестройным хором. Я давно стянула с ног убитые кроссовки и танцевала, как и все остальные, босиком. Ноги уже болели, но я не переставала смеяться от обурявших меня чувств и не обращала на это внимания. В незнакомых людях я поначалу пыталась распознать известных сказочных персонажей, но их становилось все больше, и эту затею пришлось бросить. Они обнимали меня, искренне поздравляли и зачем-то говорили «спасибо». Потом рыжая девчушка лет двенадцати притащила венок из больших белых цветов и подарила мне, строго велев надеть и не снимать. Венок был чудесным и удивительно подходил моему наряду, поэтому спорить с малышкой я не стала.

Когда уже валилась с ног и тяжело дышала, как загнанная лошадь, меня, наконец, выпустили из круга. Один из галантных кавалеров проводил до костра и бережно усадил на поваленное бревно, пообещав вернуться. Я блаженно вытянула к огню ноги и руки и устало прикрыла глаза, не переставая улыбаться. Господи, как бы мне хотелось, чтобы Максим сейчас был рядом. Когда они уже с Кощеем приедут?

— Потрясающе выглядишь.

Ну вот, вспомни солнце, вот и лучик. Я радостно вскочила, забывая про усталость, и обернулась на улыбающегося Хранителя.

— Максим! — парень уже успел переодеться и выглядел слишком свежо для человека, только что вернувшегося из боевого похода. Я бросилась к соседу на шею, а тот, ничуть не возражая, крепко обнял меня в ответ.

— Больно? — всполошился, когда я ойкнула от боли в оказавшейся между нами забинтованной руке. Отстранился под мой разочарованный вздох и с волнением посмотрел в глаза. Сердце уже привычно заколотилось сильнее, и я замотала головой, одновременно отвечая на вопрос Хранителя и пытаюсь согнать с лица краску.

Максим недоверчиво прищурился и снова обнял меня, на этот раз контролируя силу. Я уткнулась парню в ключицы и закрыла глаза, не в силах стереть с лица счастливую улыбку.

— Как дела?

Сосед тяжело вздохнул и проговорил мне в макушку:

— Нормально. Почти всех поймали. Нечисть только по лесам разбрелась, но это уже не наша забота. Всех колдунов Ивана сдали. Помощников, тоже почти всех поймали. А с остальными пусть стража и богатыри разбираются.

Я, не отстраняясь от Максима, подняла голову. В его глазах плясали отражающиеся искры костра, а сам парень улыбался.

— Чего ты? — спросил, когда заметил, что я погрустнела. Прислонился лбом к моему лбу и нахмурился, — Руслана, что-то не так?

— Максим, а что дальше будет? — тихо спросила, не в силах прервать наш зрительный контакт. — Ну... со мной...

Хранитель не успел ответить. Появившееся рядом друзья заставили нас обоих испуганно вздрогнуть.

— Ой ну хватит вам обниматься. — Василиса смеялась, разглядывая нас, — Руся, отпусти уже Максима, он с дороги не евши.

Я выбралась из рук Хранителя и постаралась натянуть на лицо улыбку. Подошла и обняла Кощея и Ягу и чмокнула в затылок фыркнувшего Колобка.

— Правда, вы же голодные, — всплеснула руками я, — мы с Васей тоже не ели, ждали вас!

Друзья, радостно переговариваясь, двинулись к столу, а я почувствовала, как мою ладонь

нащупала рука Максима. Он молча сжал мои пальцы и потянул следом за ребятами.

На длинном дубовом столе, растянувшимся метров на тридцать, не меньше, находилось столько еды, что у меня перед глазами зарябило. Вася еще до этого говорила мне, что Царевна-Лягушка постелила скатерть-самобранку, но своими глазами я ее еще не видела. Дружно глотая голодные слюнки, мы уселись за стол, где никого не было, и накинулись на еду.

Когда желудки, наконец, были наполнены, а разговоры текли с вялым блаженством, Вася, что сидела на соседнем стуле, вдруг печально вздохнула:

— Руслана?

— А? — я с сожалением отложила куриную ножку обратно в тарелку, понимая, что мой живот не выдержит подобного издевательства над собой.

— Неужто мы больше не увидимся?

Я сжала руки и опустила грустный взгляд на пальцы. Ну вот, хотела повеселиться и не поднимать сегодня эту тему, а Василиса заговорила сама.

— Ты решила уехать в Москву? — ледяной тон Максима мне не понравился. Я подняла голову на парня и поняла, что он отложил в сторону вилку и смотрит на меня серьезным взглядом.

Стало неуютно, и я испуганно пожала плечами:

— С чего ты взял?

Хранитель прищурился и кивнул на Василису:

— Она говорит, что вы больше не увидите? Ты об этом мне хотела сказать?

— Ну, — я удивленно хлопнула глазами, — я не говорила, что уеду в Москву.

Максим переглянулся с Кощеем и нахмурился:

— Я не понял.

— Да чего ты не понял? — обиженно фыркнула я. Вот обязательно заставлять меня говорить такие унижительные и грустные вещи вслух? — я — не Хранительница, значит в Лес попасть больше не смогу.

Сосед как-то странно на меня покосился и вкрадчиво поинтересовался:

— Но сейчас-то ты тут. Если ты не собираешься уезжать из Зорино, ничто не помешает тебе ходить в Лес со мной. — помолчал и еще раз уточнил: — Ты же не собираешься уезжать?

Я оглядела застывших друзей, взирающих на меня с немой мольбой, и почувствовала, как к глазам подступили слезы. Удерживать их не было сил, и я, всхлипнув, замотала головой:

— Конечно же нет!

А разве мог быть другой ответ? Какой человек в здравом уме сможет вернуться к «нормальной» жизни, зная, что под боком живут настоящие сказочные герои? Да и не только в этом дело. Они все мне стали друзьями, которых в моей жизни никогда и не было. Ну, кроме Светки, конечно. Что в школе, что и институте, сверстники дружили со мной только потому, что я училась лучше остальных и могла помочь с учебой, на работе подлизывались из-за моего неумения говорить «нет» и привычки ответственно относиться к делу. Всю свою жизнь я знала это и пыталась завоевать право на дружбу, а здесь, сколько не думай, я только всем мешала, спутывала планы и не сделала ничего, чтобы помочь, пусть и старалась изо всех сил. Но просят ведь остаться! И любят!

Вася с ревом кинулась мне на шею, Колобок незаметно облегченно выдохнул, а в ногу ткнулся влажный нос мурлыкающего кота.

— Кстати, — всхлипнула, когда мы с Василисой, наконец, перестали обниматься и разводить вокруг сырое болото, — а что с Жар-Птицей?

— Улетел, — пожал плечами Максим. Парень повеселел и выглядел теперь куда дружелюбнее, — скорее всего в зачарованную рощу. Там живет много сказочных птиц.

— А он не опасен?

— Скорее всего нет, — за Хранителя ответил Кощей, — Книга уничтожена. Границы не разрушены, как мы думали. В Книге хранились Знания, которые способны были уничтожить Лес, а теперь их нет. Жар-Птица о них ничего не знает и сделать ничего не может. Если начнет чудить, сдадим стражам.

— А где Кожемяка, кстати? — поинтересовался Максим. — Я не видел его, когда мы приехали.

— Так он сразу к себе домой то и уехал, — улыбнулась Вася, — говорит, внуки да дети заждались его за три года-то. Небось и похоронили уже дедушку.

Мы повеселились до самого утра. Когда ноги уже отказывались держать, а утренняя зорька медленно рассеивала ночную темноту, Максим устало поцеловал меня и велел идти собирать вещи. Один из колдунов должен был открыть нам портал через полчаса.

Вещей у меня было немного. Подаренный Васей сарафан я решила не снимать, а свои потрепанные футболку и джинсы сунула в походный мешок. Туда же отправились кроссовки (я по-прежнему ходила босиком), сменная одежда, которую Максим достал для меня в Русалочьих Слезах, и маленький дубовый амулет в форме расправившей крылья горящей птицы. Его мне подарила Царевна-Лягушка после того, как узнала о произошедшем в ледяной пещере. Велела в своем мире всегда на шее носить, чтобы быть под защитой.

— Я не буду с тобой прощаться, Руслана, скоро увидимся, — Яга крепко обняла меня и чмокнула в щеку.

Я радостно закивала в ответ. Девушка пообещала изобрести способ, который позволит мне проходить в Лес без помощи Максима. Правда, Хранитель взял с меня клятву не злоупотреблять этой возможностью, на что я с готовностью согласилась. Все-таки, при моем таланте находить проблемы на пустом месте, соваться одной в бескрайний Лес, кишасий сказочными героями, было бы безрассудно.

— Спасибо тебе за все, Руслана, — Илья Муромец широко улыбался, пожимая своей огромной ладонью мои пальцы, — Рад был свидеться с тобой, познакомиться. Хорошая ты девица!

— Да мне то не за что, — улыбнулась я в ответ мужчине. — Вы берегите себя, пожалуйста!

Илья согласно закивал.

— Рада была познакомиться с тобой! — Царевна-Лягушка от души обняла меня и расцеловала в обе щеки. — Береги подарок мой, в нем волшба защитная. И не забывай обо всем, что приключилось с тобой здесь!

Да уж захочешь, не забудешь. Я еще раз поблагодарила хозяйку терема за доброту и гостеприимство и пообещала всегда носить подаренный ей амулет. Та радостно кивнула, а мне в ноги ткнулась усатая морда.

— Котяра, — я присела на корточки и обняла кота за шею, зарываясь в пушистую шерсть. Тот лизнул меня в щеку, будто собака, и пощекотал усами:

— Удачи, Р-р-руслана.

— Постарайся уж поменьше вляпываться в неприятности, — добавил Колобок.

Я даже не обиделась, крепко обнимая вредную выпечку. Он решил временно остаться с Ягой, поэтому с нами в портал идти не собирался.

— Ты скоро к Василисе с Кощеем вернешься? — грустно спросила, чмокнув хлебушек в горячий лоб.

— Скоро, — фыркнул он и ехидно поинтересовался, — а ты скучать что ли будешь?

— Буду! — искренне кивнула я, — очень-очень. Возвращайся скорее.

Кругляш смутился, а его щечки заметно подрумянились.

— Кстати, — неловко кашлянул он, отводя песочные глазки в сторону и пытаясь скрыть довольную улыбку, — я все спросить хотел, что же ты там такого на земле начеркала, когда Горыныча увидела? Никто ж послание твое так и не понял.

Я задумалась. День, когда я выпила приворотное зелье казался далеким безумным сном.

— Кажется, я написала, что-то про книгу. — протянула, неуверенно пожимая плечами. — Или про Жар-Птицу.

— На китайском, судя по всему, — фыркнул Максим.

Я виновато улыбнулась:

— Помочь же вам хотела.

— В следующий раз лучше рисуй, — хмыкнул Колобок, а я передернулась:

— Давайте обойдемся без следующего раза...

Попрощаться подошли почти все, с кем я познакомилась во время путешествия по сказочному Лесу. Разве что занятой Горыныч не смог явиться (обещал к Васе с Кошеем залететь на днях, свидеться). На сердце было тепло и радостно. Не знаю я, что смогу вернуться снова, обрелась бы, наверное, горячими слезами и никто бы успокоить не смог. А тут обнимаю всех, руки пожимаю и улыбаюсь счастливо, понимая, что не закроется для меня Лес Сказок.

Проходить через портал сознательно, когда тебя не толкают в спину и не грозят оттяпать острыми зубами пол пятки, оказалось легче и приятнее. Правда, тошнило, как после сильной турбулентности в самолете, но это мелочи жизни. Из прозрачной воздушной воронки, открытой незнакомым колдуном, мы вышли на неровную лесную полянку, оставив позади шумный двор терема Царевны-Лягушки. Уши тут же заложило от тишины, а я с удивлением оглянулась и поняла, что узнаю поляну. Это было то самое знакомое место, где мы с Максимом застали убитого горем Кощея, когда Иван похитил его жену. Именно здесь мы приняли решение двинуться к отряду Ильи, и именно отсюда началось наше путешествие.

— Ох, отдохнуть бы нам надобно. — Василиса устало потянулась и облокотилась на мужа. Кощей с готовностью обнял девушку со спины и нежно улыбнулся. — Руслана, Максим. Спасибо вам за все.

Я по очереди обняла обоих, а Максим пожал руку Бессмертному и поцеловал Василису в щеку.

Мы попрощались, пообещав в скором времени навестить сказочную парочку в их замке и, взявшись за руки, двинулись в сторону деревни. Я последний раз оглянулась на друзей, не в силах поверить, что сказочное путешествие и правда закончилось. Махающие вслед Вася и Кощей скрылись из виду, а мы оказались на тропинке, что вела к моему дому.

Старенькие жигули по-прежнему стояли у дороги. За время нашего отсутствия местные работяги подлатали мне крышу, но лестница и окна все еще зияли черными дырами. Вот только избушка уже не пугала, а воспоминание о дне, когда я впервые зашла в нее, вызывали смех. Максим даже не тормознул рядом с моим законным жилищем, направляясь к своему дому. Я противиться не стала, послушно следуя за Хранителем и крепко сжимая его ладонь.

У меня было очень странное чувство, что все, что происходило до этого момента было

странным сном. Сначала мне приснилась вся моя жизнь в Москве, увольнение, выселение из квартиры и переезд в Зорино, а после приснились странные приключения в Сказочном Лесу. Да, если честно, мне даже сейчас казалось, что я все еще сплю, а не в реальности иду с Хранителем за руку к его дому.

— Вернулись! — радостное привидение слетело с лестницы, как только мы переступили порог.

Максим привычно увернулся, а я снова оказалась в призрачных объятьях. Передернувшись от холода и пронзивших кожу колючих мурашек, я кое как выбралась из рук неосязаемого дедули.

— Руслана! — отчаянно всплеснуло руками привидение, — Боже! Что случилось? Что с твоей рукой?

Я покосилась на забинтованную конечность и попыталась отшутиться:

— Шальная пуля. Ничего страшного.

Призрак моего юмора не понял и застонал от ужаса, вцепившись прозрачными руками в седые волосы:

— Да как же ты, Максим, Руслану то не уберег! — накинулся он на Хранителя, — Оберегать должен был да защищать!

— Убережешь ее, как же, — вздохнул сосед, приобняв меня за плечи и поцеловав во встрепанную макушку.

— Не переживайте, правда, — улыбнулась я, — все нормально.

Привидение взмыло под потолок и взволнованно кружило над нашими головами.

— Ох-ох-ох. — стонало оно, — а Василисушка? Василисушка как?

— Дома с Кощеем, — обрадовала его я. — Иван повержен, Мир восстановлен.

Кентервильский дедуля радостно выдохнула и снова было кинулся обниматься, но Хранитель шагнул в сторону, сдвигая нас обоих с его пути. Призрак, впрочем, ничуть не расстроился. Пролетел сквозь вешалку для одежды и снова взмыл в воздух.

— Я вам покушать сейчас приготовлю! Вы же с дороги!

После вчерашнего пиршества есть совсем не хотелось, но отказывать дедуле мы не стали. Пока тот гремел на кухне, Максим повел меня наверх. На кровать в его комнате мы повалились совсем без сил. Мягкий матрас и свежая постель показались райским блаженством. Сосед притянул меня к себе, а я, уютно устроилась в его руках, накрыла нас легким пушистым одеялом и закрыла глаза.

— Руслана, — сквозь сон донесся до меня его голос.

— М-м-м, — сонно отозвалась я.

— У меня к тебе предложение.

Я лениво приоткрыла один глаз и, зевнув, поинтересовалась:

— Какое?

— Хранителем ты не можешь быть, но... Хочешь быть моей помощницей?

Я удивленно хлопнула глазами, а Максим наблюдал за мной с улыбкой.

— А разве есть такая должность? — задумчиво протянула, не в силах сдержать ответную улыбку, — как это будет называться? Секретарь Хранителя Сказочного Леса?

— Нет, значит будет, — пожал плечами сосед, — Или ты не хочешь?

— Звучит заманчиво, — я счастливо вздохнула и снова закрыла глаза. Будь у меня чуть больше сил, непременно бы бросилась к Максиму на шею и начала бы радостно благодарить. А так только вытянулась вперед, едва заметно прикоснулась губами к его губам и тихо прошептала: — Спасибо!

Кентервильское привидение все еще гремело посудой, а мы уже сладко спали, улыбаясь, будто дети, которым всю ночь снится чудесный сон.

Эпилог

— Ты уверен, что мы едем правильно?

— Конечно.

— Максим?

— Руслана, не паникуй.

Я недоверчиво посмотрела на задумчивого Хранителя и настороженно кашлянула. За окном машины проносился незнакомый темный лес, а покосившийся придорожный знак показался мне подозрительно знакомым.

— Что там по карте?

Я покосилась на развернутый в моих руках лист бумаги и поняла, что держу ее вверх ногами. Перевернула, но яснее не стало.

— Я тебя предупреждала, что в этих закорючках не разбираюсь, — вздохнула, откладывая карту на бардачок. — Максим, может, остановимся и дорогу спросим? Темнеет уже.

— Вот именно, что темнеет, — беззлобно фыркнул Хранитель, — Кого мы здесь найдем в такое время?

Хорошее настроение, которое переполняло меня с утра, все еще теплилось в груди и не позволяло раздражаться. Мы с Максимом ездили в город встречать с роддома счастливую Светку. Поначалу я хотела явиться одна, но подруга настояла, что хочет непременно познакомиться с моим молодым человеком. Я ожидала, что Хранитель откажется, но Максим с большим удовольствием согласился, чем изрядно меня удивил.

С мужем Светы парень нашел общий язык мгновенно, да и саму молодую мамочку обаял за пару минут. Та впечатлилась настолько сильно, что сообщила о чудесном «кандидате в мужья» моей собственной маме. Родственники тут же оборвали мне телефон, осадив провокационными вопросами, и я готова была обидеться на Светку, если бы не её новорожденный малыш и угрозы, что мамочке нельзя волноваться, иначе пропадет молоко.

После всего этого пришлось поговорить с родителями и рассказать им про переезд в Зорино. Про Сказочный Лес я, конечно же, умолчала, но про увольнение, волчий билет и домик в деревне поведала. И теперь, в самое ближайшее время, меня ожидал приезд комиссии из родственников, которые долго не могли поверить, что я на полном серьезе собиралась остаться в глуши вместо того, чтобы вернуться домой. Уговаривал их в итоге Хранитель, благодаря которому, мама с папой решили повременить с операцией по вызволению родного дитя из страшной деревни, и для начала проверить ее условия проживания. А заодно поближе познакомиться с Максимом, который категорично заявил, что не отпустит меня обратно в Москву, а тем более в далекий Владивосток, пока я сама не захочу уехать. А я и не хочу. Зачем? Я такой счастливой не была с детства и разрушать это счастье не собиралась.

— Воздух такой свежий.

Мы решили ненадолго остановиться и подышать. Я с наслаждением втянула в себя пахнущий влажностью, рекой и скошенной травой воздух и улыбнулась.

Сосед, оставив дверь в салон приоткрытой, подошел ко мне и накинул на плечи куртку, поцеловав в лоб. Прислонился к капоту и обнял меня со спины, кладя подбородок на плечо. Других машин не было, а пролегающая сквозь лес разбитая дорога упиралась в горизонт. Солнце уже скрылось, но закат все еще догорал, окрашивая небо в ярко-розовые и фиолетовые цвета.

— Красота, — восторженно протянула я, потираясь щекой о колючую щеку Максима.

— Угу, — согласно протянул тот.

Стоять вот так молча было уютно. Крепкие руки Хранителя обнимали меня за талию, а я все не могла перестать глупо улыбаться.

— Максим? — тихо позвала, шмыгнув носом.

— Замерзла? — нахмурился тот.

— Не-а, — покачала головой и покосилась на него, — Максим, скажи, а ты очень на меня злился все это время?

Хранитель удивленно вздернул брови.

— За что?

— Ну-у-у, — я замялась, — я столько раз вам мешала. Навязывалась, Хранительницей себя выставляла. А оказалась никем.

Парень разогнулся и недовольно покачал головой.

— Глупая ты, — вздохнул, прижимаясь губами к моему виску. Я с улыбкой прикрыла глаза и поуютнее устроилась в его руках.

— Так злился?

— Злился, — кивнул Хранитель. Я понимающе вздохнула, — Но, если бы была возможность все вернуть назад, ничего бы менять не стал.

Я удивленно распахнула веки и повернулась к парню. Его глаза смеялись.

— Спасибо, — тихо проговорила я. — Правда, Максим, спасибо тебе за все. Мог ведь просто выгнать и не возиться со мной все это время.

— Не мог, — с улыбкой покачал головой Хранитель, — с того момента, как ты растрепанная залетела ко мне в дом, убеждая, что у тебя дома монстр, уже не мог.

— Ответственность почувствовал за нерадивую соседку? — я скрыла рвущуюся наружу улыбку, сделав вид, что нахмурилась.

— Угу, — закатил глаза Максим, — ответственность. Говорю же, глупая.

Ну ладно, если только совсем немножко. А еще очень счастливая. Ведь разве можно испытывать что-то другое, вот так самозабвенно целуясь на пустой дороге с любимым Хранителем, прислонившись к капоту машины? А вокруг красота, воздух свежий-свежий и свободой пахнет. И жизнь впереди ждет сказочная. В прямом смысле этого слова.